

РУССКИЙ XX ВЕК
на кладбище
под Парижем

Борис Носик

Борис Михайлович Носик

Русский XX век на кладбище под Парижем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6055469

Борис Носик. Меланхолическая прогулка по знаменитому русскому некрополю Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. Истинная энциклопедия русской эмиграции: Золотой век; Санкт-Петербург; 2005

ISBN 5-342-00100-5

Аннотация

На уникальном русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем упокоились поэты и царедворцы, бывшие министры и красавицы-балерины, великие князья и отставные террористы, фрейлины двора и портнихи, священники и безбожники, герои войны и агенты ГПУ, звезды кино и театральные режиссеры, бывшие закадычные друзья и смертельные враги... Иные из них встретили приход страшного XX века в расцвете своей русской славы, другие тогда еще не родились – судьба свела их вместе на этом островке России в океане Франции, на погосте ушедшего века. Оживляя их имена, мы словно листаем книгу их радостей и горестей, распутываем хитросплетенье судеб...

Мы не выбирали соотечественников по профессиям и чинам, все достойны поминовения. Может, поэтому иные из читателей нашей книги (выходящей ныне вторым, расширенным изданием) утверждают, что наша скромная кладбищенская прогулка вместила больше, чем эмигрантские энциклопедии.

Содержание

Вступление	7
АБАЦИЕВ (АВАТЗИЕФФ) МИСНЕЛ, 1891 – 1983	17
АВЬЕРИНО ВЛАДИМИР, Москва, 1903 – Париж, 1990	18
АГАФОНОВ ВЛАДИМИР ВАЛЕРИАНОВИЧ, штабс-капитан, 28.07.1895 – 24.12.1981	19
АДЛЕР АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВИЧ, 1903 – 1945	21
Гр. АДЛЕРБЕРГ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ, Гатчина, 26.06.1872 – Париж, 16 округ, 20.06.1944	22
АЙЗОВ ВЛАДИМИР КАРЛОВИЧ, 1900 – 1989	23
АЛЕКСАНДР (СЕМЕНОВ-ТЯНЬ-ШАНЬСКИЙ), преосвященный епископ, настоятель Знаменского прихода в Париже, 7.10.90 – 16.05.1979	24
АЛЕКСАНДРОВИЧ АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ, артист Петербургского Мариинского театра, 26.09.1879 – 19.02.1959	25
АЛЕКСИНСКИЙ ГРИГОРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, бывший депутат Думы, 16.09.1879 – 4.10.1967	26
АЛЕКСИНСКАЯ-ЕВТИХИЕВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА, 13.10.1886 – 20.10.1968	27
АМАЛЬРИК АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, 12.05.1938 – 11.11.1980	28
АМЕСТУА (АМЕСТОУ; урожд. ПОРОХОНСКАЯ) МИЛИЦА, 1909 – 1992	29
АМЕТИСТОВ ТИХОН АЛЕКСАНДРОВИЧ, полковник Генерального штаба, секретарь епархиального управления, 1884 – 1941	30
Кн. АМИЛАХВАРИ ГИВИ ИВАНОВИЧ, генерал-майор, 25.04.1874 – 14.11.1943	31
АНДРЕЕВ АЛЕКСЕЙ РОМАНОВИЧ, 21.05.1899 – 9.10.1980	32
АНДРЕЕВ ВАДИМ ЛЕОНИДОВИЧ, 1903 – 1976	33
АНДРЕЕВ ВАЛЕНТИН ЛЕОНИДОВИЧ, 1912 – 1988	35
Вел. Кн. АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, 15.05.1879 – 30.10.1956	36
АНДРОНИКОВА (урожд. ВАХТЕР) ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА, 7.10.1890 – 25.8.1938	37
АНЦЫФЕРОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, профессор, 10.09.1867 – 5.03.1943	39
АФАНАСЬЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, протопресвитер, 4.11.1893 – 4.12.1966	40
БАЖЕНОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, capitaine, 20.04.1918 – 8.12.1955	41
БАЗАНОВ ВСЕВОЛОД ИВАНОВИЧ, professeur a l'ecole des hautes studes, 24.02.1897 – 5.06.1951	42
БАЙКОВ ГЛЕБ АРКАДЬЕВИЧ, 13-го гусарского Нарвского полка ротмистр, 11.04.1895 – 10.04.1969	43
БАКСТ АНДРЕЙ, 21.09.1907 – 8.02.1972	44
БАКУНИН АЛЕКСЕЙ ИЛЬИЧ, 10.04.1871 – 1945	45
БАЛАШОВА-УШКОВА АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА, балерина Московских Императорских театров, 1887 – 1979	47

БАРЖАНСКИЙ ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ, lieutenant, mort pour la France, 14.05.1913 – 9.06.1944	48
Кн. БАРЯТИНСКИЙ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ, 20.12.1874 – 7.03.1941	49
БЕЗВЕРХИЙ (BEZWERKHUY) Cornely, soldat, 100e reg. inf., 18.05.1912 – 4.06.1940, Meurthe et Moselle	50
БЕК-СОФИЕВ МАКСИМИЛИАН ОСКАРОВИЧ, 5.01.1906 – 5.11.1937. Замучен насмерть в Колымских концлагерях	51
Гр. БЕЛЕВСКАЯ-ЖУКОВСКАЯ (урожд. княжна ТРУБЕЦКАЯ) МАРИЯ, 1.06.1870 – 20.03.1953	53
БЕЛЛИН ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ, 1/14.01.1920 – 21.08.1988	54
БЕЛЯЕВ БОРИС НИКОЛАЕВИЧ, доктор медицины, 10.07.1880 – 15.05.1956	55
БЕНУА АЛЬБЕРТ АЛЕКСАНДРОВИЧ, 11.06.1888 – 13.08.1960	56
БЕРНАРДИ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ, 12.08.1867 – 23.11.1943	57
БИБИКОВ ВАЛЕРИАН НИКОЛАЕВИЧ, 5.08.1891 – 10.11.1950	58
БОБРИКОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, полковник лейб-гвардии Конного полка Генерального штаба, 2.08.1882 – 2.02.1956	59
Гр. БОБРИНСКИЙ ПЕТР АНДРЕЕВИЧ, 15.11.1893 – 24.08.1962	60
БОЙКО ФАДДЕЙ АНТОНОВИЧ, капитан, 21.08.1894 – 1.06.1984	61
БОГАЕВСКИЙ АФРИКАН ПЕТРОВИЧ, атаман В. В. Д., генерал-лейтенант, 27.12.1872 – 21.10.1934	62
БОЛГОВ АНАТОЛИЙ, Volontaire, aspirant a la 2e D. В., 9e cie, 3 R. М. Т., 10.08.1926 – 4.05.1945. tombe au champs d'honneur pres de Berchtesgaden, Baviere.	63
БОРОВСКИЙ КОНСТАНТИН, lieutenant 21e R. М. Е. V. С. А., 22.05.1896 – Marne, 14.06.1940	64
БОЛОТОВ ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, 3.12.1895 – 26.06.1956	65
БОТКИН СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ, 29.06.1869 – 22.04.1945	66
БОТКИНА (урожд. княжна ОБОЛЕНСКАЯ) ЕКАТЕРИНА А., 1850 – 1929	67
БУЛАЦЕЛЬ ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ, 4-го уланского Харьковского полка ротмистр, 19.07.1885 – 8.01.1959	68
БУЛГАКОВ НИКОЛАЙ АФАНАСЬЕВИЧ, врач, 1898 – 1966	70
БУЛГАКОВ СЕРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ, протоиерей, 16/28.07.1871 – 30.06/13.07.1944	71
БУЛЮБАШ (BOULUBASH) ВЛАДИМИР, lieutenant 1er R. Е. С., 19.09.1910 – Alsace, 28.11.1944	73
БУРЫШКИН-ВИЛЬЯМС BOURYSCHKINE-WILLIAMS Val., colonel, Medal of Freedom with Gold Palm, King George Medal for Meritorious Service, Croix de la guerre avec palme, Medaille de la Resistance, chevalier de la Legion d'Honneur, Medaille des Evades, 1913 – 1968	74
БУНИН ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ, 1870 – 1953	75
БУНИНА ВЕРА НИКОЛАЕВНА, 1881 – 1961	77
БУРЦЕВ ВЛАДИМИР ЛЬВОВИЧ, 17.11.1862 – 21.08.1942	78
ВАРШАВСКИЙ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ, Croix de la guerre, 1906 – 1978	80

Кн. ВАСИЛЬЧИКОВ БОРИС, 19.05.1886 – 13.05.1931	81
Кн. ВАСИЛЬЧИКОВА (урожд. княжна ВЯЗЕМСКАЯ) ЛИДИЯ ЛЕОНИДОВНА, 10.06.1886 – 1.11.1948	82
Кн. ВАСИЛЬЧИКОВА (урожд. княжна МЕЩЕРСКАЯ) СОФЬЯ НИКОЛАЕВНА, 1867 – 29.04.1942	84
ВЕЙДЛЕ (WEIDLE) ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ, 1895 – 1979	85
ВЕЛИКАНОВ СИМЕОН ГРИГОРЬЕВИЧ, протоиерей, 5.4.1869 – 15.12.1948	87
ВЕРДЕРЕВСКИЙ Д. Н., контр-адмирал, 4.11.1873 – 22.08.1947	89
ВИЛЬЧКОВСКИЙ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, б. директор русского Дома, генерал-майор, б. офицер л.-гв. Преображенского полка, 4.09.1871 – 4-17.09.1934	91
ВИЛЬЧКОВСКИЙ (WILCZKOWSKI) КИРИЛЛ СЕРГЕЕВИЧ, 29.04.1904–19.10.1960	92
ВИНОГРАДСКИЙ А. 1935	94
ВЛАДИМИР (ТИХОНИЦКИЙ ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ), митрополит, 1873 – 1959	95
ВОДОВ СЕРГЕЙ АКИМОВИЧ, 15.07.1898 – 19.05.1968	96
Светл. кн. ВОЛКОНСКАЯ (урожд. ВЬРУБОВА) НАТАЛЬЯ, 22.11.1882 – 11.03.1949	97
Светл. кн. ВОЛКОНСКАЯ (урожд. ГАЛАХОВА) ЕВДОКИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, 22.10.1910 – 14.11.1942	98
Кн. ВОЛКОНСКИЙ ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ, 1898 – 1976	99
ВОЛЫНИН АЛЕКСАНДР ЕМЕЛЬЯНОВИЧ, 17.09.1882 – 3.07.1955	100
ВОЛЬСКАЯ НИНА, 1.01.1891 – 15.03.1957	101
ВОРОНКО АННА, fondatrice de ce monument, erige en memoire des soldats, 1890 – 1971	102
Бар. ВРАНГЕЛЬ (ур. ЕЛПАТЬЕВСКАЯ) ЛЮДМИЛА СЕРГЕЕВНА, 1881 – 1969	103
ВУИЧ (ур. НОВИКОВА) АННА ИВАНОВНА, 24.11.1881 – 24.02.1949	104
ВЬРУБОВ ВАСИЛИЙ В., 1879 – 1963	105
Кн. ВЯЗЕМСКАЯ (ур. гр. ЛЕВАШОВА) МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА, 5/17.03.1859 – 24.09/7.10.1938	108
Кн. ВЯЗЕМСКАЯ, графиня ЛЕВАШОВА (урожд. графиня ВОРОНЦОВА-ДАШКОВА) СОФЬЯ ИВАНОВНА 13.08.1892 – 30.01.1958	109
Кн. ВЯЗЕМСКИЙ, граф ЛЕВАШОВ, ВЛАДИМИР ЛЕОНИДОВИЧ, 1889 – 1960	110
Кн. ВЯЗЕМСКИЙ, граф ЛЕВАШОВ, ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ, 1915 – 1964	111
Вел. кн. ГАВРИИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ, 16.07.1887 – 28.02.1955	113
Кн. ГАГАРИН ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ, 1887 – 1946	114
Кн. ГАГАРИН НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, 1895 – 1986	115
Кн. ГАГАРИНА (урожд. БУРДУКОВА) АННА ВАСИЛЬЕВНА, 12.12.1897 – 1989	117
Кн. ГАГАРИНА (урожд. баронесса ПОММЕР-ЭШЕЕ) ЕЛИЗАВЕТА НИКОЛАЕВНА, 1893 – 1969	118
ГАЗДАНОВ ГАЙТО (GEORGES), 1903 – 1971	119

ГАКЕН НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, general, 11.04.1865 – 5.04.1944	121
ГАЛАХОВ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ, губернатор Витебска, 1855 – 1936	122
ГАЛИЧ (ГИНЗБУРГ) АЛЕКСАНДР АРКАДЬЕВИЧ, 19.10.1919 – 28.07.1977	123
ГАРИНА (урожд. ВОНКОВСКАЯ) СОФЬЯ ДМИТРИЕВНА, 1897 – 1991	125
ГЕОРГИЙ, архиепископ, 27.04.1893 – 22.03.1981	126
ГЕОРГИЙ (ВАГНЕР), архиепископ, 1930 – 1993	127
ГЕФТЕР АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ, писатель и художник, 1885 – 1956	128
ГИППИУС-МЕРЕЖКОВСКАЯ ЗИНАИДА НИКОЛАЕВНА, 20.11.1869 – 9.09.1945	129
ГЛЕБОВА-СУДЕЙКИНА ОЛЬГА АФАНАСЬЕВНА, 1890 – 1945	131
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Борис Носик

Русский XX век на кладбище под Парижем

Антоше и Санечке

Вступление

Слух об удивительном кладбище под Парижем, где упокоились вдали от родных мест русские изгнанники – и писатели, и музыканты, и художники, и артисты, и великие князья, и княгини, и придворные фрейлины, и героини Белой Армии, и красавицы былых времен, – слух об этом гулял по Москве еще в 60-е годы, когда и в Париж-то пускали из Москвы редко, и то за особые заслуги, по загадочному выбору или по счастливой случайности. Самому мне в ту пору вообще не доводилось еще бывать на таинственном Западе, но думалось: вот попаду – непременно съезжу в это знаменитое местечко Сент-Женевьев-де-Буа... Попал я в Париж (и впервые на Запад) в 1976 году с писательской туристской группой, прилетели туда после недели, проведенной в Провансе, всего на три дня. Тут-то и объяснили мне, что до кладбища добраться мне будет трудно без машины да с малыми деньгами, тем более дорога не простая – пригородный поезд или автобус плюс еще автобус, на все нужно время... В самом Париже я почти все, что хотел, успел обегать, но уезжал с обидой – знаменитого кладбища не видел. А тут еще в самолете были попутчицами две питерские дамы, они меня просто застыдили:

– Как, Вы даже не были в Сент-Женевьев? Позор!

– А вы-то как успели?

– Ну, мы ведь были целый месяц в Париже. По частному приглашению...

– Значит, по приглашению можно? А я и не знал, что пускают...

Добравшись до Москвы, я в ту же ночь дозвонился в Париж и стал Христом Богом просить Веронику Шильц, чтоб прислала мне «частное приглашение». Потому что я ничего не успел. Даже на кладбище в Сент-Женевьев не успел...

Прислали мне не слишком убедительное приглашение, но, что было удивительно, выпустили («Под визит Леонида Ильича...») – смутно объяснила мне благожелательная красавица в районной милиции) – в общем, поехал... А теперь вот живу по большей части в деревушке в Шампани, но помню, что этот новый виток моей жизни начался для меня с московской легенды о кладбище. Недаром говорят, кабы до нас люди не мерли, и мы б на тот свет дороги не нашли.

Помню, как после моей поездки, в конце 70-х, горнолыжники в Баксанском ущелье долго еще пели звездными вечерами под любительский перебор гитары моего друга Влада Чеботарева нашу с ним незамысловатую песню:

Городок неприметный Святой Женевьевы,
Не простой Женевьевы – Лесной, «де буа».
Только леса не видно за теми деревьями
И церквушкой, построенной А. Бенуа.
И березы, березы... И могилы, могилы...
И знакомые русские все имена...

К середине 80-х уже был почти парижанин и каждый год бродил по дорожкам этого кладбища: оно ведь и правда удивительное, это кладбище, может, самый примечательный из зарубежных русских некрополей, обиталищ мертвых. Я бы даже сказал не мертвых, а просто тех, кто были до нас (я с удовлетворением отыскал недавно в парижском кладбищенском путеводителе Жака Барози вполне точную формулировку: «кладбище заполняют бывшие живые, явившиеся на свиданье с будущими покойниками») и кто все наши радости и горести изведали чуть раньше, чем мы. Ну, а потом, изведав, ушли: «не на живот рождаемся, а на смерть». Но уход их вовсе не сделал их чужими и недоступными для нас: остались их письма, воспоминания близких, их собственные мемуары...

Бродя по дорожкам в этом редкостном для Франции березняке (Цветаевой, бывшей здесь однажды, и небо над этими березами показалось русским, курским), мы заново переживаем перипетии их жизней, их судеб. А судьбы им выпали бурные: революции, войны, бегство, потеря близких, разоренье, разлуки, жизнь в чужом краю, где никто их не ждал с распростертыми объятьями... Но, конечно, и радости у них были, и любовь, и удачи, и рожденье детей, и вдохновение, и стихи...

Есть люди, которые обходят кладбища стороной, а есть люди, которые любят бродить по кладбищам («умереть сегодня – страшно, а когда-нибудь – ничего»). Я отношусь к последним, оттого с охотой принимаюсь нынче за рассказ о знаменитом русском некрополе. С охотой, и даже с таким чувством, что рассказ этот может оказаться бесполезным. С одной стороны, он как бы приблизит к родному дому тех, кому пришлось умереть на чужбине. С другой – он и родине может напомнить о ее заброшенных на дальний край Европы детях. Заодно и нам напомнит некоторые страницы русской истории и русской культуры, напомнит наших собратьев из русской эмигрантской колонии Парижа, кое-какие перипетии их жизни и печальные эпизоды, предшествовавшие их изгнанию. На кладбище ведь столько сходится вместе знакомых и незнакомых людей, столько завершается драм, столько развязывается сюжетов, в какой бы путаный узел их не завязала судьба. Именно это отметила однажды Анна Ахматова, вспоминая в далекой (куда дальше от Питера лежащей, чем Париж) Средней Азии петербургское кладбище:

Вот здесь кончалось все: обеды у Донона,
Интриги и чины, балет, текущий счет...
На ветхом цоколе – дворянская корона
И ржавый ангелок сухие слезы льет.

Прогулка по кладбищу и встречи с именами, в той или иной степени знаковыми, вызывают у нас чаще всего не мысли о смерти, а воспоминания о жизни – о чужих жизнях и о своей жизни. В предисловии к книге «Кладбища Парижа» один из французских любителей кладбищенских прогулок (журналист Мишель Дансель, неоднократно заявлявший, что предпочитает кладбища паркам, ипподромам и показам моды) высказывает ту же мысль: «Кладбище – это, прежде всего, перепутье для размышлений, наилучший уголок для прогулок, в ходе которых можно мысленно плести над чужими могилами узорное кружево собственной жизни».

Говоря о знакомых именах, которые встречаются на могильных камнях и крестах, я имею в виду, конечно, в первую очередь имена, известные и прежним эмигрантам и нынешним россиянам. Однако это не значит, что я намерен соблюдать былую или новейшую «табель о рангах» и сводить нашу прогулку по кладбищу к пробежке по статьям эмигрантских энциклопедий (которые хоть пока и неполные, а все же, слава Богу, начали выходить – одна за другой). Самый жанр «прогулки» и самая серьезность обстановки позволяют нам пренебречь подобной «табелью о рангах». Это, кстати, подметил и упомянутый мной выше

французский автор (Дансель), который предварял свою книгу следующим предупреждением: «В царстве мертвых нет логики, там царствует свобода. И если я задержусь перед какими-нибудь могилами дольше обычного, это не означает, что несчастные, или, напротив, блаженные, которые лежат в них, более важны, чем прочие покойники. Так что, книга моя не должна уподобиться ни справочнику, ни докладу о былых знаменитостях, ни исчерпывающему каталогу, ни тематическому или инвентарному списку или реестру...»

Кстати сказать, инвентарный список захоронений на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа издан был в Париже (составитель Иван Грезин, издание славного Жака Феррана) – огромный том, содержащий 10 000 имен (450 страниц – и все только имена и даты). На подобную инвентарную прогулку нам, боюсь, может не хватить остатка жизни («жили сажень, а доживать – пядень»). Но все же и мы с Вами слишком-то спешить не будем. Еще у нас есть время, хотя сколько его осталось, не знаю: «никто живой предела своего не изведет». Рассказ наш о покинувших уже наш мир русских эмигрантах-парижанах волей-неволей оживит в нашей памяти тот старый русский эмигрантский Париж между войнами, ту уникальную колонию изгнанников, равную которой вряд ли припомнишь в мировой истории изгнаний и эмиграций – и по значимости ее в родной истории, и по уровню ее, и по вкладу ее в русское и французское культурное наследие. Напоминание об этих изгнанниках, об их трудах и жизни, порой даже о мелочах той жизни будут, как и сама наша меланхолическая прогулка по кладбищу, чем-то вроде акта поминовения, хотя и вполне светского акта. Так что обещаю в рассказе о посещаемых во время прогулки соотечественниках выдерживать достойно меланхолический настрой (да его и не избежать, ибо жаль и их, усопших, и нас жаль, ближайших кандидатов, уже теснящихся у входа под вечную сень, жаль изгнанников, не увидевших больше при жизни родной земли, жаль и родину, лишившуюся стольких достойных детей в угоду насильникам). Однако постараюсь не впадать при этом ни в заунывную тоску, ни в панегирический тон эпитафий, судя по которым, «все женщины добродетельны и нестерпимо добры, а все мужчины прямодушны, честны, надежны, отважны и являются образчиком всех добродетелей». Формулу эту вывел из французских кладбищенских эпитафий все тот же Мишель Дансель (ох уж эти насмешники-французы!).

Как от века ведется в солидных изданиях, для начала надо обратиться к истории этого русского кладбища близ Парижа – откуда оно пошло. Известно, что кладбище – неизменный спутник человеческих поселений («жить надейся, а умирать готовься», «жил не жил – а помирай!»). И если уж при мирном городке или цветущей деревне с неизбежностью вырастают холмики могил, то что уж тогда говорить о таких человеческих общежитиях, как больница, богадельня или «старческий дом». Знаменитый русский некрополь Сент-Женевьев-де-Буа как раз и возник поначалу при здешнем старческом доме (более благозвучно его звали еще Русским домом). История же появления этого знаменитого старческого дома, она из тех историй, какие принято рассказывать под Рождество. Их и называют «рождественскими сказками»: мол, так в жизни не бывает. А вот и бывает. В данном случае именно так все и было – как в рождественской сказке. Историю я эту вычитал в воспоминаниях главы Западной Православной Церкви митрополита Евлогия, на него можно положиться. Вот она, эта история...

В первые годы эмиграции княгиня Вера Кирилловна Мещерская и ее сестра Елена Кирилловна Орлова (обе в девичестве носили фамилию Струве) открыли в поисках заработка пансион для благородных девиц. Точнее, девицы эти были скорее богатые, чем благородные (все как есть из Америки или Англии), но желали приобрести благородные манеры, прежде чем выйти замуж. Этим манерам и учили их две русские дамы из высшего русского общества. Среди пансионерок была юная дочь миллионера, которую звали Доротея, Дороти (уменьшительно Долли – Дороти Паджет, точнее, вероятно, Паджит, а у русских авторов чаще даже Педжет). Она очень привязалась к своим благородным наставницам, и по окон-

чании курса она спросила Веру Кирилловну, что бы она могла такое сделать для нее лично или для этих бедных русских эмигрантов, которым приходится нелегко на чужбине – деньги, мол, у нее есть, денег не жаль (как видите, данная девица была и впрямь существо благодарное и благородное, даром что из богатых). Вера Кирилловна сказала, что ей лично ничего не нужно, – а вот нельзя ли сделать что-нибудь для престарелых русских. Молодые поручики и даже нестарые еще полковники и генералы сели за баранку такси, зарабатывают на жизнь, имеют крышу над головой, а вот старикам некуда деться. Открыть бы для них приют...

Вот дальше все и было, как в рождественской сказке. Купила добросердечная американская (хотя жила она как будто в Англии) девушка великолепную старинную усадьбу в Сент-Женевьев-де-Буа, некогда роскошное владение наполеоновского маршала – прекрасный дом с флигелями и службами, а вокруг большой парк, и сад: тишина, красота, комфорт... Бездомных и одиноких русских стариков было в Париже много, так что главное здание сразу заполнилось, а за ним и флигеля, и службы, а потом уж стали снимать квартиры у местных жителей. Юная благотворительница Долли поставила Русский дом на широкую ногу, следила, чтоб ни в чем у стареньких русских не было недостатка. Как вспоминает митрополит, «своих подопечных мисс Педжет любила, приезжала навещать, о них заботилась, их баловала. На большие праздники старалась их получше угостить, присылала авионом индеек, гусей...».

Митрополит с юмором рассказывает об эксцессах этой меценатской любви. Однажды в день 14 июля – национального французского праздника разрушения Бастилии – мисс Паджит решила доставить удовольствие обитателям Русского дома, которые, бедняги, сиднем сидят в пригороде и не принимают участия в национальном празднике, что славится грохотом петард и фейерверками. Конечно, ей в голову не могло прийти, что и петарды, и фейерверки, и самое слово революция (а кровавая русская революция, как уверяют здешние знатоки, была родной дочерью французской) вряд ли могли вызвать у ее подопечных какие-нибудь достойные воспоминания. Разве что воспоминания о горящих усадьбах, о расстрелах, о беспощадном, слепом терроре, о гибели близких, о войне, о бегстве, о разорении, о нищете и голоде... Впрочем, откуда было это понять беспечной американской девочке, если и сами русские позабыли обо всем (как Вы убедитесь в ходе нашей прогулки) очень скоро? Так или иначе, по просьбе Долли была снята в Париже роскошная вилла с видом на Сену, обставили ее дорогой мебелью, провели туда электричество, накупили фруктов, конфет, заказали грандиозный ужин с шампанским – в общем, тысяч в 40 – 50 обошлась эта затея, которую митрополит Евлогий так комментирует в своих мемуарах:

«Широкая, но странная затея. Дряхлых старичков и старушек везли в грузовиках с опасением, что до Парижа всех живыми, быть может, и не довезут. Фейерверк вряд ли мог доставить большое удовольствие этим престарелым людям. Но доброй мисс Педжет хотелось дать бедной русской аристократии, хоть на один день, иллюзию былой, привольной, богатой жизни».

Легко заметить, что ностальгические воспоминания иных из его духовных детей о «былой, привольной, богатой жизни» вызывают у митрополита, рожденного в бедной семье многодетного батюшки в глухом селе Тульской губернии, лишь снисходительную усмешку. Недаром из всех анекдотов о жизни тогдашнего Русского дома и кладбища ему вспомнился через полтора десятилетия именно такой:

«Вопрос о происхождении, чинах и титулах играет в Русском доме роль немалую. Рассказывают следующий анекдот, характеризующий психологию призреваемых.

На местном кладбище разговаривают три старушки, выбирая себе место для вечного упокоения; заспорили об одном наиболее видном месте.

– А мой муж был губернатор...

– А мой – генерал-лейтенант...

– А мой... – начала третья старушка, и замялась... – кто же был мой? Ах, запомнила...

– Да Вы же незамужняя!.. – запротестовали спутницы.

– Ах да, действительно, я не была замужем... – смущенно сказала бедная старушка».

Эпизод подводит нас к нашему предмету, а заодно и ко взглядам высокопреосвященнейшего владыки на пустой старушечий спор. Взгляд тот нашел отражение и в священных книгах, и в перлах народной мудрости: «Смерть всех поравняет», «Царь и народ – все в землю пойдет», «Сегодня полковник, завтра – покойник», и еще, и еще...

Далека ли дорога от старческого дома до места последнего упокоения? К началу Второй мировой войны на здешнем кладбище было уже около четырех сотен могил (нынче их уже за десять тысяч). И не только обитатели старческого дома поставляли новых насельников маленькому русскому кладбищу, но и многие парижане, а также русские обитатели южных и западных парижских пригородов. Митрополит Евлогий так объяснял это:

«Часто русские предпочитают хоронить своих близких в S-te Genevieve, а не на парижских кладбищах потому, что здесь постоянно творится православная молитва и как-то приятнее лежать среди своих соотечественников».

И первая (православная молитва) и вторая («лежать среди своих соотечественников») причины того предпочтения, которое отдавали русские эмигранты новому, загородному кладбищу, вполне существенны. И за границей, и в России кладбища (как верно отмечают в своем кладбищенском справочнике-путеводителе петербургские историки А. Кобак и Ю. Пирютко) «находились в ведении духовного начальства и носили строго конфессиональный характер». То, что православных тянуло на свое, православное кладбище, не нуждается в долгих объяснениях: кладбище – «нива Божия, где умершие ждут воскресения в час Страшного Суда», и воскреснуть тоже хотелось бы не в одиночестве, а среди своих. Но и российским иноверцам, и российским атеистам (тем, кого в эмиграции, во всех странах, без различия их вероисповедания и расы, называют просто «русскими») тоже хотелось быть похороненными «среди своих соотечественников». Так что возможны были исключения (впрочем, редкие). Историки петербургских кладбищ отметили, что уже и Петр I допускал исключения для иноверцев, что ж тогда говорить о межвоенной русской эмиграции в Париже, где просвещенное духовенство отличалось высокой степенью терпимости. Что же до перешедших в православие иноверцев, то Вы и сами заметите, сколько тут немецких имен из Прибалтики (из Курляндии, Ливонии, Эстонии), сколько потомков рыцарей тевтонского ордена и выходцев из старинной прибалтийской буржуазии, получивших дворянство на русской службе, сколько потомков Мюрата, Бурбонов, Бонапарта, потомков британцев (Лейсли, Огильви, Гамильтонов-Хомутовых, Гордонов, Кричтонов и даже Рамзеев), сколько Катугаров, де Ланжеронов... Невольно вспомнятся иностранные слободы петровской Москвы (и немецкая, и голландская, и английская, и швейцарская...).

Кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа премного украсили и его церковь, и его березы, и его цветы. Надгробья же здесь по большей части традиционные, те же, что и на московских или петербургских кладбищах, много деревянных крестов. Надгробья побогаче заказывали чаще тому же Альберту Бенуа, что строил церковь. Состояние многих могил, как нынче выражаются, «оставляет желать»... Хуже того, у входа на кладбище бесконечные списки тех, кто могилы своей лишится, потому что плата за аренду кончается или уже кончилась. Французские надписи и новые памятники вторгаются в ряды ветхих крестов... Надо бы спасать кладбище – во имя предков, во имя русской истории... Да разве достучишься до новых русских миллиардеров? Где вы, русские меценаты? Одного Джорджа Сороса на всех не хватит...

Русская эмиграция пережила во Франции в 20 – 30-е годы истинное возрождение православной веры. Тексты из Евангелий встречаются на надгробьях чаще, чем прочие эпита-

фии. Среди самых распространенных: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят», «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас», «Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие», и еще вот это, почти изгнанническое, эмигрантское: «Блаженны изгнанные за правду...» (как на могиле моего учителя кинодраматургии – поэта, певца и драматурга Александра Галича).

Эпитафия была в России жанром заимствованным, однако успела дать образцы высокой поэзии, вроде пушкинской эпитафии младенцу Николеньке (сыну декабриста С. Г. Волконского и М. Н. Волконской-Раевской, последовавшей за мужем в Сибирь):

В сиянье, в радостном покое,
У трона Вечного Творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.

Как сделали это А. Кобак и Ю. Пирютко в своей прекрасной книге о петербургских некрополях, считаю уместным напомнить читателю похоронные правила православных россиян, которые строго соблюдались в эмиграции. Умиравшего исповедовал и причащал священник, над ним читали «молитвы на разлучение души и тела». Потом омывали мертвое тело под чтение псалмов и облачали в новую одежду. В напоминание о пеленах Иисуса во гробе тело покрывали саваном, в руки покойному вкладывали образ Спасителя, а на голову ему возлагали венчик (в знак надежды на милосердие Божие). Панихиду совершали дома, а отпевали покойника в храме, куда переносили его с зажженными свечами (в знак возвращения его к Вечному Свету). В церкви гроб ставили головой к двери, чтоб лицо усопшего было обращено к востоку («к востоку вечности»). Отпевали покойного после обедни, прощались с ним «последним целованием», читали «разрешительную молитву» и текст ее вкладывали в правую руку покойника. Потом погребальная процессия тянулась к кладбищу, где гроб с молитвою опускали в могилу. Священник крестовидно бросал землю на крышку гроба, лил на нее елей, сыпал пепел от кадила. Крест на могиле был символом спасения... Поминать усопшего принято было на третий день (когда душа вновь возносится к Богу) и на сороковой (когда душа получает определение Божьего суда). Молитва за упокой помогает умершему в загробной его судьбе. Кроме того, для поминовения усопших существуют у православных пять «родительских суббот» – перед Великим постом, во вторую, третью и четвертую субботы Великого поста и, наконец, в день Святой Троицы. Существуют, впрочем, и другие дни поминовения...

Из всего этого следует, что хотя бы и по причине хрупкости их и дряхлости обитателям старческого дома в Сент-Женевьев-де-Буа необходимо было иметь свою церковь. За организацию этой домово́й церкви принялись директор Дома генерал Вильчковский и один из призреваемых, контр-адмирал князь Н. С. Путятин. В помещении, примыкавшем к салону, украшенному портретами из старого русского посольства, они устроили церковь во имя святого Николая Мирликийского Чудотворца. По словам митрополита, это был «прекрасный храм в древнерусском стиле». Митрополит Евлогий назначил в эту церковь настоятелем одного из лучших своих священников – протоиерея Дмитрия Троицкого («умный священник, но с властным характером»). «Сначала все шло хорошо, – повествует демократ-митрополит (которого так любили эмигрантские писатели) со свойственной ему добродушной усмешкой, – за ектеньей возглашалось прошение «о благоверном всероссийском царственном доме и многострадальной родине нашей...», обитатели Русского дома благоволили к о. настоятелю, и он к ним, ценил тонкость их светских манер и изящество культурных навыков. А потом начались нелады. О. настоятель в тонкой культуре своих прихожан разочаровался...

Я перевел о. Троицкого в Галлиполийскую церковь, а из Кламара сюда – протоиерея о. Калашникова, прекрасного доброго пастыря и культурного человека. В России он занимал высокий пост в Министерстве Финансов».

Позднее, поскольку местные власти не разрешили строить церковь на самом кладбище, был прикуплен у ограды небольшой участок земли и на нем летом 1938 года началось строительство нового храма по проекту архитектора и художника Альберта Бенуа (брата знаменитого Александра Бенуа). Неутомимый М. М. Федоров сумел собрать среди бедной русской эмиграции 150000 франков на его постройку. Храм был в новгородском стиле XV – начала XVI века. В марте 1939 года Альберт Александрович Бенуа и его жена Маргарита Александровна приступили к росписи храма. Позднее им стали помогать искусный каллиграф и знаток старославянского письма Г. А. Шереметьев и другие добровольцы-художники, точнее художницы. Как сообщает митрополит, граф Шереметев поселился позднее тут же при храме «в смиренном звании псаломщика».

Освящение храма состоялось в октябре 1939 года. Шла война, и звонить в колокола было запрещено даже по случаю светлого праздника. Старенький митрополит был болен, но в тот день он почувствовал прилив бодрости и волнение, о котором рассказывал так:

«Вхожу в храм, уже расписанный и освобожденный от лесов... «Боже, как хорошо, дивно!..» – невольно вырвалось из души. Так поражен был я красотой храма... С бодрым духом, с благоговением приступил я к освящению... Трепетало сердце, когда я при входе в храм возглашал вдохновенные слова псалма: «Возьмите врата князи ваша и возьмитесь врата вечная, и внидет Царь славы», а певчие изнутри вопрошали: «Кто есть сей Царь славы?». И растворялись двери, и я со словами: «Господь сил, той есть Царь славы» вошел в освещенный храм, неся на главе св. мощи...

Ликующий, торжественный возвратился я в свое уединение... На душе было так легко, так светло, что на время будто забылись все угнетающие меня недуги...

Да будет благословенно имя Господне отныне и до века...».

Не раз, бывая в пустынной Успенской церкви в полуденный час или стоя у ограды в толпе в пасхальную ночь, когда трепещут огни зажженных свечей на могилах, вспоминал я это взволнованное описание старенького владыки и его прощальный возглас:

«Да будет благословенно имя Господне...».

От Успенской церкви и отправимся мы с Вами на нашу «кладбищенскую прогулку». Надо сказать, что в конце XVIII – первой трети XIX века «кладбищенские прогулки» были излюбленным литературным жанром. Однако прошло немало времени с тех пор, как милый человек Василий Андреевич Жуковский бродил между могилами. Менялись вкусы, менялись жанры. Сами люди менялись, только умирали по-прежнему...

Вот и мы будем бродить с Вами среди могил, но только уже по-своему, не по-жуковскому. Будем вспоминать ушедших как живых, как близких («рубаха к телу близка, а смерть ближе»), да и то сказать, далеко ли мы ушли, намного ли они нас опередили: «живешь – не оглянешься, помрешь – не спохватишься»... Сам я, честно сказать, оттого и люблю гулять по кладбищу, что люди эти для меня как живые. Если вкусы у нас с Вами сходятся, то Вы мне желанный попутчик.

Как Вы уже поняли, во время этой прогулки постараюсь я, в первую очередь, напомнить о наших соотечественниках – эмигрантах, которые здесь упокоились. И хотя далеко не все эмигранты-парижане (и тем более провинциалы) были похоронены на этом кладбище (много русских есть и на парижских кладбищах Пасси, Монпарнас, Батиньоль, Монмартр, и в пригородах Нейи, Бийянкур, Медон, Шель, Ганьи, Клиши, а еще ведь есть русские могилы в Ницце, в Ментоне...), а все же кладбище это уникальное (как уникальной была сама Первая русская эмиграция). Редко где найдешь на свете клочок земли, где сошлись бы так тесно имена князей и дворников, охранителей порядка и его разрушителей, поэтов и генералов,

императорских фрейлин и казачьих есаулов, портних и балерин, певиц и приказчиц, генералов императорской свиты и агентов ГПУ, священников и киноактрис... Блистательные десятилетия XIX столетия сплетаются здесь с прославленным Серебряным веком, с катастрофой революции, с ужасом октябрьского переворота, с десятилетиями террора – вся история русского XX века на этом маленьком кладбище Франции близ Парижа. Воистину, похоронено здесь ушедшее столетие: погост XX века... Так уж случилось, что собралось здесь множество участников знаменитого костюмированного придворного бала 1903 года (чу, вступает музыка, кавалеры оправляют боярские костюмы, дамы – кокошники...), выпускников Александровского (бывшего Царскосельского) лицея, Императорской школы правоведения, Пажеского корпуса, Екатерининского и Смольного институтов благородных девиц. Собрались, как на последний смотр, воины-галлиполийцы, корниловцы, дроздовцы, алексеевцы, доблестные казаки, русские моряки. Здесь хватило бы почтенных членов Государственного совета, чтоб провести его заседание, и достало бы депутатов, чтоб открыть прения Государственной думы. Здесь хватило бы актеров, чтоб поставить любой русский спектакль, в том числе и балетный, да и к съемкам фильма приступить возможно – упокоились под сенью этих берез гениальные режиссеры и актеры, и гримеры, и художники-декораторы, и нищие участники массовки... Хватило бы здесь ученых, чтоб создать Академию наук, хватило бы музыкантов, чтобы составить оркестр, открыть консерваторию. Достало бы протоиереев, чтоб отпеть эти жизни... Есть тут и мои русские знакомцы и сверстники. Из тех, кто был в трудные времена активнее и смелее других – кто требовал свободы при так называемом социализме, ну хоть свободы слова и творчества (Амальрик, Некрасов, Максимов, Панин, Тарковский, Галич...). И кто попал не под топор, а только в изгнание (такое бывало в России и раньше). И те, кто первыми узнали, что за морем телушка не полушка, и с отчаяньем убедились, что русские перемены придут не скоро, не враз, за 70 лет террора вся страна была перепахана, страна уж не та...

На здешних надгробьях прочтешь всей России известные имена, но многие из имен Вы, уверен, услышите впервые. Имена прекрасных, милых людей. Но и другие, не прекрасные, но достойные жалости, тоже... Мало кому известные агенты всемогущей советской Организации мирно упокоились здесь рядом со своими поднадзорными «белоэмигрантами» – ведь на кладбище все спокойненько... Прости им всем, Господи! И нас прости, сохрани...

Каждый раз, уходя после прогулки по этому кладбищу, уносил я в памяти то новую историю, то новое открытие из той жизни, казалось бы, давно знакомой – по книгам, по школе, по университетскому курсу истории... Вот, скажем, эти, русские либералы, демократы начала века, кадеты и прочие... Конечно, у них не было опыта, им было не справиться с пошедшей вразнос страной, но они ведь были идеалисты, не воровать же они шли в Думу... И сколько же они работали в эмиграции бесплатно – вот уж где была «общественная работа»! А все эти аристократы, фрейлины, статс-дамы, полковники... С каким достоинством они встретили бедность – сели за шитье, встали за прилавок, за ресторанный стойку, сели за баранку такси – без нытья, без попрошайничества... И обратите внимание, как недолго жили священники, как старо они выглядели – работа на износ? Как часто умирали эмигранты в тыловой Франции в 1940 – 1945 годах – отчего? От отчаянья? Война, война, еще война – безумный и подлый мир. И еще отчего-то умирали в 1956. Кто пережил эти годы, потом жили долго. Долго жили женщины, спокойно позволявшие себя любить. Долго жили люди, достигшие душевного спокойствия... А что ж эта знаменитая ностальгия, и бедность, и, главное, унижение, ущемленная гордость, не разрушали ль они душу: не оттого ли так легко вербовали здесь людишек ловцы душ из ГПУ? И еще, конечно, ужасным было (и напрасным) это ощущение своей эмигрантской маргинальности, желание прикоснуться к силе, которая брезжила где-то там, за железным занавесом, в России – не этим ли объяснялись чуть не повальная капитуляция эмигрантов в 1945-м, после войны, или их опасное «возвращенче-

ство»?.. А взгляните, сколько иностранных имен у этих истинно русских людей – сколько же в ней кровей намешано, в молодой русской крови? И еще, и еще – сотни маленьких догадок и открытый придут Вам в голову на меланхолической нашей прогулке: у каждого будут свои...

Два слова о моих помощниках, советчиках, предшественниках при работе над книгой: всем большое спасибо, всем низкий поклон. Помогал мне замечательный герой войны Н. В. Вырубов, специалисты по генеалогии, вроде князя Д. М. Шаховского; помогли вольно-невольню и мои предшественники, вроде блаженной памяти о. Б. Старка и Реймона де Понфийи, вроде И. Грезина, Н. Струве, д-ра Шулеповой, М. Горбовой, Э. Менегальдо, Н. Смирновой; помогали старые друзья и знакомые: Н. Б. Зайцева, Т. Б. Лебедева-Струве, З. А. Шаховская, Е. Д. Аржаковская-Клепинина, И. Н. Набоков, А. Шмеман, А. Кобак, Н. И. Кривошеин, Ксения Кривошеина, А. и З. Оболенские, Т. Л. Гладкова, В. Каневская, А. Вишневская, Э. Левина, Д. В. Сеземан, Б. Татищев, М. Андроников и, конечно, незабвенная Т. А. Осоргина-Бакунина. Должен признать, что инициатива создания этой книги принадлежала не мне (хоть и пришлось мне по душе), а издателям Л. И. Шумакову и В. А. Канавину. Должен особо поблагодарить их за помощь и ободряющие звонки из Питера.

Однажды Н. В. Вырубов сказал мне: «Есть один потрясающий человек. Он посмотрит на фотографию и скажет: «Граф такой-то...». А сам он даже и не русский – он француз, я Вам дам его телефон. Его зовут Жак Ферран». И вот мы встретились с этим Ферраном у Орлеанской заставы, неподалеку от банка, где Владимир Ильич хранил деньги, – присели за столик кафе. Я еще на подходе, издали его увидел и понял, что это он. Настоящий... Потом к нему поехал домой мой фотограф и самый верный помощник Борис Гессель, еле дотащил от него подарок – потрясающие тома исследований, альбомы фотографий, генеалогические его изыскания – там была вся дворянская эмиграция, все это он сам разыскал, раскопал, издал. Ферран рассказал мне, что с ним случилось. Одна старушка не знала, куда ей девать фотографии, показала ему. Он пригляделся: там была русская княжеская семья за столом в подмосковной усадьбе... Там были такие лица... С этого началось его увлечение... Я слушал его, и в голове во время рассказа две строчки вертелись неотступно: «Какие прекрасные лица. И как это было давно...». Думаю, что и Вас они будут преследовать... И эти «прекрасные лица», и горестные мысли о страшном кровопускании, которое учинили нашей с Вами милой родине лихие ленинцы, об успешной их «негативной селекции», истреблявшей и высылавшей за рубеж все лучшее, что сумела вырастить и воспитать прежняя (пусть и далеко не идеальная) Россия... Где они нынче, наши «капитаны индустрии» Рябушинские, наши щедрые Морозовы, Мамонтовы, наши подвижники-меценаты, бескорыстные русские масоны? Где миллионы и миллиарды долларов милостыни, пожертвованные на бедных, на искусство и науку богачами и чиновниками? Где, наконец, бывшие совестливые Розентали, щедрые и богобоязненные Цетлины, Фондаминские? Где эти бесконечно талантливые Мозжухины, Бенуа, Юрьевы... Неужто все тут, на этом теснотном уже аборигенами пятачке французской земли? А там? Неужто остались лишь неумные карьеристы и ненасытные хапуги в окруженье вооруженных киллеров? Боже, спаси, сохрани мою милую родину...

Еще два-три слова о жанре этой книги, которую Вы, надеюсь, вознамерились прочитать. Это не энциклопедия и не путеводитель, хотя может при нужде служить худо-бедно заменителем и того и другого. Это книга для чтения, как и другие мои книги о Париже и русской эмиграции (их уже вышло несколько). Идеальный читатель представляется мне на диване (у себя дома) при угасшем «голубом огоньке» (гори он голубым огнем!), в худшем случае – на вагонной полке (да еще с карандашиком в руке). Человек, который бредет среди римских развалин, над горной пропастью или по улочке средневекового городка, а смотрит при этом неотрывно в путеводитель (и только в путеводитель), являет собой фигуру смехотворную. Особенно если он еще сверяет при этом цифры из путеводителя с действитель-

ным наличием колонн на фасаде храма (не обсчитали ль его гид и турагентство. Читать нужно дома – до и после. Ну, и еще можно, бродя (вполне меланхолично) среди могил нашего кладбища и наткнувшись на какую-нибудь странную или смутно знакомую фамилию (Степуржинская, Струве, Чистоганов, Лозинский, Бурцев, Глебова-Судейкина, Ленин, Адлер, Гуаданини), слазить в перечень имен, отыскать соответствующую страницу нашей книги, прочитать не спеша и с толком... Ну, а для тех, кто хочет просто «посетить» и «отметиться» («Где тут у вас Тарковский?») – хватают тебя за рукав среди крестов, за которыми голоса гидов с легким луганским акцентом объясняют, кто тут у них «играет значение»), мы приложим, конечно, и план с кладбищенскими «достопримечательностями» – и два-три часа пешей ходьбы и неистовых поисков до первой, и даже не первой, усталости. Но только суета все это. Настоящий читатель нетороплив... Так что, до встречи. Вечерком, у настольной лампы... Или у первой могилки... Кто там у нас первым по алфавиту? Мишель Абациев?.. Как же, как же, симпатичный осетин Миша...

Шампань – Сент-Женевьев-де-Буа

октябрь 1999 – сентябрь 2004

АБАЦИЕВ (АВАТЗИЕФФ) MICHEL, 1891 – 1983

Михаил Абациев был из знатного дворянского рода (родственник Джамбулата Абациева). Как и блистательный Гайто Газданов (мать которого была из рода Абациев), он был осетин, литератор и писал по-русски. Сотрудничал в самой популярной эмигрантской газете межвоенного Парижа – «Последних новостях» П. Н. Милюкова. В своей пространный оде, посвященной десятилетию редакторства Милюкова, юморист Дон-Аминадо не обошел вниманием и всеми любимого Мишу Абациева:

И Абациев, горный сын,
Наш Богом данный осетин.

Абациев сумел пережить горести новой войны – и жил долго.

АВЬЕРИНО ВЛАДИМИР, Москва, 1903 – Париж, 1990

В 1918 году пятнадцатилетний сын петербургского адвоката Владимир Авьерино познакомился в Кисловодске со своим сверстником Александром Казем-Бекем, будущим вождем «младороссов». Это было знакомство на лучшие десятилетия жизни...

Кисловодск в то время кишел беженцами из больших городов России, среди которых выделялись великие князья Андрей Владимирович и Борис Владимирович, а также спутница князя Андрея знаменитая балерина Матильда Кшесинская с сыном.

Владимир Авьерино вместе с его друзьями Александром Казем-Бекем, Сергеем Платиным, Кириллом Шевичем и другими сформировали группу монархической молодежи и занимались военно-политической подготовкой под руководством генерала Шевича и двух гусарских полковников. Позднее молодые люди собрались в Париже и составили ядро знаменитого союза «Молодая Россия», во главе которого встал Александр Казем-Бек. Владимир Авьерино занимал в этой партии самые разнообразные посты и выполнял вполне ответственные поручения. Так, в середине 20-х годов Авьерино был «старшиной» первого парижского «очага» младороссов и среди прочего нес ответственность за безопасность великого князя Кирилла и пансиона в Везине, который держала супруга младоросского «вождя» Светлана Казем-Бек. Согласно рассказам Авьерино, советские секретные службы и некий «Росовский» из ГПУ пытались проникнуть в среду молодежной организации, и Авьерино приходилось бороться с этими попытками. Вот рассказ В. Авьерино о его тогдашних подвигах (в записи писательницы М. Масип):

«В 1925 году Константин Добровольский, мать и сестры которого жили у Казем-Бек, вступил в контакт с советчиками, чтобы облегчить себе жизнь. Он получил 2000 франков, пообещав внедрить предателя в ряды движения. Александр узнал об этом, но Добровольский был женат на одной из сестер Вуич... (Госпожа Вуич с дочерьми жила тогда в пансионе Светланы Казем-Бек. – Б. Н.). «Глава» поручил мне судить предателя. Мы устроили в моей комнате инсценировку трибунала. Со мной были там Шевич, Збышевский и Николай Максимов. Комната была в полумраке, я постелил на столе темную простыню, а поверх нее положил наган. Я был председателем трибунала. Была глубокая ночь. Добровольский вошел и увидел пистолет. «Что тут у вас за маскарад?» Я ему объяснил, и он побледнел. Тогда я ему сказал: «Подпиши здесь, что ты поставлен в известность, и можешь идти. Мы тебе даем сорок восемь часов, чтоб ты покинул Францию». Прошло сорок восемь часов, и он хоть бы что... Александр мне сказал: «Теперь твой черед действовать». Я встал в пять часов утра, и поскольку мне было известно, что Добровольский укрылся на рю Жан-Гужон, 7, я туда отправился и позвонил у двери. Добровольский открыл дверь, я пригрозил ему револьвером, а потом я подумал, что мне вовсе не хочется, чтоб меня арестовали за убийство, и я ему дал еще отсрочку на двадцать четыре часа... Он уехал в Бельгию... там ему повезло и он женился на богатой...».

Такую вот историю из времен своей боевой молодости рассказал немолодой «младоросс» писательнице М. Масип. Судя по всему, подлинная история взаимоотношений «главы» Казем-Бека с советской разведкой была намного сложнее, чем это представлялось его простодушному соратнику В. Авьерино, который, пережив всех участников событий, в конце концов упокоился под этим надгробьем.

АГАФОНОВ ВЛАДИМИР ВАЛЕРИАНОВИЧ, штабс-капитан, 28.07.1895 – 24.12.1981

Штабс-капитан В. В. Агафонов был сыном русского ученого Валериана Константиновича Агафонова (1863 – 1955), почвовед, географа, писателя, друга известного геохимика и минералога академика В. И. Вернадского. В 1924 году эмигрант В. К. Агафонов представил Вернадского в Париже «королю жемчуга» и «русскому Соросу» начала века, знаменитому парижскому меценату Л. М. Розенталю, который, явившись в Париж из Владикавказа 14-летним мальчишкой с сотней франков в кармане, ко времени прибытия в Париж русских изгнанников из Первой волны эмиграции успел сказочно разбогатеть и осыпать благодарностями Р. Киплинга, Мари Кюри, С. Дягилева и многих других. 11 апреля 1922 года И. А. Бунин записал в свой дневник: «Розенталь предложил нам помощь: на год мне, Мережковскому, Куприну и Бальмонту по 1000 фр. в месяц». Розенталь оплачивал на летние месяцы и виллу для Бунина в Приморских Альпах. Фонд Розенталя предоставил Вернадскому для его научных исследований 30 000 франков, что позволило ученому написать обобщающий труд. (На заседаниях Фонда, обсуждавших возможности помощи, из тактических соображений присутствовал не сам Вернадский, а его друг В. К. Агафонов.) Поскольку больше никаких субсидий Вернадскому ни от кого получить не удалось, он в конце концов принял предложение вернуться в Россию, где правительство, согласившись забыть «среди своих» разговоры и о «равенстве», и о «классовой чуждости», предложило научной элите исключительные материальные и прочие привилегии. («Переходим в состав «привилегированный» в социалистическом диктаторском государстве», – писал В. И. Вернадский сыну в США.) Зато и продаваться интеллигенту надо было с потрохами, или хотя бы очень таиться и лгать направо и налево. Так что в письмах 1936 года к сыну В. И. Вернадский после недавних рассказов о терроре против интеллигенции, о голоде, каннибальстве, «фанатичных-изувер-кабальных диаматах» и т. п. вдруг начинает писать об «умственно... сильной» «головке», включающей таких мыслителей, как Ворошилов и Молотов (а вдруг все же прочтут!)...

Что же до старого друга Вернадского Валериана Константиновича Агафонова (у которого его прославленный друг Вернадский по-прежнему останавливался в Париже), то он продолжал мирно преподавать в Сорбонне. В годы оккупации В. К. Агафонов был в Ницце. Как всегда, он озабочен был не своими бедами и хворями, а судьбою тех, кто голодают, кто в лагерях, кому грозит смерть. Писатель Михаил Осоргин (нежно называвший В. К. Агафонову «Старик») сообщал приятелю в одном из писем: «В Ницце Старик с друзьями устроили маленькое «Общество взаимопомощи», собирают немножко денег... Посылают мне, чтобы обращать деньги в продукты и снабжать нуждающихся, что мы посильно выполняем. Пустяк, а молодцы. Ваш привет Старика и другим перешлю...» (М. Осоргин упоминает в том же письме и друга-поэта, тоже масона, С. А. Луцкого, который «много работает, и сверхурочно, и все, что остается от содержания семьи, отдает»). За полгода до своей смерти 64-летний М. Осоргин писал В. К. Агафонову из своего маленького Шабри на границе «свободной зоны»: «...очень хочется, мой милый Старик, чем-нибудь оправдать существование, не пропадать здесь зря и без пользы. Вот только мои физические силы не соответствуют желаниям, иногда с утра уже чувствую себя усталым до крайности, едва способным шевелиться и писать (в двух шагах от оккупированной зоны Осоргин писал антифашистские статьи и печатал их в США – Б. Н.). Ладно, пока все в порядке. Делайте доброе дело, мы, как можем, помогаем. Сейчас послали посылочку пленному – пальчики оближешь... Не сладко русскому в немецком плену». И дальше стыдливая приписка – про чай: «Ты обещал пачку

зелья – жду. Очень мне тяжело сидеть на мяте, розовых лепесточках и прочей зелени – с души воротит. Главное – работать невозможно».

Где же, мой спутник, как не у могилы офицера-изгнанника Г. В. Агафонова, вспомнить нам о добрых делах его отца, «Старика» В.К. Агафонова, мецената Л. Розенталя, писателя М. Осоргина, поэта и инженера С. Луцкого и других добрых самаритян?

АДЛЕР АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВИЧ, 1903 – 1945

Московский историк Дмитрий Волкогонов сообщает по поводу агента НКВД Марка Зборовского по кличке Тюльпан, что он был завербован в Париже «советским гражданином Александром Севастьяновичем Адлером». Поскольку Волкогонов был допущен в очень серьезные архивы, можно ему верить. Хотя, если верить цветаеву И. Кудровой (тоже побывавшей в хитрых архивах), Зборовского завербовал вовсе даже Афанасов, которого, в свою очередь, завербовал муж Цветаевой С. Эфрон. Впрочем, возможно, что вербовали нищенствующего эмигранта Зборовского оба агента, ибо и тот и другой работали на ГПУ. Остается только гадать, как дожил Александр Севастьянович в Париже до конца войны, спокойно ли спал по ночам, каковы были его отношения с беспечной французской разведкой, от чего умер 42 лет от роду. Что до агента Марка Зборовского, то он втерся в доверие и к сыну Троцкого Седову, и к самому Троцкому, способствовал, вероятно, гибели Седова (пытался он проникнуть и в мексиканское убежище Троцкого, но не был туда приглашен), выкрал парижский архив Троцкого и отправил его в Москву, а переселившись в США, сперва написал прочувствованный труд о жизни еврейских местечек, затем проник в среду русских социал-демократов и написал донос на Виктора Кравченко, и еще, и еще... Кое-какими из своих подвигов Зборовский похвастал на допросе в Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, но далеко не всеми (так что «пресловутая Комиссия» занималась, как видите, не одними невинными агнцами). Зборовский отделался легким испугом, но самый акт его вербовки свидетельствует о том, что похороненный здесь А. С. Адлер был способный разведчик и не зря ел свой хлеб. Имя молодого «евразийца» Шуры Адлера попадает также в письмах Д. Святополк-Мирского и в записанных В. Лосской воспоминаниях о летнем отдыхе М. Цветаевой и С. Эфрона в Понтийяке в 1928 году и об эфроновской газете «Евразия»: «“Кухней” газетки занимался наш знакомый Шура Адлер... тогда ушедший по горло в Евразийство».

Позднее все они ушли в это самое евразийство уже не по горло, а с головой, однако оно встало им поперек горла. Упаси нас, Боже, от теоретиков и фанатиков-энтузиастов...

На днях посетил я могилку А. С. Адлера, что неподалеку от церкви Успения (первый квартал направо). Кто-то посадил на могиле елочку, но крест с купола, венчавшего памятник, сбит и лежит рядом... Печальная могила неизвестного «солдата невидимого фронта». Прости ему, Господи...

**Гр. АДЛЕРБЕРГ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ,
Гатчина, 26.06.1872 – Париж, 16 округ, 20.06.1944
Гр. АДЛЕРБЕРГ (ур. ЕГОРОВА)
ЛЮБОВЬ ВЛАДИМИРОВНА, Воронеж,
21.06.1890 – Оксер, 9.06.1963**

Граф Адлеберг происходил из старинного шведского рода, подобно другим знатым шведским семьям (например, Стенбок-Ферморам) переселившегося в Россию, где графское звание Адлебергов было подтверждено указами Николая I, Александра II и Александра III. Это, впрочем, не могло служить большим утешением уланскому полковнику графу Владимиру Васильевичу Адлебергу и его супруге Любви Владимировне, когда они попали в Париж в эмиграцию: жить было не на что. Граф занялся изготовлением украшенных бахромой модных шелковых оранжевых абажуров (именно под таким прошло мое московское детство – за неимением краски в Москве их красили стрептоцидом), однако в промысле своем не преуспел. Дочь воронежского помещика графиня Любовь Владимировна шила шелковое белье в одном из французских домов моды, и неплохо освоила новую профессию. И тогда граф решил открыть в своей тесной квартирке в 16-м округе Парижа собственный дом моды, который специализировался на пошиве шелкового белья. Затея увенчалась успехом, и дом белья «Адлеберг» просуществовал два десятка лет, пережив (впрочем, ненадолго) и Вторую мировую войну, и смерть графа. В своей замечательной книге об эмигрантских домах моды искусствовед Александр Васильев рассказывает любопытные подробности из жизни этого ателье. Русские мастерицы, жившие по соседству, в «русском» 16-м округе, брали работу на дом, а так как и клиентов графине принимать было негде, то готовые изделия разносили по домам распространительницы – «пласьержки», интеллигентные русские дамы, приятные в обхождении. Дом «Адлеберг» обслуживало больше двух десятков «пласьержек».

В 1937 году дом «Адлеберг» пережил свой звездный час: в сшитом портнихой Ниной Бологовской халате снялась знаменитая франко-румынская кинозвезда Эльвира Попеску. На мой взгляд, она не была так красива, как ее портнихи Н. Бологовская и графиня Адлеберг, но всякой – своя судьба. Граф В. В. Адлеберг умер в 1944 году и после его смерти графиня, как сообщает А. Васильев, «впала в чрезвычайную набожность». Она закрыла свой дом моды, стала монахиней в миру и шила рясы для русских священников. Умерла она в прекрасном бургундском городке Оксере, а похоронена была здесь, рядом с мужем.

АЙЗОВ ВЛАДИМИР КАРЛОВИЧ, 1900 – 1989

Утешительно, что бывший кадет и бывший батюшка Владимир Карлович Айзов прожил долго и, будет верить, счастливо, во всяком случае – последние полвека своей жизни, ибо начало его семейной жизни и скоро прервавшейся духовной карьеры отмечено было невзгодами, о которых с сожалением рассказал в своих мемуарах высокопреосвященнейший митрополит Евлогий: «О. Сухих всячески старался вывести в люди своего племянника... Вл. Айзова. Он выпросил, чтобы я рукоположил его в диаконы, а потом, после его женитьбы, – в священники. Скоро он заменил о. Н. Сухих на должности настоятеля в Крезе. Ловкий человек, Айзов быстро взял в руки прихожан и мог бы сделаться для прихода полезным человеком, если бы не несчастье, которое на него обрушилось: жена от родов умерла, и о. Айзов остался с двумя малолетними детьми на руках. Он потерял голову. Первое время я боялся за него. Понемногу обошлось, прихожане приняли в нем участие, среди них особенно горячо отозвалась одна семья. Вследствие близости о. Айзова к этой семье пошли компрометирующие его слухи... О. Айзов оправдывался, уверял меня, что это клевета. Я потребовал, чтобы он покинул Крезе. О. Айзов просил перевести его в Тулузу и поручить ему организацию там приходов (в окрестностях Тулузы много русских ферм). Новое назначение моральной пользы ему не принесло. На некоторое время он вторично был назначен в Крезе, но потом должен был снять сан: он женился на той девушке, с которой молва уже давно связывала его имя».

Все эти невзгоды молодых лет не сломили, однако, Владимира Карловича. Новая супруга оказалась труженицей, и в отчетах о жизни монжеронского детского дома для русских детей можно прочесть, что А. К. Айзова еще и в конце 60-х годов была «образцовая медицинская сестра, знающая каждого ребенка», и что ее муж В. К. Айзов не только заведовал хозяйственной частью дома, но и был «главный «украситель» и декоратор во время всех празднеств и спектаклей». История этого детского дома и его организаторы (имена которых нам во время нашей прогулки, пожалуй, не встретятся) заслуживают нескольких добрых слов. В 1939 году хлопотами Софьи Михайловны Зерновой и ее помощницы С. М. Лопухиной через деятельный Центр помощи русским в эмиграции 600 русских детей были отправлены на отдых в Швейцарию. И вдруг – война! Детей срочно вернули в Париж, в Центр помощи. А Париж, ждавший газовой атаки, охватила паника, к вокзалам не подступиться... Дети приехали неожиданно – где их разместить? Княгиня Вера Мещерская согласилась потеснить старческий дом в Вильмуассоне, куда и привезли детей. Там русские дети жили 15 лет (росли в дружбе, уходили с лучшими воспоминаниями, на их место приходили новые). А в 1954-м щедрая русская женщина Надежда Петровна Нобель за гроши продала Центру помощи свое поместье, где стояли в парке у реки три дома. При оборудовании новых спален для детей, комнат и салонов им присвоены были имена жертвователей и тех, кто много сил отдавал помощи в эмиграции – Л. С. и Л. А. Гаргановых, дочери Гаргановой д'Агиар, композитора С. В. Рахманинова и его дочери Т. С. Конюс, матери Марии (жертвователю Д. Скобцов), княгини Вики Оболенской (на деньги «русских американцев» из Вашингтона), Б. А. Бахметьева, барона М. Ф. Шиллинга, И. И. Фондаминского, М. М. Кульман и Г. Г. Кульмана. Где ж, как не здесь, помянуть нам эти славные имена?

Бывший офицер А. П. Щербляков освоил ремесло каменщика и построил в Монжероне церковь, которую расписал о. Григорий Круг...

Вот в этом-то детском доме и трудились В. К. Айзов с супругой.

АЛЕКСАНДР (СЕМЕНОВ-ТЯНЬ-ШАНЬСКИЙ), преосвященный епископ, настоятель Знаменского прихода в Париже, 7.10.90 – 16.05.1979

В 1925 году будущий епископ, внук знаменитого русского путешественника и географа, исследователя Средней Азии, эмигрировал во Францию, где закончил Богословский институт (на Сергиевском подворье в Париже), был рукоположен в конце войны в священника, а в 1971 году возведен в сан епископа. Он явился составителем молитвенника и катехизиса, а также автором биографии Иоанна Кронштадтского.

**АЛЕКСАНДРОВИЧ АЛЕКСАНДР
ДМИТРИЕВИЧ, артист Петербургского
Мариинского театра, 26.09.1879 – 19.02.1959**

(Судя по справочникам, был он Дормидонтович, мы же даем то, что обозначено на надгробии.)

Русская интеллигенция принесла из России в изгнание ощущение долга перед народом (в данном случае – перед «эмигрантским народом», как любил говорить проповедник и глашатай «ордена интеллигенции» И. И. Фондаминский), и в первую очередь перед молодым поколением, которое эмигранты растили для службы родине, России (а вышло, что для Франции). Воспитание молодежи считало одной из главных своих задач Русское Студенческое Христианское Движение (РСХД). Именно в рамках этого движения в конце 40-х и начале 50-х знаменитый певец бывлой Мариинки А. Д. Александрович создал свою «Молодую оперу». Русским подросткам он сумел привить в ней любовь к русской классике и фольклору. Его «Молодая опера» с успехом показала на парижской сцене отрывки из «Жизни за царя» («Ивана Сусанина»), «Демона», «Русалки», «Евгения Онегина». В хоре «Молодой оперы» пело до сорока русских подростков в театральных костюмах, в декорациях М. Хвалынской...

АЛЕКСИНСКИЙ ГРИГОРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, БЫВШИЙ ДЕПУТАТ ДУМЫ, 16.09.1879 – 4.10.1967

Г. А. Алексинский был социал-демократом, даже большевиком, но 4 июля 1917 года он имел смелость выступить с заявлением о том, что Ленин получил (для антивоенной пропаганды в России) деньги от немецкого Генерального штаба, так что в мае 1919-го Алексинскому пришлось, спасая жизнь, срочно бежать с семьей за границу. После захвата власти большевики позаботились о том, чтобы банковские документы, свидетельствующие о получении Лениным «немецких денег», были изъяты из архива, а беглого Г. Алексинского они судили заочно (известным своим приемом подверстав к какому-то «делу о тактическом центре») и объявили его за обнародование ленинских финансовых тайн «врагом народа». В Париже Г. Алексинский активно сотрудничал в эмигрантской прессе и даже издавал одно время свой еженедельник. Московский институт Маркса-Энгельса-Ленина вел перед войной переговоры с Г. Алексинским о покупке его архива, но в конце концов не купил этот архив, посчитав, что Г. Алексинский запросил слишком дорого. Так ведь и жизнь во Франции была не дешевая...

АЛЕКСИНСКАЯ-ЕВТИХИЕВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА, 13.10.1886 – 20.10.1968

Супруга Григория Алексеевича Алексинского Татьяна Ивановна и сама была активной социал-демократкой. В 1917 году она примыкала к группе Плеханова «Единство», о чем подробно рассказано в ее «записях» («1917 год»: «Я хожу по митингам, выступаю под фамилией Ивановой, Петровой, Денисовой...»).

После того как муж ее разоблачил связь Ленина с немецким Генштабом (после Первой мировой войны достоверность этих разоблачений подтвердили генерал Людендорф и немецкий социал-демократ Бернштейн, а после Второй мировой войны – преданные гласности документы из архива немецкого МИД), ей пришлось немало натерпеться страху, прежде чем она уговорила мужа бежать за границу. Пылкая революционерка Т. И. Алексинская все же успела, еще и до эмиграции, увидеть в России плоды своей революционной деятельности: «Горе! Всюду горе. Чужое горе, вернее наше общее...».

АМАЛЬРИК АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, 12.05.1938 – 11.11.1980

Уже студентом истфака в Московском университете молодой Андрей Амальрик имел собственные мысли по всем вопросам, в частности по изучаемым им проблемам истории, например, по поводу роли норманнов в истории Киевской Руси. Эти мысли он изложил в своей дипломной работе, за что и был выгнан из университета. Это было в 1963 году, и «гласность» тогда не зашла еще настолько далеко, чтоб историку могли позволить иметь свои мысли. Не запрограммированные агитпропом мысли в ту пору назывались «диссидентскими», и 25-летний Андрей Амальрик стал «диссидентом». Это не значит, что он призывал к революции. Напротив, он призывал к соблюдению тогдашних российских законов и к охране прав граждан, «гарантированных» советской же, ежегодно прославляемой и ежедневно попираемой Конституцией. В общем, он стал «правозащитником», за что приговорен был для начала к двум годам ссылки в Сибирь: его попытка напомнить властям о правах и законах была квалифицирована советским судом как «антисоветская агитация и пропаганда». Вернувшись из ссылки, бесстрашный Амальрик не только написал книгу «Нежеланное путешествие в Сибирь», но и отдал ее печатать за границей (поскольку в России ее было не издать). Амальрик печатался в эту пору также в московских газетах, а в 1969 году он написал пророческую книгу «Доживет ли Советский Союз до 1984 года?». Знаменитый Оруэлл написал мрачный роман о стране победившего социализма, здравствующей еще и в 1984 году. Оптимист Андрей Амальрик за 15 лет до предсказанной Оруэллом даты высказал сомнение в том, что «казарменный социализм» протянет еще так долго. Амальрик угадал с точностью до месяца (в 1984 году Горбачев приступил к «перестроечному» спасению системы, в результате которого она рухнула).

В Париже француженку грузинского происхождения Элен Каррер д'Анкос за подобные прогнозы (сделанные, впрочем, после Амальрика) избрали во Французскую академию. В Москве писателя Андрея Амальрика арестовали за то же самое и сослали в Магаданскую область. Он вернулся в 1975-м, ему было уже 37 лет. Власти предложили ему уехать, чтобы не было хуже. Он медлил, участвуя в организации Хельсинской группы в Москве. Позднее, за рубежом он стал ее представителем. Эмигрировал он в 1976-м, жил в изгнании (в Голландии, США, Швейцарии и Франции), но продолжал писать и выступать: доказывал, что русские не хуже прочих европейцев и имеют право на свободы и свободу. Однажды он один, в единственном числе, провел демонстрацию перед президентским дворцом в Париже, протестуя против равнодушия Запада к русской борьбе за демократические свободы. Полиция оттащила упрямого русского от дворца, но его цель была достигнута: фотографии попали во все газеты.

Андрей Амальрик написал пять пьес и книгу «Записки диссидента», вышедшую во Франции в 1980 году. В тот же год он отправился на международную конференцию по вопросам сотрудничества в Европе и на испанской дороге погиб «в результате несчастного случая». В том, что гибель 42-летнего талантливого и бесстрашного русского «правозащитника» была несчастьем для его страны, нет сомнений.

АМЕСТУА (АМЕСТΟΥ; урожд. ПОРОХОНСКАЯ) МИЛИЦА, 1909 – 1992

Среди прочих русских красавиц-манекенщиц, служивших в торговом доме «Дам де Франс», была и юная дочь генерала Порохонского Милица. Позднее она вышла за француза, сменила фамилию и стала настоящей «дам де Франс»...

АМЕТИСТОВ ТИХОН АЛЕКСАНДРОВИЧ, полковник Генерального штаба, секретарь епархиального управления, 1884 – 1941

Полковник Аметистов успел окончить до начала войны Николаевское кавалерийское училище и два класса Николаевской военной академии. В 1916 году он был старшим адъютантом 9-й кавалерийской дивизии, а с конца 1918 года – начальником разведотдела штаба Крымско-Азовской Добровольческой армии... К 1921 году он уже был в эмиграции, в Париже...

Митрополит Евлогий счел, что Т. А. Аметистов был «подходящим человеком» для секретарства в Епархиальном Совете, однако имел и немало мороки с темпераментным молодым полковником: «Я знал его давно и выбрал в секретари потому, что сочетание в нем образованности светского человека и традиций духовной школы считал ценным. Это был человек даровитый, работоспособный, но, к сожалению, не всегда строгий к себе, увлекающийся...».

Кн. АМИЛАХВАРИ ГИВИ ИВАНОВИЧ, генерал-майор, 25.04.1874 – 14.11.1943

Грузинский княжеский род Амилахвари дал России много отважных воинов. Успели князя Амилахвари послужить и Франции. Во время боев в Северной Африке прославился племянник князя Гиви Амилахвари Дмитрий Георгиевич Амилахвари, молодой офицер, которого называли «героем легенды». Он был счастливый молодожен, только что получил высший орден из рук генерала де Голля и погиб через два дня под Эль-Аламейном... Плачь, Франция, печалься, Грузия, оплакивая бесстрашных братьев Амилахвари (старший из них, Руслан, был еще в пору гражданской войны убит большевиками).

АНДРЕЕВ АЛЕКСЕЙ РОМАНОВИЧ, 21.05.1899 – 9.10.1980

Скрипач Алексей Андреев был в пору своей петербургской юности одним из самых многообещающих учеников знаменитого Леопольда Ауэра. Девятнадцати лет от роду ему пришлось покинуть Россию. На счастье для него, музыканту легче было выжить, чем писателю или генералу. Алексей Романович преподавал музыку, был профессором Русской консерватории, а одно время и ее директором. Музыка считалась в Европе «русской профессией», и у русских преподавателей был высокий престиж.

А. Р. Андреев активно участвовал в культурной жизни русской эмиграции (которая была не просто активной, а, можно сказать, бурной), был членом правления Русского музыкального общества.

АНДРЕЕВ ВАДИМ ЛЕОНИДОВИЧ, 1903 – 1976

Вадим Андреев был старшим сыном знаменитого русского писателя Леонида Андреева. Он рано потерял мать, а достигнув шестнадцати лет, потерял и отца.

После революции Вадим жил в отцом на даче в Финляндии, которая оказалась отрезанной от России, учился в Русской гимназии в Гельсингфорсе, семнадцати лет ушел воевать против красных, потом учился в лицеев Константинополе, где пережил немало приключений. Покровительствовавший русским изгнанникам британский византолог Уитмор выхлопотал Вадиму стипендию и отправил его на философский факультет Берлинского университета. Судьба сына великого человека, как правило, сопряжена с трудностями: вот и сын знаменитого писателя, да вдобавок еще и русский (кто ж из русских не пишет в юности?), молодой Вадим просто обречен был писать стихи и прозу, страдая от недостижимости заданного отцом высокого уровня. Он рано начал печататься, посещал литературное кафе и литературные объединения, учился литературе и других учил литературе, долго оставаясь при этом всего-навсего «сыном талантливого отца», о чем жестоко напомнила ему первая же рецензентка его первого сборника стихов.

В 1924 году Вадим Андреев вместе с другими стипендиатами Уитмора перебирается в Париж, в Сорбонну. Он учится, работает, общается с молодыми поэтами «незамеченного поколения», а также с Ремизовым и Цветаевой, участвует в создании Союза молодых поэтов и писателей, часто выступает на литературных вечерах, пишет стихи, женится на Ольге Федоровой-Черновой, приемной дочери знаменитого эсеровского лидера Виктора Чернова и Ольги Елисеевны Колбасиной-Черновой (Марина Цветаева дружила с этой семьей, жила у Черновых первое время в Париже, а дочь Цветаевой Ариадна вспоминала, что первое в жизни платье ей сшила Оля Чернова).

В Берлине Вадим Андреев стал сотрудничать в просоветском «Накануне», в Париже он тоже находился по большей части в окружении левых – бывших эсеров, левых евразийцев, либеральных масонов. Он и сам был, впрочем, активным членом масонской ложи «Северная звезда». Человек он был добрый, общительный, сверстники (в том числе и Борис Поплавский) охотно посвящали ему стихи. Собственные стихотворные публикации Вадима Андреева не убеждали, впрочем, ни Ходасевича, ни его врага Адамовича в наличии у юноши поэтического дара. В 1938 году Вадим Андреев пишет первую прозу – «Детство. Повесть об отце». Во время войны и оккупации, оказавшись с другими русскими дачниками на острове Олерон, он сближается с французским Сопротивлением и с коммунистами, а после окончания войны (в самом конце которой он был арестован немцами) берет советский паспорт и работает в сомнительной то ли просоветской, то ли уже просто советской, вполне агитпроповской газете.

Трудно упрекать молодого Вадима Андреева в его просоветских и прокоммунистических симпатиях, к которым склонились в ту пору даже такие борцы против Советов и такие стареющие идеологи демократии, как Маклаков, Милюков, Бердяев, такие люди, как митрополит Евлогий, как эстеты Маковский и Адмович. Видимо, немалую роль (наряду с успешными усилиями советской разведки) сыграло в этом странном, бездумном увлечении бессильное, жалкое, задворочное положение людей эмиграции при сравнении его с новым ореолом могущества (пусть даже тоталитарного) покинутой родины-победительницы. Цветаева (вольно или невольно) выразила общее настроение, воскликнув после выступления Маяковского: «Сила – там!». Может, оттого так сильно и обиделся на нее старый Милюков, что это была и его тайная мысль. Так что нет ничего удивительного в том, что близкий к цветаевско-эфроновской и черновской семье молодой Андреев так трогательно мечтает о Донбассе, Кузбассе, о таинственных «беломорканалах», воспетых коммунистом Луи Араго-

ном, о заманчивой Сибири. На его счастье, он уехал после войны не на Беломорканал и не в Сибирь, а в Нью-Йорк, на престижную переводческую работу в ООН (тоже ведь без благосклонности всесильной Родины и на такую работу не попасть на Западе). Так что, опять же на свое счастье, в Советскую Россию, о которой он столько писал, Вадим Андреев попал впервые лишь в годы «оттепели», в 1957-м, когда уже и у советской интеллигенции «открылись глаза» (точнее, развязались языки). Вдобавок Вадим встретил в России своего ставшего за эти годы «старшим» и по мысли, и по таланту младшего брата Даниила, изведавшего к тому времени и лагеря и ссылку, узнавшего, почем фунт лиха. Да что там, многие осмелевшие русские не боялись уже в ту пору рассказывать правду восторженному советофилу из Парижа – Нью-Йорка. В общем, припав к истокам, Вадим Андреев несмотря на советский паспорт и патриотизм, уезжает на работу не в благосклонную Москву или Кузбасс, а в Женеву, хотя еще продолжает печатать свою прозу – то в Минске, то в Москве, то в Петербурге. Вообще, он уже разобрался, кажется, в смысле легендарных «беломорканалов», приводивших в такой восторг Арагона. Ему объяснили по секрету в России, что эти бессмысленные каналы построены на костях невинных зэков. Так что через сорок лет после первых иллюзий и ностальгических вздохов 63-летний Вадим Андреев пишет вполне неожиданные стихи о путешествии по такому каналу:

Стоят залитые водой леса —
Парад стволов, парад слепых скелетов,
Их руки-ветви вздеты к небесам,
Но мир молчит, и в небе нет ответа.
А там, где оторвался слой коры
И тускло обнажилась древесина, —
Лишь присмотрись – лицо твоей сестры,
Иль без вести исчезнувшего сына,
Отца, быть может, брата. Ты пойми
Тех глаз посмертную, скупую муку
И на прощание рукой возьми,
Живой рукой – безлиственную руку...

Таким оказалось стихотворное прощание с розовой мечтой левого эмигранта. Да что там стихи! Было и большее. Вадим Андреев взялся тайно провезти на Запад рукопись самого страшного тогдашнего врага коммунизма – Александра Солженицына (роман «В круге первом»). Помогали Солженицыну переправлять рукописи на Запад и дети Вадима Андреева – симпатичный, некогда всем переводчикам ЮНЕСКО знакомый Саша Андреев и его сестра Ольга Андреева-Карлайл...

Такой вот типовой жизненный маршрут сына знаменитого Леонида Андреева... Мне рассказывали, что в конце жизни он хотел отказаться от с восторгом некогда принятого советского подданства, но подоспевшая смерть сделала несущественными все эти наши милиционно-префектурные различия...

АНДРЕЕВ ВАЛЕНТИН ЛЕОНИДОВИЧ, 1912 – 1988

Валентин Андреев был сыном писателя Леонида Андреева от его второго брака – с Анной Ильиничной Андреевой (урожденной Денисевич, в первом браке – Карницкой). После смерти Леонида Андреева А. И. Андреева осталась с четырьмя детьми. Ее близкая подруга и соседка по чешской и французской эмиграции Марина Цветаева так описывала парижско-пригородную жизнь А. И. Андреевой в письме из Кламара Анне Тесковой: «У нее четверо детей, и вот их судьба: старшая (не андреевская) еще в Праге вышла замуж за студента-инженера и музыканта. И вот А. И. уже больше года содержит всю их семью (трое), ибо он работы найти не может, а дочь ничего не умеет. Второй – Савва танцует в балете Иды Рубинштейн и весь заработок отдает матери. Третья – Вера (красотка!) служит прислугой и кормит самое себя, – А. И. дала ей все возможности учиться, выйти в люди, – не захотела, а сейчас ей уже 25. Четвертый – Валентин, тоже не захотевший и тоже по своей собственной воле служит швейцаром в каком-то клубе – и в отчаянии. Сама А. И. держит чайную при балете Иды Рубинштейн и невероятным трудом зарабатывает 20 – 25 франков в день, на которые содержит своих – себя и ту безработную семью. Живут они в Кламаре, с вечера она печет пирожки, жарит до 1 ч. ночи котлеты, утром везет все это в Париж и весь день торгует по дешевке в крохотном загоне при студии Рубинштейн, кипятит несчетное число чайников на примусе, непрерывно моет посуду, в 11 ч. – пол, и домой – жарить и печь на завтра...». Можно добавить, что лучшая эмигрантская подруга Цветаевой А. И. Андреева имела вдобавок терпение выслушивать все жалобы страдальницы-поэтессы («с пониманием») и еще находила время, чтобы перепечатывать для нее письма и стихи...

Вел. Кн. АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, 15.05.1879 – 30.10.1956

Из трех царственных поклонников балерины Матильды (Марии) Феликсовны Кшесинской внук Александра II и племянник Александра III великий князь Андрей Владимирович оказался самым верным и последовательным, ибо в эмиграции он сочетался законным браком и прожил с ней до конца своих дней. Их сын, светлейший князь В. А. Романовский-Красинский (Романов; 111902 – 11974), родившийся еще в России, похоронен здесь же. По свидетельствам А. Вертинского и Вакара, ностальгия по оставленной в отроческие годы родине и его привела в свое время в ряды «младороссов», выступавших «за Царя и Советы».

Андрей Владимирович изучал право и среди Романовых слыл за «семейного юриста». Октябрь застал его в Кисловодске, а в начале 1920 года отплыл из Новороссийска во Францию вместе с великой княгиней Марией Павловной, своей матерью, и будущей женой, балериной Кшесинской (они обвенчались год спустя в Каннах).

**АНДРОНИКОВА (урожд. ВАХТЕР) ЕЛЕНА
КОНСТАНТИНОВНА, 7.10.1890 – 25.8.1938**
**АНДРОНИКОВ КОНСТАНТИН
ЯСЕЕВИЧ, 16.10.1916 – 12.9.1992**
**АНДРОНИКОВА НАТАЛЬЯ
АЛЕКСАНДРОВНА, 14.4.1924 – 28.9.1983**
**АНДРОНИКОВ МАНУИЛ
КОНСТАНТИНОВИЧ, 10.9.1947 – 15.9.1995**

С Константином Ясеевичем Андрониковым я познакомился в Париже вскоре после смерти его жены Натальи Александровны (урожденной де Курис). Князь жил неподалеку от меня, в 15-м округе Парижа, на тихой улице Розенвальд вместе с семьей сына. Квартира выходила в собственный дворик, где о чем-то ворковали голуби и шелестела листвой береза. День выдался жаркий. Худой, моложавый в свои 70 с лишним князь предложил угостить меня чаем. Но вопреки моему ожиданию чай мы пили не из самовара, а из холодильника – ледяной итальянский чай. Тогда-то я и вспомнил, что вся жизнь князя Константина Андроникова прошла на Западе, по большей части в Париже, но и в Англии, и в Италии тоже – в странствиях и в служебных поездках. Князь Константин Андроников был личным переводчиком и генерала де Голля, и Помпиду, и Жискара д'Эстена, работал в Министерстве иностранных дел, ездил по свету – в том числе и в Москву, был кавалером ордена Почетного легиона, а когда получил право на пенсию, то занялся любимым делом – переводом русских богословских трудов на французский язык. Начал он с трудов Флоренского, а в пору моего первого визита уже была в доме целая полка переводных томов – и Бердяев, и С. Булгаков, и В. Зеньковский....

Князь был неплохо подготовлен к переводческим трудам. В юности он часто ездил в гости в Лондон, к своей тетке – старшей сестре Яссы Ивановича, знаменитой некогда петербургской красавице, воспетой Мандельштамом, – Саломее Андрониковой (как это ни грустно признавать, в перезрелые годы красавица была влюблена... в Сталина). Позднее он окончил Русский богословский институт на Сергиевском подворье и добрых четверть века преподавал в институте литургическое богословие и методологию.

Я приходил к князю Андроникову, чтобы расспросить его о процессе Кравченко (1949 г.), на котором князь был официальным переводчиком и о котором я писал в ту пору книгу для Москвы и Берлина.

– Там выступал настоятель Кентерберийского собора коммунист Хьюлет Джонсон, – вспомнил я. – Что Вы скажете о его выступлении на процессе? Он все ссылался на Царство Божие...

Дипломат и богослов князь Андроников недолго искал подходящие формулировки.

– Он был совершеннейший дурак, этот архиепископ! – воскликнул он горячо (грузинская кровь, дед был губернатором Батума). – Я, говорит, летал над всей Россией и нигде не видел лагерей. Да они там все, коммунисты, читали свой затверженный урок.

Давно ли сидели мы так с К. Андрониковым в прохладной гостиной, открытой во дворик на улице Розенвальд?.. Как бежит время... Уже вон и коммунисты постарались забыть все эти глупости, с которыми они тогда выступали на процессе, не говоря уж о прочих пари-

жанах. А теперь вот и князя Константина больше нет в тихом дворике, где звучат голоса его внуков и почти по-русски шелестит на ветру береза.

АНЦЫФЕРОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, профессор, 10.09.1867 – 5.03.1943

В 1917 году пятидесятилетний специалист по экономике, кооперации и праву А. Н. Анцыферов защитил докторскую диссертацию на тему «Центральные банки кооперативного кредита». До этого он работал в земских организациях, знакомился с зарубежным кооперативным движением, читал лекции по экономике и кооперации в университетах. После Февральской революции он еще успел подготовить закон о кооперации, но в 1920 году ему пришлось навсегда покинуть Россию. России не нужны были больше специалисты по экономике, сельскому хозяйству и кооперации. Тех, кто не уехал сам, высылали под угрозой смерти. Сельским хозяйством и кооперацией занялись «продотряды». А «продовольственную проблему», кто помнит, и 70 лет спустя все еще пытались решить постановлениями ЦК...

Остаток жизни А. Н. Анцыферов прожил в Париже – преподавал, писал научные труды, возглавлял Совет русских высших учебных заведений во Франции, был вице-президентом Ассоциации бывших студентов Московского университета, был избран членом Международного института изучения кооперации.

Как многие интеллигенты в изгнании, Анцыферов тревожился о будущем оставленной родины. Он председательствовал в Клубе изучения России, куда входили крупные русские ученые-эмигранты Н. Зворыкин, А. Карташов, В. Аршаулов и др. Клуб утруждал себя анализом положения России и «выяснением условий, могущих благоприятствовать его успешному социально-экономическому развитию в будущем».

Анцыферов углубленно изучал проблемы демографии, статистики, христианства и права. Он убежден был, что России, учитывая ее историю, религию и ментальность населения, всего логичнее было бы оставаться монархией. Идеи свои Алексей Николаевич изложил в многочисленных печатных трудах.

**АФАНАСЬЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ,
протопресвитер, 4.11.1893 – 4.12.1966**

Священник и богослов. Учился в Белграде, позднее преподавал в семинарии в Скопле и в Богословском институте в Париже. Автор книги «Религия Духа Святого», переведенной на французский язык. Рукоположен в священники в 1940 году.

БАЖЕНОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, capitaine, 20.04.1918 – 8.12.1955

Сын выпускника Пажеского корпуса Николая Баженова и красавицы-кабардинки Эль-мисхан Хагандоковой, дочери генерала Хагандокова (впоследствии знаменитой парижской манекенщицы Гали Баженовой, а еще позднее графини де Люар и героини войны), Николай Николаевич Баженов сражался за освобождение Франции бок о бок с американцами в дивизии генерала Кларка. Был бы жив, напомнил бы гордым здешним антиамериканцам, кто освободил Францию...

БАЗАНОВ ВСЕВОЛОД ИВАНОВИЧ, professeur a l'ecole des hautes studes, 24.02.1897 – 5.06.1951

Профессор высшей школы, автор многих научных работ по истории Древнего Мира.

Всеволод Иванович вышел из профессорской семьи: отец его был ректором Томского, а потом Казанского университетов, позднее попечителем учебных заведений в Киеве, мать – художница. Дочери проф. В. И. Базанова пошли по стопам отца и деда. Дочь Ольга, окончив институт в Париже и защитившись в Гарварде, стала в США дипломатом. Супруга Анна Сергеевна (урожденная Джангарова) занимала пост хранительницы в Национальной библиотеке Франции.

БАЙКОВ ГЛЕБ АРКАДЬЕВИЧ, 13-го гусарского Нарвского полка ротмистр, 11.04.1895 – 10.04.1969

Оказавшись с женою в Париже, отставной гусар Глеб Байков не пал духом. Как и многие русские офицеры, он брался за любую работу и даже ухитрился при этом получить высшее образование – не какое-нибудь, а медицинское. Жена Оксана устроилась завскладом в дом моды Ларисы Бейлиной «Лор Белен», где всем заправляла бывшая балерина Тамара Гамзакурдия (во втором браке – де Коби). Глеб работал одно время в том же доме моды шофером, выучился на врача и даже лечил позднее строгую директрису Тамару...

БАКСТ АНДРЕЙ, 21.09.1907 – 8.02.1972

Первое и, наверное, самое трогательное живописное изображение Андрея Бакста появилось в 1908 году. Это была акварель, написанная его отцом, прославленным художником и декоратором Львом Бакстом (много работавшим с Дягилевым). Она называлась «Портрет Андрюши Бакста». Матерью Андрея была Любовь Гриценко, бывшая жена художника Н. Гриценко. Андрею было три года, когда Лев Бакст и Любовь Гриценко разошлись. В 1921 году Л. Гриценко с сыном выехала из России и поселилась в Италии. Л. Бакст высылал им ежемесячное пособие.

Сын вырос художником. В 1928 году умерла мать, и Андрей переехал в Париж. Отцы уже не было в живых. При жизни отца добрые отношения с сыном у него, вероятно, не сложились, и Андрей почти не унаследовал бесценных работ отца: их получили какие-то племянницы. Вот как пишет об этом известный лондонский коллекционер Н. Д. Лобанов-Ростовский: «..сын не унаследовал работ, но ему было оставлено ателье отца на ул. Лористон, Париж, 16...».

В 1934 году осиротевший Андрей женился на прелестной сиротке Ольге Мас. К сожалению, брак их длился недолго: характеры были не простые у обоих. В начале войны Ольга жила в Ницце и стала участницей Сопротивления. Она и ее друзья, рискуя жизнью, прятали обреченных евреев и спасли немало народу. Ольга прожила долго. Перед смертью она получила письмо из иерусалимского института Яд Вашем о том, что она причислена к сонму праведниц (среди двух тысяч французов, которые в войну спасали евреев). «Она была странное, удивительное существо, – рассказывал мне о старой Ольге художник Алексей Оболенский, у родителей которого она снимала комнату в Ла Фавьере. – Любила поэзию и переводила на французский русские стихи. По собственной инициативе перевела на французский язык толстенный том мемуаров моего деда Владимира Оболенского. Она обожала музыку, курила без конца, небрежно разбрасывала окурки в постели, от чего не раз загоралось ее одеяло...» Алексей Оболенский захоронил ее прах в могиле своих родителей, с которыми она дружила, – на прекрасном кладбище городка Борм-ле-Мимоза...

В Париже молодой сын Л. Бакста дружил с К. Сомовым и многими другими художниками, впрочем, не только с художниками. В августе 1940 года В. Н. Бунина, жена писателя, сообщила знакомой: «Не знаю до сих пор об Андрюше Бакст и очень тревожусь. Остальные, кто были на фронте, живы и здоровы».

Вскоре после приезда в Париж Андрей начал работать самостоятельно в кино и в театре художником по декорациям. Его макеты воспроизведены были в престижных французских журналах. Он был художником на таких фильмах, как «Милый друг» режиссера Луи Дакена (по Мопассану), «Ночные красавицы» Рене Клера, на знаменитом «Мишеле Строгове», на «Тиле Уленшпигеле», и еще, и еще...

В 60-е годы Андрей Бакст не раз приезжал на родину. Он передал Третьяковской галерее архив своего знаменитого отца, а Русскому музею – картину Л. Бакста «Древний ужас» и альбом его греческих зарисовок.

За несколько месяцев до смерти он наконец соединился с покойным отцом в Париже: открылась выставка «Памяти Льва Бакста, Андрея Бакста и Жоржа Ландрио».

БАКУНИН АЛЕКСЕЙ ИЛЬИЧ, 10.04.1871 – 1945
БАКУНИНА ЭМИЛИЯ НИКОЛАЕВНА
(урожд. ЛОПАТИНА), 1875 – 1960
БАКУНИНА ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА (1904 – 1995)
БАКУНИНА НАТАЛЬЯ, ум. в 1991 г.

Алексей Ильич был «из тех Бакуниных» и родился в том самом Премухине под Торжком, где просвещенный Александр Михайлович Бакунин растил своих многочисленных сыновей (среди которых был будущий бунтарь Михаил Бакунин) и дочек (в которых по очереди влюблялись Станкевич, Белинский, Боткин, Тургенев), где Михаил Бакунин в табачном дыму проповедовал во флигеле фихтеанство, а потом и гегельянство (не успев толком дочитать ни Фихте, ни Гегеля)... Полвека спустя в Премухине родилась у Алексея Ильича Бакунина и его жены Эмилии Николаевны (урожденной Лопатиной, со знаменитым Германом Лопатиным она была в родстве) дочь Татьяна. Супруги были врачи, в Москве у них была своя больница (Бакунинская). В больнице этой умер патриарх Тихон, никуда не могли его устроить, и Бакунины взяли его к себе, хоть и были, скорее, антиклерикалы, «антицерковники». Поскольку умер патриарх своей смертью, а супруги Бакунины даже пытались вылечить этого опасного человека, сеявшего «опиум среди народа», им пришлось бежать за границу, спасаясь от гнева большевиков. За границей они продолжали лечить соотечественников, а Эмилия Николаевна была одно время врачом в Русском доме. «Бакунина была великолепным врачом, хорошим диагностом, человеком большого терпения», – вспоминал об Эмилии Николаевне священник Русского дома. У него, у этого священника (о. Бориса Старка), были немалые сложности с похоронами Алексея Ильича в конце войны. Вот что он позднее писал об этом: «Не скажу, чтобы оба Бакунины были совершенно атеистами! Нет... У них на столе лежала Библия, и А. И. часто ее почитывал и цитировал, но к церкви (как к организации) и к духовенству отношение было непримиримое... Когда Алексей Ильич умер, то встал вопрос: как его хоронить? Конечно, Эмилия Николаевна не пожелала отпевания и заноса тела в церковь, но для Русского Дома такая демонстрация атеизма была невозможна, тем более что многие любили покойного и искренне хотели помолиться об упокоении его души. Тогда я прошел к Э. Н. и спросил ее, будет ли она протестовать, если мы совершим заочно отпевание ее мужа в храме. Она сказала, что для нее это безразлично, но что если кому-то это может быть приятным, то она не возражает. Так и сделали, и это, кажется, был первый и единственный случай заочного отпевания нашего пенсионера, лежащего в комнате того же дома. После погребения, чисто гражданского, когда все разошлись, я отслужил на могиле литию. Позднее Бакунина заказала нашему архитектору А. Н. Бенуа надгробный памятник: гранитная глыба, на которой рельефом выделен отполированный восьмиконечный православный крест...».

Юная дочь Алексея Ильича и Эмилии Николаевны Татьяна до эмиграции изучала русскую историю в Московском университете, а в Париже писала диссертацию о русском XVIII веке и благородном русском масонстве. Мало-помалу ей раскрылось, какой великой школой нравственного воспитания было русское масонство, привлекавшее в свои ряды все, что было самого высокого в России (Суворова, Кутузова, Карамзина, Грибоедова, Пушкина, самые звучные имена российского дворянства, русских императоров). Вероятно, углублению интереса Татьяны Бакуниной к русскому масонству способствовало и то, что в Париже она вышла замуж за благородного масона, прекрасного русского писателя, истинного «джентльмена эмиграции» Михаила Осоргина, прожила с ним долгие годы в счастливом браке и, закрыв

ему глаза в 1942 году, в «свободной зоне», еще более полувек была верна его памяти. В эмиграции она продолжала научную работу, выпустила «Словарь русских масонов», две популярные книжки о русском масонстве и была инициатором серии бесценных библиографий эмигрантских писателей. Она много лет работала в Национальной библиотеке Франции и преподавала в «Эколь нормаль супериор» в Сен-Клу. Она считала своим долгом помогать всем, кто писал об эмиграции или просто интересовался русским изгнанием, много десятилетий труда отдала она парижской Тургеневской библиотеке... Мне посчастливилось удостоиться ее дружбы в последние десять лет ее жизни... Я присутствовал на ее похоронах, и мне показалось, что там не было равнодушных... Позднее я выплакал свое горе в очерке «Не надо цветов Татьяне» (Русские тайны Парижа. СПб: Золотой век, 1998): не зная масонских обычаев, я единственный явился в крематорий с цветами. Искренне надеюсь, что она простила мне мое невежество, как прощала бесчисленные огрехи в моих писаниях, которые читала терпеливо и благожелательно.

Помню, как на похоронах Татьяны Осоргиной-Бакуниной на Сент-Женевьев одна из бывших ее студенток читала над раскрытой могилой тексты ее мужа Михаила Осоргина. Мне бы хотелось над могилой Бакуниных прочесть грустный отрывок из письма, написанного Михаилом Осоргиным за год до смерти своему другу и тестю Алексею Ильичу Бакунину (который пережил его всего на три года – эмигранты умирали в те годы один за другим, точно торжество сперва коричневого, а потом красного фашизма лишило жизнь надежды и смысла): «Невеселым рисуется мне будущее, да и не для нас оно... Оглянись на далекое прошлое и подумай о том, как многого не было; столь же многого не будет. Не будет и нашей России, только останется земля, на которой она была в период нашей жизни. Уже ничего не остается от прежней культуры, новое, что народится, нам заранее чуждо. И я не знаю, чего России желать, совершенно не знаю. Обидно и тяжело видеть ее сломанной чужой, железной силой, хочется эту силу видеть взорванной и рассыпавшейся, отмщения хочется, но все это – область личных ощущений, и я не уверен, что нужно этому колоссу оставаться целой глыбой: может, лучше ему рассыпаться и стать кусочной страной народов и инородцев, имевших недолгую общую историю. И о всей Европе не знаю, чего ей желать; если возврата к прежним границам, значит – к повторению и того, что сейчас происходит. А что придумаешь новое?.. Нет, лучше не думать! Тютчев говорит: «Счастлив тот, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Покорнейше благодарим! А наш потомок, которому придется неизмеримо солонее нашего, скажет: «Господи, из-за каких пустяков они волновались! Из-за бомб, от которых можно было спрятаться под землю. Из-за сумасшедшего, который испоганил только часть земли и только на десяток лет. А вот пожили бы в мое время, в его роковые минуты».

Это страшное пророчество сделано было в октябре 1941 года на осоргинском огорожке, неподалеку от кладбища Сент-Женевьев-де-Буа. В том самом запущенном садочке, куда мы и отправились удрученной толпой с кладбища, захоронив рядом с прахом Алексея Ильича и Эмилии Николаевны урну с прахом их прекрасной дочери Татьяны. «Прекрасной русской дамы», как всхлипывая, назвал ее в похоронной речи бородатый французский профессор, которого она после войны учила русскому в «Эколь нормаль де Сен-Клу»...

БАЛАШОВА-УШКОВА АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА, балерина Московских Императорских театров, 1887 – 1979

В 1921 году, когда эта божественная москвичка приехала в эмиграцию, ей поздно было начинать парижскую карьеру. И все же она еще танцевала – чаще на бесплатных благотворительных концертах. На жизнь она зарабатывала уроками: открыла свою балетную школу. Их было уже несколько в Париже. Не только французы, но и бедные русские посылали в них своих девочек: балерина – это была русская профессия (Дягилев успел убедить в этом Францию и весь мир). Нелегкая, конечно, профессия: открытая миру воздушность, скрытые от мира кровавые мозоли. Об этом, кстати, рассказала Франции одна из этих русских девочек, Людмила Черина – знаменитая парижская красавица-балерина, ставшая также знаменитой писательницей и знаменитой художницей...

БАРЖАНСКИЙ ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ, lieutenant, mort pour la France, 14.05.1913 – 9.06.1944

Лейтенант Иван Баржанский был расстрелян немцами в городке Каммюнай (Изер) в самом конце войны. Ему исполнился незадолго до этого 31 год.

Вот что рассказывает о смерти Ивана Баржанского бывший священник Русского дома о. Борис Старк: «Сын русского и крещеной еврейки, чрезвычайно духовно настроенной и преданной церкви, Ваня Баржанский служил во французской армии и во время оккупации оказался в оккупированной зоне. Служа под Парижем, он, как и вся эта часть французской армии, был под контролем немцев. Как-то раз ему было велено не то расстрелять, не то отправить в концлагерь группу евреев только за то, что они евреи. Ваня отказался, и когда его спросили, почему он сочувствует евреям, он сказал: «Я сам еврей!», и тут же был расстрелян. Мы очень любили этого честного парня и, как могли, старались поддержать его героически державшуюся мать. Впрочем, Господь сам помогал ей нести этот крест...».

Монахиня мать Иоанна Баржанская (матушка бедного Вани) закончила свои дни в маленьком православном монастыре Покрова Богородицы (на краю леса От в Бургундии) и достигла, по словам знавшего ее Н. А. Струве, «в последние годы поразительного просветления и бесстрастия».

Кн. БАРЯТИНСКИЙ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ, 20.12.1874 – 7.03.1941

Чем таким интересным можно заняться в Петербурге, если тебе девятнадцать, если ты князь, если род твой идет по прямой линии от Рюрика, брат твоего дедушки был наместником Кавказа, а сам ты только что окончил Петербургский морской кадетский корпус, принят в Гвардейский морской экипаж, и блистательная северная столица лежит у твоих ног?

Ну, конечно же, написать пьесу! Написать комедию из светской жизни, чтоб публика в зале рукоплескала и смеялась до упаду, актрисы обмирали при твоём появлении, рецензенты восхищались и бранились...

Именно так и поступил юный князь Барятинский, и дальше – пошло-поехало... Он писал статьи и рассказы о театре, печатался в самых больших газетах, сотрудничал в «Новом времени», издавал одно время собственную газету. Потом он женился на актрисе Лидии Яворской и открыл свой собственный театр, где поставлено было большинство его сатирических, а также исторических пьес.

Вспоминая клуб «Медный всадник» при театре Л. Б. Яворской и спектакль «На дне», поставленный в 1914 году в пользу землячества с участием нескольких писателей и самой Яворской, один из младших современников вспоминал о княгине:

«Какой шумный успех она имела, несмотря на свой простуженный, осипший голос! И какой ужасный конец ее ждал в подвале Ялтинской чрезвычайки, где ее расстреляли матросы за то, что она была в костюме сестры милосердия».

Князь уехал на Запад еще в начале Первой мировой войны и оказался в эмиграции, где ему пришлось нелегко. Но он работал, много писал, много печатался (хотя тогда, как и нынче, в эмигрантских газетах платили гроши). С 1928 по 1934 год в одних только парижских «Последних новостях» опубликовано было больше ста его рассказов и очерков, а ведь он написал еще и мемуарную книгу, печатался также в «Русской мысли», в «Иллюстрированной России», в «Мире и искусстве», в «Днях». И при этом у него оставались силы и время на развлечения и на общественную работу. В любопытнейшем газетном объявлении о вечере эмигрантского юмора (осень 1930 года) можно наткнуться (среди других известных всей эмиграции имен) и на фамилию неунывающего князя:

«Литературно-юмористический вечер Дон-Аминадо. Программа вечера: пьеса в трех действиях «Суд над русским Парижем» (эти судебные инсценировки были модным развлечением в городах русского рассеяния – в Праге, Берлине, Париже. – Б. Н.). В роли председательствующего – Н. В. Тесленко при членах суда М. А. Алданове и князе В. В. Барятинском, секретаре Н. Берберовой, защитнике Н. Ф. Балиеве, обвинителе Дон-Аминадо и гражданском истце французском адвокате г. Шарле Карабийере. Артист и режиссер Театра драмы и комедии А. А. Павлов исполняет роль судебного пристава».

Как видите, блистательный аристократ не унывал в скучном Париже 1930 года, не жаловался на судьбу, не ныл, не отчаивался и даже не склочничал... Именно эти редчайшие таланты отмечены были после его смерти в некрологе, опубликованном в 1942 году в самом первом номере нового американского журнала («Новый журнал»):

«Он никогда не жаловался, был всегда со всеми ровен и любезен, разговаривал о своих делах и занятиях почти неизменно в веселом тоне: ну что ж, пожил иначе, теперь живу так, не все ли равно?... Люди, его знавшие, ценили и талантливую натуру, и неизменное безупречное джентльменство этого старого барина».

БЕЗВЕРХИЙ (BEZWERKHY) Cornely, soldat, 100e reg. inf., 18.05.1912 – 4.06.1940, Meurthe et Moselle

В приказе по дивизии и по армии от 28.10.1943 о рядовом Корнелии Безверхом сказано так:

«Солдат храбрый и преданный. Смертельно ранен во время разведки 4 июня 1940 г. Награжден Военной Медалью и Военным Крестом с серебряной звездой».

Эту войну, которую Франция проиграла так быстро, здесь принято называть «странной» или даже «смешной» (*drole de guerre*). Сомневаюсь, чтобы эти игривые эпитеты приходили в голову семье и близким солдата Корнелия Безверхова.

**БЕК-СОФИЕВ МАКСИМИЛИАН
ОСКАРОВИЧ, 5.01.1906 – 5.11.1937. Замучен
на смерть в Колымских концлагерях
БЕК-СОФИЕВА (ур. КНОРРИНГ)
ИРИНА НИКОЛАЕВНА (Самарск.
губ., 13.05.1906 – Париж, 21.01.1943)**

Зачем меня девочкой глупой От страшной, родимой земли, От голода, тюрем и трупов,
В двадцатом году увезли!

Так сетовала в 1933 году 17-летняя парижская поэтесса Ирина Кнорринг (по мужу Бек-Софиева), чей мучительный эмигрантский путь начался в 1920-м: Туапсе, Симферополь, Севастополь, Бизерта (Тунис), Париж...

Надпись, сопровождающая над той же могилой имя ее молодого родственника – Максимилиана Бек-Софиева, чей труп остался на Колыме, словно бы отвечает на риторический вопрос поэтессы: «Замучен на смерть в Колымских концлагерях». Так что увезли маленькую Ирину, чтобы спасти ее от Колымы и от смерти. Однако увезли в том возрасте, когда решения взрослых больше не убеждают... И вот, как и все ее собратья по «незамеченному поколению», она снова и снова пишет в Париже о полузабытой и малознакомой стране счастливого детства, об идиллической усадьбе, о своей безысходной ностальгии и тоске (у Ирины усугубляемой еще чуть не с двадцатилетнего возраста тяжелой болезнью, рано сведшей ее в могилу).

Да и как было юной парижанке Ирине представить себе ту жизнь, отгороженную железным занавесом, те муки и те лагеря, и ту Колыму, если и жившему неподалеку от них, в «большой зоне», взрослому Б. Л. Пастернаку представить их себе (уже и в 1956-м) было не под силу (что ж тогда говорить о нынешних, все, похоже, забывших сталинистах-россиянах)? Прочитав еще не напечатанный пастернаковский роман, недавний лагерник, замечательный писатель Варлам Шаламов (я еще встречал его, вышедшего на волю, сильно пьющего, знающего нечто запредельное, в голицынской писательской богадельне по осени, когда там бывало дешевле) пытался хоть что-нибудь объяснить в письме великому собрату из мирного Переделкина: «Первый лагерь был открыт в 1924 году. Дело стало быстро расти, началась «перековка», Беломорканал, Потьма, затем Дмитлаг (Москва – Волга), где в одном только лагере (в Дмитлаге) было свыше 80 000 человек. Потом лагерям не стало счета: Севлаг, Севвостлаг, Сиблаг, Бамлаг... Заселено было густо. Белая, чуть синеватая мгла зимней 60-градусной ночи, оркестр серебряных труб, играющий туши перед мертвым строем арестантов. Желтый свет огромных, тонущих в белой мгле бензиновых факелов. Читают списки расстрелянных за невыполнение норм.

Беглец, которого поймали в тайге и застрелили оперативники. Отрубили ему обе кисти, чтобы не возить труп за несколько верст, а пальцы ведь надо печатать. А беглец поднялся и доплелся к утру к нашей избушке. Потом его застрелили окончательно...

Свитер шерстяной, домашний часто лежит на лавке и шевелится – так много в нем вшей.

Идет шеренга, в ряду люди сцеплены локтями, на спинах жестяные номера (вместо бубнового туза), конвой, собаки во множестве, через каждые 10 минут – ло-о-жись! Лежали подолгу в снегу, не поднимая голов, ожидая команды...

Тех, кто не может идти на работу, привязывают к волокушкам, и лошадь тащит их по дороге за 2 – 3 километра.

Ворот у отверстия штольни. Бревно, которым ворот вращают, и семь измученных обрванцев ходят по кругу вместо лошади. И у костра – конвоир. Чем не Египет?».

Я привел этот отрывок из письма, чтобы легче было понять эмигрантских довоенных и послевоенных «советофилов» (в их числе был и отец Ирины), «советизанов» и «сталинистов», которым такое представить было не по силам. Раз уж сам Пастернак... где уж было им, замороченным, униженным, измученным ностальгией по «силе» и «достоинству»?

И вот, будто судьба не оставляла им никакого выхода, – после смерти Ирины Кнорринг и окончания войны отец Ирины и ее муж, молодой, симпатичный, талантливый поэт Юрий Бек-Софиев, взяли советские паспорта и вернулись в Россию. Юрию повезло: в колымские лагеря, как бедный Максимилиан, он не попал. Но и в столицы их не пускали. Разрешили дожить в стране ссылки, в Казахстане. Работал Юрий в каком-то алма-атинском музее художником (невольнo приходит на память атмосфера «Хранителя древностей» Ю. Домбровского – этого писателя-зека я тоже встречал в Голицыне) и там при первой возможности издал стихи покойной жены. («Простые, хорошие и честные стихи», – отважно сказала Ахматова о стихах «опасной эмигрантки».)

В семье Бек-Софиевых до революции было много кадровых военных. Дед-артиллерист был один из немногих в российской армии офицеров-мусульман. Впрочем, ведь здесь, на кладбище, мало найдешь русских патриотов без примесей неславянской крови.

Гр. БЕЛЕВСКАЯ-ЖУКОВСКАЯ (урожд. княжна ТРУБЕЦКАЯ) МАРИЯ, 1.06.1870 – 20.03.1953

Урожденная княжна Трубецкая, Мария Белевская приходилась правнучкой поэту Василию Андреевичу Жуковскому. Историк моды Александр Васильев, сообщая об этом, объясняет, почему при выборе манекенщицы русский дом моды ТАО обратил свой взгляд на дочь графини Марии Белевской и графа Алексея Белевского юную графиню Марию Алексеевну Белевскую. Судя по рассказу А. Васильева, юная Мария-младшая попала там в компанию небогатую, но вполне элитарную: «Выбор Марии Белевской в качестве первой манекенщицы был безупречен. Стройная блондинка, тонкие черты, удивительная кожа фарфоровой белизны – лицо, напоминающее камню, она олицетворяла классический тип русской дворянской девушки. И немудрено, ведь в ее жилах текла поистине «голубая кровь»: дочь княжны Трубецкой и графа Белевского, Мария Алексеевна происходила из знатнейших семей старой России. По прямой линии она была праправнучкой поэта Жуковского (напомним о его турецкой крови, и о немецкой – его жены. – Б. Н.), а крестницей приходилась Великой княгине Елизавете Федоровне, сестре последней русской императрицы (тут уж вся «голубая кровь» – немецкая. – Б. Н.).

Примерки в этом ателье проводила Мария Митрофановна Анненкова, счета и бухгалтерию вела княгиня Любовь Петровна Оболенская (судя по соринскому портрету 1918 года, была она истинная красавица. – Б. Н.), а швейным производством заведовала княгиня Мария Сергеевна Трубецкая.

Поначалу Белевская не умела ходить, как положено манекенщицам, но ее научила этому мастерству княжна Мещерская, которая сама впоследствии стала известной манекенщицей.

...в доме ТАО работала приказчицей графиня Мусина-Пушкина. Сестра Марии Алексеевны также работала в ТАО (обратите внимание на дом 32 по авеню Опера – там размещался дом ТАО. – Б. Н.). Она занималась клиентками... Французский «Вог» поместил в февральском номере 1926 года овальную фотографию работы знаменитого Артура О'Нила. Позировала в платье от ТАО Мария Белевская: бледно-розовое вечернее шелковое платье с плиссированными вставками... Оно производило ошеломляющее впечатление на вечерах эпохи джаза».

БЕЛЛИН ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ, 1/14.01.1920 – 21.08.1988

Владимир Викторович Беллин родился в семье врача из Ростова-на-Дону, родился под Новый год. Год был из числа «окаянных» (по выражению Бунина). Семимесячным младенцем В. В. Беллина увезли в эмиграцию, в Константинополь – так начались странствия семьи. Потом были пирамиды Египта, живописный берег Женевского озера, США, Франция. В Женеве докторский сын В. В. Беллин изучал медицину, но курса ему окончить не удалось. В американском университете он получил диплом филолога и преподавал литературу во французском лицее в... Каире: эмигрантская судьба. В Египте он занимался русским скаутским движением. В 1956 году Беллин перебрался в Ниццу, а в 1958-м – в Париж, и здесь сбылась давняя мечта: он пригодился и медицине, и России. Сперва работал в больших фармакологических фирмах, торговавших лекарствами, а потом стал торговым представителем фирмы «Медтроник», производившей кардиостимуляторы. Вот тут-то он и начал ездить по делам фирмы в Москву, где продукция «Медтроника» была нарасхват. Имя его было тогда известно в медицинских кругах Москвы, и мы как-то даже спорили с моим другом, профессором-кардиологом Виктором Николаевичем Орловым, о том, сколько «л» надо писать в его фамилии. Теперь-то я знаю, что два, но поделиться мне этим открытием не с кем: Виктор Николаевич давно похоронен под Москвой, а Владимир Викторович – под Парижем...

БЕЛЯЕВ БОРИС НИКОЛАЕВИЧ, доктор медицины, 10.07.1880 – 15.05.1956

До революции многие врачи писали прозу. В эмиграции стихи и прозу писали все. Как же было не писать прозу эмигрантскому доктору Б. Н. Беляеву? В 1938 году он выпустил (под псевдонимом Щербинский) роман «Post-scriptum» чуть не в полтыщи страниц. На роман откликнулся в самой популярной газете («Последние новости») самый популярный и престижный тогдашний критик (Г. Адамович).

БЕННИГСЕН АДАМ ПАВЛОВИЧ, 27.06.1882 – 16.11.1946

БЕННИГСЕН АЛЕКСАНДР АДАМОВИЧ, Croix de guerre 1940 – 1945, medaille de la Resistance, 20.03.1913 – 3.06.1988

Участник французского сопротивления, награжденный Военным крестом и медалью Сопротивления, граф Александр Беннигсен закончил минувшую войну в чине капитана. Он родился в Петербурге, был увезен из Новороссийска в шестилетнем возрасте отцом графом Адамом Павловичем Беннигсеном и матерью, графиней Феофанией Владимировной Беннигсен (урожд. Хвольсон), жил в Турции, потом в Эстонии и, наконец, во Франции. Был он историк, профессор, специалист по русско-тюркской истории и истории ислама, преподавал в Школе высших штудий в Париже, читал лекции в Чикагском университете, незадолго до смерти издал в Париже на русском языке книгу о мусульманах в СССР.

Отец проф. Беннигсена граф Адам Павлович Беннигсен жил в западном пригороде Парижа и принимал деятельное участие в добрых делах Аньерского прихода. В 1932 году граф был казначеем прихода и, как многие, подвергал себя «самообложению». В 1933 году он был выбран товарищем председателя приходского совета. В приходском юбилейном сборнике о гр. Адаме Беннигсене, умершем в 1946 году, сказано так:

«Память о нем всегда сохранится в истории прихода – он был один из первых... воодушевивших русских людей, живших в Аньере... и вложивших много труда, забот и любви в дело организации прихода».

Один из прихожан, князь Л. Чавчавадзе вспоминает зиму 1931 года, когда прихожане оборудовали свою церковь: «Гр. Беннигсен писал иконы, расписал иконостас... помогали ему его сыновья, а жена его шила облачение на престол и аналои, вышивала бисером хоругви, небольшая их квартира превратилась в настоящую мастерскую, где до глубокой ночи кипела работа».

Жене графа графине Феофании Беннигсен было в ту пору чуть больше сорока лет, и была она, по свидетельству Н. А. Кривошеиной, очень хороша собой: «...я встретила приятных людей, которых знала мало, они были порядочно старше нас: Адам Беннигсен и его красавица жена Фанни».

Феофания Беннигсен была и впрямь лет на восемь старше Нины Кривошеиной, которой было тогда – в пору ее прихода к «младороссам» – уже 35 лет. Ощущение своего и чужого возраста – оно ведь внутри нас.

**БЕНУА АЛЬБЕРТ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
11.06.1888 – 13.08.1960
БЕНУА (ур. НОВИНСКАЯ) МАРГАРИТА
АЛЕКСАНДРОВНА (1891 – 1974)**

А. А. Бенуа, архитектор, художник, родственник прославленного художника и искусствоведа Александра Бенуа, был автором проекта храма Успения на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, о чем высокопреосвященный митрополит Евлогий сообщал так: «Самое дело построения храма, план его и осуществление было поручено художнику-архитектору Альберту А. Бенуа, который построил храм-памятник на могилах русских воинов на кладбище в Saint-Hilaire-le-Grand (близ Мурмелона). Архитектор Бенуа – замечательный человек не только как художник, но и как нравственная личность: скромный до застенчивости, бескорыстный, самоотверженный труженик, он совершенно безвозмездно отдает св. Церкви свой огромный труд. Храм в S-te Genevieve он спроектировал в новгородском стиле XV и начала XVI века. Это было и очень красиво, и идейно связывало нас с Матерью Родиной – св. Русью.

...Постройка... шла очень быстро... Роспись храма взял на себя тоже художник-архитектор А. А. Бенуа. Он начал свою работу в марте 1939 года и безвозмездно трудился над этим делом вместе со своею женою. Бедная женщина едва не погибла, поскользнувшись на неустойчивой лестнице...».

М. А. Бенуа уцелела и, хвала Господу, прожила еще добрых 35 лет. Многие надгробные памятники на том кладбище тоже спроектированы А. Бенуа. Сами супруги Бенуа похоронены в крипте храма Успения.

БЕРНАРДИ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ, 12.08.1867 – 23.11.1943

Композитор и музыкант Александр Бернарди родился в интеллигентной и музыкальной семье в прекрасном городе Одессе, одном из самых музыкальных городов России, и был дирижером в одном из самых красивых оперных театров мира – в Одесском театре, который одесситы со свойственной им скромностью сравнивают с миланским «Ла Скала» (на самом деле одесский гораздо шикарнее). Позднее Александр Александрович жил в Москве и работал в частной опере Мамонтова (в те времена русские миллионеры щедро тратили деньги на искусство). С 1913 года А. А. Бернарди жил и преподавал музыку в Париже (среди прочих учебных заведений – в Русской консерватории им. С. В. Рахманинова).

Из тех музыкальных произведений А. Бернарди, что были опубликованы, наиболее известны его сюита «Кружевной век», мелодии для арфы и «Вариации на тему Янки Дудль».

БИБИКОВ ВАЛЕРИАН НИКОЛАЕВИЧ, 5.08.1891 – 10.11.1950

Валериан Николаевич Бибииков был сыном кавалерийского генерала Николая Валериановича Бибиикова. Сам он тоже был до революции офицером конной гвардии, а женат был на графине Софье Михайловне Толстой. Перечитывая интереснейший дневник, который на протяжении всей войны вела в Берлине княжна Мария (Мисси) Васильчикова (он вышел не так давно и в России), я наткнулся на запись 1943 года: «*Воскресенье, 10 октября*. Большую часть дня ожидала звонка дяди Валериана Бибиикова – пожилого родственника из Парижа, который в начале русской кампании пошел добровольцем в немецкий флот в качестве переводчика. Думал ли он тогда, во что ввязывается! Сейчас он едет к себе в Париж в отпуск. Я собиралась дать ему письма: одно для Джорджи, другое от Филиппа де Вандевра. Филипп настаивал, чтобы я прочла его письмо, а я вначале отказывалась. Но когда он ушел, я прочла. Какой ужас! Оказалось, что это подробный отчет, направляемый архиепископу Муленскому участником Сопротивления – священником, работающим в немецком концлагере. Я пережила ужасные муки совести: с одной стороны, нельзя подводить Филиппа, а с другой – понятно, чем это может кончиться для бедного Валериана. В конце концов я положила все это в запечатанный конверт, адресованный Джорджи, с просьбой, чтобы он сам отправил это письмо из Парижа в Мулен, и вручила Валериану сей прощальный подарочек. До самого его ухода мы топили наши горести в водке. Молюсь, чтобы все прошло хорошо».

Судя по тому, что «пожилой» дядя Валериан Бибииков прожил после этого еще семь лет, какие-то из напастей его все же обошли. Об этом, впрочем, свидетельствует и комментарий к приведенной выше дневниковой записи, сделанный братом княжны Васильчиковой Георгием (Джорджи): «Письмо благополучно достигло Джорджи, и тот переправил его адресату. Автор письма, аббат Жирардэ, погиб». Боже, сколько смертей угрожало человеку в наш страшный век... Но зато выжил Филипп де Вандевр, и стал после войны одним из адъютантов де Голля...

Послевоенной судьбе дяди Валериана Бибиикова посвятила целую страницу другая его племянница-мемуаристка Татьяна де Меттерних в своей книге «Татьяна. Дама с пятью паспортами»:

«Валериан Бибииков работал шофером туристического автобуса, и он нам рассказывал, как неприятно чувствовать, что тридцать пар глаз с недоверием сверлят твою спину. Летом он водил по Европе лимузин с туристами, и эта работа была ему больше по душе. Последними его клиентами в то лето была пара богатых нуворишей из Южной Америки. Доставив их в их отель в Австрии, он пошел повидаться с находившимся там испанским королем Альфонсом XIII, который был почетным командиром того самого гвардейского полка, в котором служил Бибииков. Случалось, что дядины клиенты тоже изъявляли желание принять участие в подобных встречах и даже обижались, что их не приглашают пойти. «Понимаешь, но они не из тех людей, с которыми интересно было бы встретиться», – говорил мне Валериан с чувством вины, потому что эти богачи были к нему добры и он вовсе не хотел их обидеть.

Он был лысый, на его выразительном лице легко было прочесть все его чувства и мысли. Его юмор и его острое чувство человечности не могли не оценить даже его товарищи-шоферы из коммунистического профсоюза СЖТ. Он пускался с ними в бурные политические споры, нисколько не думая о последствиях, которые могли быть для него неприятными. Но обычно все кончалось снисходительным и вполне дружелюбным возгласом: «Ох, уж этот старина Биби»...».

**БОБРИКОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ,
полковник лейб-гвардии Конного полка
Генерального штаба, 2.08.1882 – 2.02.1956
БОБРИКОВА (ур. ФРОЛОВА) ЕКАТЕРИНА
НИКОЛАЕВНА, 2.04.1885 – 4.06.1966**

Думал ли Генерального штаба полковник Н. Н. Бобриков, чьи родственники гордо красуются на пышном полотне Репина «Торжественное заседание Государственного совета», – думал ли он, что ему придется подписывать контракт с домом моды «Ланвен», да еще и не за себя, а за свою 17-летнюю дочь Катерину, чьим крестным отцом был сам государь император? Но делать было нечего, жить было в Париже не на что – подписал... Об этом эпизоде его жизни 70 лет спустя не без юмора рассказала историку моды Александру Васильеву дочь Н. Н. Бобрикова Екатерина Бобрикова, знаменитая парижская манекенщица 20 – 30-х годов: «Я пошла искать работу через моего дядю Алексея Николаевича Фролова, бывшего в России губернатором. Его гувернер-француз стал в Париже директором магазина. Я пришла к нему, и он мне сказал: «Девочка моя, я знал Вашу маму в России» – и посоветовал пойти в *maison de couture*. В то время самыми лучшими домами моды считались «Ланвен» и «Вионне». Дом «Вионне» мне очень понравился. Мужем хозяйки был русский эмигрант Нечволодов, сын генерала... Но я пошла тогда в «Ланвен»... Когда я пришла в «Ланвен», то думала, что получу место приказчицы за 400 франков в месяц. Но одна из работниц спросила меня: «Почему бы Вам не попробовать стать манекеном?». Мне было тогда 17 лет, и я не знала, что это такое... В «Ланвен» мне сказали, что надо надеть платья в примерочной кабине и показать их на себе. А когда мне сказали, что зарплата у «манекенов» до 2000 франков в месяц, то я сразу решила примерить платье. Какая-то старушка, которая и была мадам Ланвен, посмотрела на меня и сказала: «Я Вас ангажирую с четверга».

Я вернулась домой и сказала родителям, что меня приняли в «Ланвен». Они сначала были рады, что я нашла место и начну работать, но когда узнали, что меня взяли «манекеном», то мама страшно разволновалась: «Тебе только 17 лет, как ты можешь? Ведь это неприлично!». И с этими словами она заперла меня в комнате на ключ. Но так как дома было нечего есть, она меня выпустила. Мой первый контракт с «Ланвен» от 6 мая 1927 года подписывал мой папа Николай Николаевич Бобриков (1882 – 1956), бывший полковник лейб-гвардии. У «Ланвен» было тогда 24 манекена, из них четверо русские... начальницей кабины манекенщиц работала одно время княгиня Тенишева...».

Историк моды А. Васильев напоминает, что платья, которые демонстрировала Тея (Екатерина) Бобрикова, покупали прославленная Пола Негри и великая Лилиан Гиш. Может, именно это и примирило бывшего полковника лейб-гвардии и его супругу со странной профессией юной императорской крестницы. Так или иначе, выбора у них не было.

Гр. БОБРИНСКИЙ ПЕТР АНДРЕЕВИЧ, 15.11.1893 – 24.08.1962

До войны граф Бобринский участвовал в возникшем в 1923 году в эмиграции движении «Молодая Россия», переименованном в 1925 году в «Союз младороссов». Бобринские ведут свой род от самой любвеобильной императрицы Екатерины II и Григория Орлова, но ведь граф Петр Андреевич был у «младороссов» не единственный аристократ из поколения «эмигрантских детей»: там были и Воронцовы-Вельяминовы, и Оболенские, и даже сын великого князя Андрея Владимировича и балерины Кшесинской (Вова). Да и сам младоросский «глава» Александр Казем-Бек был из обрусевшей аристократической семьи. «Эмигрантские дети» бунтовали против «отсталых отцов», звали соединить монархию с Советами («Царь и Советы»), а в начале 30-х годов увлеклись идеями фашизма («глава» даже вел переговоры с русской нацистской партией РОНД в Германии, с итальянскими фашистами и национал-социалистами). Впоследствии «русские мальчики» сумели убедиться, что им не по пути ни с фашистами, ни с коммунистами, но иным для этого пришлось отведать немецких или советских лагерей. Было бы даже странно, если бы всемогущая советская Организация (в обиходе просто «органы») не попыталась этих новых поклонников Советов приставить к настоящему делу, так что в 1937 году после встречи «главы» Казем-Бека с советским эмиссаром гр. Игнатьевым в эмигрантском Париже разразился скандал, и движение пошло на убыль. Сам незаурядный «глава» после бегства в Испанию и долгого пребывания в Америке вполне загадочным путем переместился через Швейцарию в Москву и осел где-то в недрах международного отдела Московской патриархии.

В 1938 году активный масон П. А. Бобринский входил в масонскую группу «Лицом к России», члены которой надеялись на свержение большевизма «демократическим путем» (а порой и вообще не настаивали на его свержении, веря, что большевизм так гуманизировался, что можно переводить в «свободную Россию» тайные масонские ложи). До старости П. А. Бобринский занимал офицерские должности в масонской ложе «Гамаюн», а после войны – пост великого командора Русского особого совета 33-й степени...

В годы войны П. А. Бобринский по-дружески навещал бедную соратницу по младоросскому движению Н. А. Кривошеину, муж которой томился в нацистском лагере, и в своих мемуарах она оставила несколько слов о нем: «Изредка вечером заходил ко мне посидеть наш друг Петр Андреевич Бобринский – всегда ласковый, с мягким голосом, тихими манерами, один из самых очаровательных эмигрантов нашего поколения».

Позднее гр. П. А. Бобринский, возможно, избавился от заблуждений молодости и сотрудничал во вполне антисоветском «Вестнике РСХД» (Русского Студенческого Христианского движения).

После смерти графа его вдова Мария Юрьевна Бобринская (урожденная княжна Трубецкая) издала сборник стихов Петра Андреевича с обложкой Александра Серебрякова и с предисловием самого влиятельного из тогдашних литературных критиков – Георгия Адамовича.

БОЙКО ФАДДЕЙ АНТОНОВИЧ, капитан, 21.08.1894 – 1.06.1984

Капитан Бойко прошел с дроздовцами и генералом Дроздовским по полям Гражданской войны, потом, как многие, через Константинополь добрался до Парижа. Впереди у него было еще больше 60 лет жизни, и он щедро употребил их на дела добрые – на помощь братьям-эмигрантам, эмигрантским детям, старикам, бывшим товарищам по оружию. Самое это кладбище Сент-Женевьев, на котором он похоронен, оборудовано было его трудами, как и старческий дом «Дрозды», да и за работами по реставрации русского кафедрального собора на рю Дарю наблюдал тоже Фаддей Антонович – в общем, не без пользы для ближнего прожил на свете свои 90 лет бывший крымчанин, потом одесский курсант-артиллерист, потом штабс-капитан-дрозовец, позднее – константинопольский беженец и русский эмигрант – парижанин Фаддей Бойко.

БОГАЕВСКИЙ АФРИКАН ПЕТРОВИЧ, атаман В. В. Д., генерал-лейтенант, 27.12.1872 – 21.10.1934

Будущий генерал-лейтенант А. П. Богаевский родился в казачьей станице Каменской близ Ростова-на-Дону. В феврале 1918 года он был выбран атаманом казачьего Великого Войска Донского, а в 1920-м стал правителем Юга России. В том же году ему пришлось эмигрировать в Константинополь, откуда в 1922 году он перебрался в Белград, а в 1923-м – в Париж, где сотрудничал с Русским Обще-Воинским Союзом (РОВС). Умер он в 1934 году своей смертью, избежав судьбы таких руководителей РОВС, как генералы Кутепов и Миллер, похищенные и убитые ГПУ.

БОЛГОВ АНАТОЛИЙ, Volontaire, aspirant a la 2e D. B., 9e cie, 3 R. M. T., 10.08.1926 – 4.05.1945. tombe au champs d’honneur pres de Berchtesgaden, Baviere.

Как сообщает французская надпись, восемнадцатилетний доброволец-юнкер Анатолий Алексеевич Болгов пал на поле чести в Баварии за четыре дня до окончания войны. Он присоединился к французскому Сопротивлению семнадцати лет от роду, был среди тех, кто брал штурмом парижскую мэрию, а потом ушел дальше в рядах 2-й Бронетанковой дивизии генерала Леклерка, вероятно, единственной французской дивизии, спасавшей честь Франции на ее полях в ту пору... В блистательный весенний день 4 мая, накануне Победы, юный Анатолий Болгов попал в эсэсовскую засаду и был убит.

Он был награжден посмертно Военным крестом с пальмой и Военной медалью. Ему не было девятнадцати лет...

Безутешные родители Анатолия поначалу устроили нечто вроде его могилы с землей и крестом у себя дома, в квартире...

БОРОВСКИЙ КОНСТАНТИН, lieutenant 21e R. M. E. V. C. A., 22.05.1896 – Marne, 14.06.1940

Лейтенант Константин Константинович Боровский погиб на Марне, в Сент-Менегульде. Ему довелось воевать еще в Первую мировую войну в рядах лейб-гвардии Павловского полка, где он показал себя доблестным офицером. В начале Второй мировой войны он прошел экзамены во французской военной школе, был произведен в лейтенанты резерва и зачислен во второй батальон 21-го полка. Вот что сообщает о К. К. Боровском составленная Содружеством резервистов французской армии русская Памятка, которую подарил мне кавалер деголлевского ордена Освобождения князь Николай Васильевич Вырубов: «Во время пребывания на позиции он неизменно проявлял большую выдержку, спокойствие и заботу о людях. С 7 по 11 июня вызвался вне очереди идти со своим взводом на передовую линию. По личному почину произвел ночную разведку и выяснил расположение немецкого охранения. В бою 9 июня проявил редкую решительность... Атака немцев была отбита главным образом благодаря прекрасному действию его пулеметов. На рассвете 11 июня, когда запыхавшийся солдат связи прибежал и сообщил... что другие части уже ушли и что немцы окружают, Боровский отказался покинуть позицию впредь до получения письменного приказа... 14 июня, в бою под Сент-Менегульд, Боровский доблестно погиб на поле чести, пытаясь спасти свой пулемет от нападавших немцев. Награжден (посмертно) Военным крестом».

**БОЛОТОВ ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
3.12.1895 – 26.06.1956**
**БОЛОТОВА (урожд. княжна ОБОЛЕНСКАЯ, в
первом браке княгиня ШАХОВСКАЯ) САЛОМИЯ
АЛЕКСАНДРОВНА, 26.11.1902 – 17.10.1973**

В прошлом капитан лейб-гвардии саперного полка, после Второй мировой войны Евгений Владимирович женился на прелестной княгине Саломии Александровне Шаховской (урожденной Оболенской).

Как и ее сестра Нина, юная Саломия (по-домашнему – Мия) Оболенская была в 20-е годы модной манекенщицей (тогда в моде были брюнетки), работала в доме «Поль Каре», а позднее – в доме «Шанталь». В 1923 году она вышла замуж за князя В. И. Шаховского, но не оставила карьеры манекенщицы. Одна из ее сотрудниц рассказала историку моды А. Васильеву: «Княгиня Шаховская считалась большой звездой и всегда показывала подвенечные платья, которыми обычно заканчиваются коллекции...». И по справедливости: кому ж демонстрировать подвенечные платья, как не носительнице таких двух титулов, Шаховской-Оболенской?

Только ведь простое женское счастье не всегда льнет к титулу... В 30-е годы в моду в Европе снова вошли блондинки, и карьера двух брюнеток – сестер Оболенских, как сообщает историк А. Васильев, пошла на убыль. Мия разошлась с кн. Шаховским, а 46 лет от роду вышла замуж за Е. В. Болотова.

**БОТКИН СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ,
29.06.1869 – 22.04.1945**

В конце Гражданской войны и эвакуации Сергей Дмитриевич Боткин представлял при германском правительстве Конференцию послов.

**БОТКИНА (урожд. княжна ОБОЛЕНСКАЯ)
ЕКАТЕРИНА А., 1850 – 1929**

Супруга знаменитого врача, Сергея Петровича Боткина, профессора Медицинской академии и личного медика императора Александра II и Александра III Екатерина Боткина была родной сестрой Владимира Андреевича Оболенского.

**БУЛАЦЕЛЬ ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ, 4-го уланского Харьковского полка
ротмистр, 19.07.1885 – 8.01.1959**
**БУЛАЦЕЛЬ ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ, штаб-ротмистр
9-го Гусарского полка, 23.08.1894 – 13.02.1956**
**БУЛАЦЕЛЬ ЛЕВ ИППОЛИТОВИЧ,
полковник, 1876 – 1951**

Все Булацели были дворяне-воины, все были не робкого десятка. Но настоящий страх довелось познать лишь брату ротмистра Ильи Булацеля Сергею Булацелю. Этот бывший «младоросс» был выслан за свою просоветскую деятельность из Франции в 1947 году и добрался в СССР. Его поселили в Казани, и вот тут он познал леденящий страх, описанный многострадальным Осипом Мандельштамом: «... всю ночь жду гостей дорогих, шевеля кандалами цепочек дверных». Многолетнее ожидание ареста и «дорогих гостей» из НКВД не прошло даром. Когда «рыжий мясник» Сталин ушел в мир иной, Сергей Булацель вдруг сошел с ума...

Кто мог догадаться, что именно этот невинный ангел Леночка, стоящая на нашей фотографии за надежным папиным коленом, и приведет кузена Сережу Булацеля к началу его крестного пути. Но вот она сама вспоминает, как было весело в юности в младоросском пансионе фашиствующих легитимистов-монархистов, как все было мило:

«Движение младороссов расшевелило молодых русских, которым особенно и не было чем заняться. Жизнь у нас была серая. Я была совсем молоденькая. Я была очень увлечена движением, мы все были очень увлечены Казем-Беком. Это был организатор и вдохновитель. Он умел найти себе помощников, которые бы пропагандировали его и его деятельность. Меня привлек в Союз Владимир Авьерино, который вербовал по большей части молоденьких девушек. Это было движение процветающее, здоровое и симпатичное, конечно, наивное.

Семья моя приехала в 1923 году, с пустыми руками, жили в маленьких меблирашках. Я уговорила родителей переехать загород, к Казем-Бекам. Светлана (супруга Казем-Бека – Б. Н.) и ее сестра держали пансион. Нас собиравлось за овальным столом на обед человек двадцать. Александр был так поглощен своей деятельностью, что его мы видели не часто, собственно, мы и принадлежали к разным поколениям. Он держался особняком среди молодых.

По воскресеньям мы все шли на поезд и ехали на рю Дарю (в тамошней Маленькой России, близ улицы Фобур-Сент-Оноре и парка Монсо находился русский кафедральный собор Александра Невского – Б. Н.). У нас даже не хватало денег на борщ в ресторане, только на пирожок...

Светлана Казем-Бек устраивала церемонию «представления Императрице». Она проходила в парижском отеле Лотти. Она научила нас делать придворный реверанс. Когда я рассказывала родителям, что меня представили императрице, они надо мной подшучивали. В день презентации мы выходили одна за другой. Великая княгиня Виктория (супруга объявившего себя императором великого князя Кирилла Владимировича – Б. Н.) восседала в кресле, и она нам протягивала руку, которую мы целовали. Светлана говорила: «Ваше Императорское Величество, разрешите Вам представить Елену Булацель»...

Я сперва работала в банке Ллойд, где зарабатывала 400 франков в месяц, а потом 650. Я занималась теннисом в Английском Клубе. В моей жизни только и были Английский Клуб

и Младороссы. Через полтора года родителям моим все это надоело, и мы сняли квартиру. А все это время мы продолжали встречаться с Казем-Бекем, на Рождество и главное – за пасхальным столом.

Потом я стала манекенщицей у Мадлен Вионне и стала зарабатывать больше, чем отец. Поначалу я зарабатывала 1300 франков, в два раза больше, чем в банке. Мы приобрели снобизм. Мы ходили на бал в «Кларидж». Девочки работали в домах моды. Мальчики одевали по вечерам смокинги. Мы много веселились и танцевали до безумия.

А к году 1930 это я привела своего кузена Сержа Булацеля к младороссам».

Чем это кончилось, Вы уже знаете...

БУЛГАКОВ НИКОЛАЙ АФАНАСЬЕВИЧ, врач, 1898 – 1966

Доктор Булгаков родился в Киеве в семье профессора Духовной академии и жил на Андреевском спуске, в том самом доме, который в 60-е годы стал самым знаменитым среди приезжих москвичей домом украинской столицы, потому что и этот дом, и Николай Афанасьевич Булгаков (Николка) воскресли в ту пору для нас в романе «Белая гвардия», написанном еще до войны родным братом Н. А. Булгакова писателем Михаилом Булгаковым. Николай Афанасьевич после юнкерского инженерного училища воевал против большевиков в Белой армии, потом добрался через Крым в Югославию, учился в Загребе, занимался наукой, преподавал бактериологию в Мексике (читал лекции по-испански и по-французски). Потом он был врачом в Париже и, как и многие русские врачи, часто лечил своих бедных соотечественников бесплатно... Его брат-писатель очень хотел съездить во Францию и даже просил личного разрешения на это у поклонника своей драматургии диктатора Сталина. Но диктатор, несмотря на все клятвы Булгакова вернуться из-за границы домой, разрешения на поездку не дал, так как понимал, что не всякий нормальный человек из такой поездки вернется. А до «оттепельных» времен, до своей международной славы и даже до смерти тирана Михаил Афанасьевич не дожил – так что братья после гражданской войны больше не увиделись...

Николаю Афанасьевичу пришлось посидеть при немцах в лагере. После войны он работал в Пастеровском институте (там и до него немало трудилось русских ученых), был видным бактериологом.

В первые годы моей жизни во Франции, завидев человека с этой фамилией или эту фамилию (скажем, на вывеске магазина в Модане), я тут же спрашивал: «Не из тех ли Вы Булгаковых?». И только сравнительно недавно услышал от приходской библиотечарши в Ницце желанный ответ: «Из тех». Отец Нины Владимировны приходился двоюродным братом профессору Афанасию Булгакову...

А уж эту безмолвную могилу «Николки» я посещал не раз...

БУЛГАКОВ СЕРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ, протоиерей, 16/28.07.1871 – 30.06/13.07.1944

...Мне вспомнилось, как вскоре после моего приезда во Францию Татьяна Алексеевна Осоргина-Бакунина показала мне только что выпущенную Славянским институтом «Библиографию трудов о. Сергия Булгакова». Том был внушительный, ибо над чем только не работал этот замечательный богослов, философ, экономист, искусствовед, литературный критик, проповедник, о чем он только не писал – начиная с первой своей книги «О рынках при капиталистическом производстве», которую молодой приват-доцент кафедры политэкономии и статистики Московского университета выпустил 26 лет от роду и которая заслужила похвалу некоего Ульянова (по кличке Ленин). Так ведь Сергей Булгаков был тогда и сам «легальный марксист», яростный поклонник Маркса, состоявший в «нежной переписке» с самим Плехановым.

Но развитие и эволюция Булгакова совершаются быстро, разочарование в Западе обращает его к неославянофильству, а главное, происходит его возвращение в православную церковь – теперь уж до конца его дней. Возвращение его идет через анализ русской литературы и мысли: Булгаков пишет о Герцене, о Достоевском, о Владимире Соловьеве, позднее о Чехове, о Льве Шестове, о Толстом, о Пушкине... Булгаков разрабатывает целую программу борьбы за гражданские свободы под знаменем христианства и в конце концов совместно с П. Б. Струве и другими формулирует это направление в названии общего собрания статей – «От марксизма к идеализму». Еще позднее он разрабатывает свою философскую и богословскую систему, пишет о философии хозяйства, о философии имени, о философии творчества, о Софии-Мудрости, о красоте...

...Татьяна Алексеевна, видя, с каким удивлением листаю я каталог, улыбнулась и сказала: «Недаром же Ленин велел его выслать...».

Отец Сергей Булгаков был выслан из России вместе с мужем Татьяны Алексеевны писателем Осоргиным, вместе с философами Бердяевым, Франком, Вышеславцевым, Ильиным, Трубецким, вместе с экономистами, кооператорами, математиками, писателями... Ленин предложил им в 1922 году на выбор – смерть или вечное изгнание. Что еще предлагали изгнанникам сотрудники Ленина, нам пока не известно... Позднее таким, как они, уже никакого выбора не предлагали: просто убивали всех, кто был выше, чище, талантливей, грамотнее других...

Кладбище Сент-Женевьев, приютившее гениев России, – свидетель гигантской русской катастрофы, беспримерного кровопускания, «интеллектуальных чисток», «генетической негативной селекции». Но отчего же Ленин хотел после захвата власти изгнать всех лучших людей из России? Он, что, не желал блага стране? Разгадка в самом этом слове – «власть». Он боялся за свою власть, опасался конкуренции, а оттого не терпел свободной мысли, не терпел всех этих «умников», которые и думали сами, и учились больше, чем он, недоучка, и писали лучше, и пользовались авторитетом среди ученых... Он хотел абсолютной власти, диктатуры. А благо народа и прочие интеллигентские штучки... Как все властолюбивые недоучки, он ведь люто ненавидел интеллигенцию и никогда не скрывал этого...

На счастье, тогда, в 1922 году, этих умников все же не убили (хотя убивали ни за что ни про что уже и в 1921-м, как Гумилева, Таганцева, а то и еще раньше). С этих же только взяли расписку в том, что они никогда не вернуться на родину (может, впрочем, и еще в чем-нибудь взяли расписки), и посадили их на два парохода, ушедших в Германию...

В эмиграции отец Сергей Булгаков (он принял сан священника еще в июне 1918 года) участвует в создании русского Богословского института, что на Сергиевском подворье в

Париже, и на протяжении многих лет фактически возглавляет преподавание в нем. Он много пишет и создает, по существу, свою собственную философскую систему. Он становится одним из организаторов Русского студенческого христианского движения, вдохновителем и воспитателем эмигрантской молодежи, ее наставником, духовником. Это была великая пора эмигрантского религиозного ренессанса и русского православия, освобожденного от государственного диктата, открытого самым благородным идеям мирового христианства, идеям всемирного христианского братства, свободного от келейности и провинциальной ксенофобии. Отец Сергей становится одним из первых русских вождей экуменического движения...

Как Вы, наверное, поняли, этот человек был громадным явлением в русской эмиграции. О нем написано много, и что успеет мы вспомнить на нашей кладбищенской прогулке? Он и сам ведь написал многие сотни страниц не только научной, но и вполне интимной, как говорят – «исповедальной», прозы...

БУЛЮБАШ (BOULUBACH) ВЛАДИМИР, lieutenant 1er R. E. C., 19.09.1910 – Alsace, 28.11.1944

Лейтенант Владимир Булюбаш служил в Иностранном легионе, был убит на Верхнем Рейне, в Эльзасе, в Бишвиллере. В посмертном приказе по армии о нем было сказано:

«Командир отряда легких танков, исключительной храбрости, вызывающий восхищение всех... 27 ноября 1944 года принял решающее участие в разведке у Аммершвира (Эльзас), где он командовал двумя танками, из коих тот, на котором он находился, был подбит огнем противника. 28 ноября, вызвавшись добровольцем командовать взводом для прикрытия фланга разведотряда, взял пленных. Узнав, что поблизости находится немецкий командный пост, он атаковал его и погиб смертью храбрых в тот момент, когда его отряд уже уничтожил часть противника и его сооружения, обратив остальных в бегство. Останется для 1-го кавалерийского полка Иностранного Легиона образцовым военачальником».

**БУРЫШКИН-ВИЛЬЯМС BOURYSCHKINE-
WILLIAMS Val., colonel, Medal of Freedom with
Gold Palm, King George Medal for Meritorious
Service, Croix de la guerre avec palme, Medaille
de la Resistance, chevalier de la Legion
d'Honneur, Medaille des Evades, 1913 – 1968**

Герой Сопротивления и кавалер многих высоких наград (медали Свободы с золотой пальмой, Военного креста с пальмой, английской медали Короля Георга, ордена Почетного легиона, медали Беглеца и др.) полковник Бурышкин-Вильямс был сыном знаменитого московского промышленника Павла Афанасьевича Бурышкина, представителя промышленников при Временном правительстве, политического деятеля, близкого к левым кадетам, масона, министра финансов в правительстве Колчака. П. А. Бурышкин активно участвовал в политической жизни русского зарубежья, а в 1954 году издал в нью-йоркском издательстве им. Чехова воспоминания о купеческой Москве («Москва купеческая»), переизданные в 1991 году на родине.

БУНИН ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ, 1870 – 1953

Одна из самых дорогих для русского паломника могил на этом кладбище – могила прозаика, поэта, переводчика Ивана Бунина...

Многие десятилетия он думал о смерти, боялся ее, опасался, что сразу после смерти его забудут. Смерть пришла неотвратимо 9 ноября 1953 года, но забвение не наступило. Впрочем, надо признать, что слава его до сих пор – только слава русская, даже во Франции, где он жил, он почти не известен...

В России же Бунин еще и до революции обрел широкую известность и успел написать прекрасные стихи, повесть «Деревня», рассказ «Господин из Сан-Франциско», перевести «Песнь о Гайавате» Лонгфелло, дважды удостоиться Пушкинской премии Петербургской академии наук, быть избранным в почетные члены этой Академии, объездить весь мир, а в 1906 году встретить свою будущую жену Веру Муромцеву... До революции он, как и многие, пророчил разлив «огненной реки» российской катастрофы, а позднее описал в одесском дневнике 1918 года разгул новой власти, дав имя всему происходящему – «Окаянные дни». В 1920 году Бунин эмигрировал во Францию, навсегда. Ему было 50, он был полон сил и новых надежд, полон воспоминаний...

Он был беден, конечно, но кому ж было тогда помогать русским в эмиграции, как не любимому писателю, не академику Бунину. Ему помогали также чехи, сербы, а больше других – русские еврей-меценаты (Розенталь, «петербургский Нобель», друзья Цетлины, друг Фондаминский...). При всей своей бедности он не ходил по утрам на службу: жил, как прежде, по-усадебному, только меньше путешествовал. Он пережил в 20 – 30-е годы новый творческий подъем, влюбившись в молодую писательницу Галину Кузнецову, которая поселилась с ним и его женой Верой на вилле в Приморских Альпах (не вполне традиционный «брак втроем», и конфигурация «треугольника» вскоре усложняется – вчетвером, впятером...). Бунин создает в Грасе свою знаменитую «вымышленную автобиографию» (по определению Ходасевича) – роман «Жизнь Арсеньева», он пишет о бывшей России, о русском характере, о жизни, о смерти, о любви, о Боге. И при этом, судя по его дневнику, у него «чувство ясности, молодости, восприимчивости» «и такая сладость жизни». Жена Вера страдает от одиночества, но она смиряется, находит в себе силы принять этот «брак втроем», быть доброй к Галине. Впрочем, некоторое утешение приносит ей приезд «ученика» и еще одного «секретаря» Бунина молодого Л. Зурова, который поселяется у Буниных до конца своих дней...

9 ноября 1933 года Бунин узнает в Грасе, что ему (первому из русских писателей) присуждена Нобелевская премия «за правдивый артистический талант, с которым он воссоздал в литературной прозе русский характер». Вместе с Верой и Галиной он едет в Стокгольм за премией (часть которой жертвует братьям – русским писателям, остальное тратит беспечно). На обратном пути из Швеции он заезжает в гости к философу Ф. Степуну, сестра которого певица Марга Степун влюбляется в Галину и следует за ней в Париж и в Грас. Галина отвечает Магде взаимностью, и для Бунина наступают тяжелые дни и годы. Он еще долго живет в альпийском Грасе (где застает его новая война), пишет о Толстом, которому он поклоняется, о чувственной любви, о страсти – и все чаще думает о смерти: «Все это будет существовать во веки веков, а для меня все это кончено *навсегда*. Непостижимо... Боже, как все изменилось! И жизни осталось на доньшке... Каждое утро просыпаюсь с чем-то вроде горькой тоски, конченности (для меня) всего. «Чего еще ждать мне, Господи?» Дни мои на исходе. Если бы знать, что еще хоть 10 лет впереди! Но: какие же будут эти годы? Всякое бессилие, возможная смерть всех близких, одиночество ужасающее...».

Весной 1945 года Бунины вернулись в Париж, но русский Париж был уже другим. Погибли или бежали меценаты-евреи, и русские эмигранты, по наблюдению Бунина, стали просоветскими («краснее рака»), думают о возвращении в эту «подлую изолгавшуюся страну», где правит тиран, которого Бунин всегда сравнивал лишь с Гитлером. И все же под давлением окружающих его «советизанов» (явных и тайных) Бунин навестил советского посла генерала Богомолова, принимал знаки любезности от эмиссара Москвы К. Симонова и даже вышел из Союза русских писателей и журналистов в знак солидарности с теми, кто взял советский паспорт. Эти легкомысленные жесты, не оправдавшие материальных надежд Бунина, отравили ему жизнь на годы, поссорили его с лучшими друзьями (Б. Зайцевым, М. Цетлиной).

Приходят болезни, нужда, унижения, бессонные ночи, в одну из которых он написал эти вот, едва ли не последние, свои стихи:

Золотой недвижный свет
До постели лег.
Никого в подлунной нет,
Только я да Бог.
Знает только он мою
Мертвую печаль,
Ту, что я от всех таю...
Холод, блеск, мистраль.

БУНИНА ВЕРА НИКОЛАЕВНА, 1881 – 1961

В. Н. Бунина (урожденная Муромцева), жена писателя Ивана Алексеевича Бунина, 47 лет прожившая с ним в браке (лишь последние тридцать – в официальном, ибо раньше обвенчаться они не могли, так как И. А. Бунин не был разведен с А. Цакни), – автор интересных мемуаров и дневников. Была преданной и терпеливой женой этому нелегкому человеку, с честью вышла из самых запутанных семейных ситуаций. Когда И. А. Бунин влюбился в молодую Галину Кузнецову и она поселилась с семьей Бунина, Вера Николаевна, смилив свои ревность и гордость, сумела по-доброму относиться к Галине... В самую трудную пору ее семейной драмы было послано Вере Николаевне утешение: на вилле у Буниных поселился молодой русский писатель из тогдашней Эстонии Леонид Зуров, пробудивший в сердце Веры Николаевны (она была на 20 лет старше Зурова) глубокое, почти материнское чувство. Забота о муже и о Зурове ложится на плечи Веры Николаевны, и она с готовностью несет этот груз до последних дней. Взваливает она на себя и сбор средств меценатов для других эмигрантских писателей (Тэффи, Зайцева, Яновского) или просто для тех, кто попал в нужду (вроде одинокой матери Е. Жировой).

Вышедший в трех томах в издательстве «Посев» вместе с дневниковыми записями И. А. Бунина дневник В. Н. Буниной представляет большой интерес для всех, кто интересуется жизнью эмиграции («Устами Буниных»). Н. Н. Берберова посмеялась некогда в своей мемуарной книге над дневником В. Н. Буниной, назвав Веру Николаевну «исключительно глупой» женщиной. Сама Вера Николаевна, в свою очередь, отмечала в своем дневнике отсутствие ума у... Цветаевой: «Нет и второстепенных качеств ума: такта и меры». С этой точки зрения, ведь и книга самой Берберовой не может притязать на высокие качества ума. Ах, пустой спор... А что доброта важнее ума, кто ж из нас не согласится? К тому же солидный биографический словарь (Русские писатели. 1800 – 1917. М.: Большая российская энциклопедия, 1992) авторитетно сообщает о В. Н. Буниной: «Умная и образованная женщина, Вера Ник<олаевна> стала преданным и самоотверженным другом Б<унина> на всю жизнь, а после его смерти готовила к изданию мн<огие> рукописи Б<унина>, написала содержащую ценные биографические свидетельства книгу «Жизнь Бунина». Б<унин> говорил жене: “Без тебя я ничего не написал бы. Пропал бы!”».

Последнее, вероятно, самое последнее в ее жизни письмо (адресованное художнице Т. Логиновой) было написано Верой Николаевной в апреле 1961 года: «Сижу в кафе на бульваре Экзельманс. В ожидании всенощной не знаю, что делать?.. Ждать надо полтора часа... Хотела зайти к Струве, но их не было дома. Позвонила Полонской, она играет в карты. Этим спасается! Позвонила Алдановой – к телефону никто не подошел. Вот и сижу и бросаю взгляды на прохожих... Я сегодня надела свой серый костюм: распускаются деревья. Небо синее, безоблачное... Пишу письма и «беседую с памятью»... Мало нас осталось!».

Книга «Беседы с памятью» позднее увидела свет. А крест над могилой Буниных изготовлен был по рисунку Леонида Зурова, участвовавшего в этнографических экспедициях близ Малов и Изборска: нетрудно заметить его сходство со знаменитым «Труворовым крестом».

БУРЦЕВ ВЛАДИМИР ЛЬВОВИЧ, 17.11.1862 – 21.08.1942

В годы войны один за другим умирали во Франции старые эмигранты – иногда от холода и голода, но чаще от черной безнадежности этой войны, этой схватки двух фашистов, черного и красного, схватки, исход которой, похоже, не обещал ничего хорошего... Летом 1942 года умер в бедняцкой больнице Парижа и человек, которого мой друг, писатель Ю. В. Давыдов, называл «бурный Бурцев»...

Родился Владимир Бурцев в далеком закаспийском форте, где его отец был штабс-капитаном, окончил гимназию, учился в Казанском и Петербургском университетах, рано занялся политикой, двадцати лет от роду был арестован в первый раз, а потом уж – бес-счетно. В 21 год стал народовольцем, сторонником террора. В 1888-м он бежал из сибирской ссылки в Швейцарию, потом жил во Франции, Англии, занимался политической и исторической журналистикой, издавал сборник «Былое», «Историко-революционный альманах», в Англии был арестован за подстрекательство к цареубийству, в Россию вернулся в 1905 году. Громкая известность к нему пришла в 1906 году, когда он специализировался на разоблачении провокаторов и агентов, внедренных полицией в политические партии и кружки. Ни одна тайная организация не может избежать того, что в ней будут агенты («провокаторы»): у Ленина на курсах в городке Лонжюмо, что совсем неподалеку от этого кладбища, из десяти слушателей двое были агентами полиции (в том числе Малиновский). Но никто не гарантирует полицию от того, что ее агенты будут торговать и ее тайнами. Именно таких продажных информаторов полиции и нашел себе Бурцев, который напечатал в «Былом» список «Шпионы, предатели, провокаторы». Там был и знаменитый Азеф, и некоторые другие революционные светила. Бурцев обрел славу и подвергся нападкам униженных лидеров и скомпрометированных партий. Ленин поначалу отбил своего друга Малиновского, но Бурцев довел расследование до конца. В 1917 году Бурцев обвинил большевиков в сотрудничестве с Германией, авторитетно сообщив, что «среди большевиков всегда играли и теперь продолжают огромную роль и провокаторы и немецкие агенты». Конечно, после Октябрьского переворота газету Бурцева закрыли, а самого его упрятали в крепость. В крепости «бурный Бурцев» вел себя по-бурцевски. Он немедленно спросил, где тут сидит бывший директор департамента полиции Белецкий, и с радостью узнал, что Белецкий в соседней камере. О том, что было дальше, рассказывает в своем дневнике Зинаида Гиппиус:

«...Бурцев теперь в полном удовлетворении: они ведут нескончаемые разговоры перестукиванием. Бурцев хочет выудить у соседа все, что еще не знает о большевиках, особенно о Троцком».

В феврале 1918 года добрейший И. И. Манухин вызволил Бурцева из крепости, а в мае Бурцев ушел через Финляндию в Стокгольм, выпустил там на трех языках брошюру с убедительным названием «Проклятие вам, большевики!», а вернувшись в знакомый ему Париж, – сборник статей «В борьбе с большевиками и немцами». Бурцев возобновил издание газеты «Общее дело», написал мемуары, а десятилетие Октября отметил выпуском брошюры «Юбилей предателей и убийц. 1917 – 1927». Позднее он издал и брошюру о «московских процессах». Как знаток русской охранки он давал в 1934 году в Берне показания по поводу «Протоколов сионских мудрецов», сфабрикованных русской охранкой в Париже. Писал он и о тайнах, связанных с изданием «Евгения Онегина»...

Этот нищий фанатик, революционер и аскет жил в мрачном, параноическом мире агентов, конспираторов, предательств; считал своим долгом разоблачать их, и, в конце концов, не он один (он – тоже, потому что был когда-то подпольщиком) виноват был в том, что тот-

литарные системы опутали наш мир паутиной предательства и доносов. Если уж восточно-германская ШТАЗИ принудила к сотрудничеству каждого седьмого немца маленькой ГДР, то сколько же миллионов стукачей было в нашей бедной России при коммунистах? Господи, прости их всех...

ВАРШАВСКИЙ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ, Croix de la guerre, 1906 – 1978

Герой Сопротивления, литературный критик, прозаик и мемуарист Владимир Варшавский прославился после Второй мировой войны книгой о «молодом поколении» эмигрантской литературы, которому дал приставшее к нему позднее название «незамеченного поколения». В значительной степени благодаря Варшавскому это поколение и было замечено потомками, ибо книга его рассказала о трудной жизни поколения, о его блужданиях и поисках, о его героях, отдавших жизни в последней войне. Рассказала благородно, без зависти к мертвым героям, какая сквозит, к примеру, в мемуарах Берберовой и Яновского...

Сам Владимир Варшавский уехал из России двенадцати лет от роду, гимназию и университет (юридический факультет) окончил в Праге. Потом он изучал литературу и философию в Сорбонне, а литературную карьеру начал с рассказа о страхе перед одиночеством и о гениальном забулдыге-французе Вийоне, чьи шаги и нынче звучат в памяти молодых поколений на крутой улочке близ Сорбонны.

До войны Варшавский вместе со сверстниками из «незамеченного поколения» обживал Монпарнас (и кафе «Селект»), журнал Оцупа «Числа» и альманах Фондаминского «Круг». В начале войны ушел во французскую армию, был в Сопротивлении, а потом долго маялся в немецком плену. После войны он выпустил автобиографическую прозу («Семь лет») и книгу о своем «незамеченном поколении». Послевоенная патриотическая эмигрантская лихорадка не сделала его поклонником большевиков и Сталина. Напротив, последняя его оставшаяся недописанная книга называлась «Родословная большевизма». Она вышла лишь через пять лет после его смерти, и в предисловии к ней о. А. Шмеман писал, что «Варшавский встал на защиту России путем раскрытия подлинной родословной большевизма. И сделал он это с тем мужеством, с которым в июле 1940 г. он, рядовой разгромленной французской армии, почти в одиночку, на протяжении нескольких дней, в обреченной крепости сдерживал мощный натиск немцев».

В отличие от многих тогдашних зарубежных историков Варшавский утверждал, что «истоки советского империализма нужно искать не в русской истории и не в особом мессианизме русского народа, а в марксистском эсхатологическом мире мировой революции». Переживший насилие, искалечившее судьбу ему и его сверстникам, Варшавский разглядел мерзкое для него сходство «трех угодников» (Маркса, Энгельса и Ленина): «тот же стиль, то педантически наукообразный, то площадной, та же бешеная ярость в полемике, то же неколебимое убеждение, что прогресс не может совершаться без насилия и кровавых человеческих жертв и что, как бы ужасны ни были эти жертвы, на них нужно идти».

В. Яновский вспоминал в своих мемуарах, что Варшавского все любили в довоенном Париже... А грамотный русский интеллигент вспоминал в связи с парижским изгнанием горькие слова французского Декарта о времени, проведенном в чуждом и чужом Амстердаме: «Среди великого народа, чрезвычайно деятельного и более занятого своими собственными делами, чем интересующегося чужими, я мог жить так же одиноко и уединенно, как в самой далекой пустыне».

В 1950 году он уехал в США, долго жил там среди чужих, умер в чужой Женеве, а вот упокоиться ему суждено было здесь, неподалеку от друзей-сверстников из «незамеченного поколения» – Бориса Поплавского, Ирины Кнорринг, Лазаря Кельберина...

Кн. ВАСИЛЬЧИКОВ БОРИС, 19.05.1886 – 13.05.1931

Князь Борис Александрович Васильчиков был до революции членом Государственного совета и возглавлял Главное управление землеустройства. Впрочем, он и в эмиграции не сидел сложа руки. В 1924 году он возглавил комитет по изысканию средств для приобретения городской усадьбы, которая стала позднее Сергиевским подворьем. Членами комитета были такие люди, как архимандрит Иоанн, протоиерей Георгий Спасский, князь Г. Н. Трубецкой, М. М. Осоргин, Вахрушев, Шидловский, Ковалевский, гр. Хрептович-Бутенев, Липеровский, Аметистов и др. Работы всем хватило...

Кн. ВАСИЛЬЧИКОВА (урожд. княжна ВЯЗЕМСКАЯ) ЛИДИЯ ЛЕОНИДОВНА, 10.06.1886 – 1.11.1948

Пережив бесконечные скитания по Европе (между Литвой, Францией, Германией, Италией), смерть старшего сына, а потом и страшные военные годы, княгиня Лидия Леонидовна Васильчикова осенью 1948 года попала в мирном Париже под автомобиль и погибла...

Она происходила из Вяземских, была дочерью князя Леонида Дмитриевича Вяземского и княгини Марии Ивановны Вяземской (урожденной графини Левашовой) и приходилась старшей сестрой князю Владимиру Леонидовичу Вяземскому. Выйдя замуж за князя Иллариона Сергеевича Васильчикова (бывшего в Литве губернским предводителем дворянства, а потом и членом Государственной думы IV созыва от Литвы), она родила в браке двух сыновей и трех дочерей (все как есть были красавицы). Средняя из них, Татьяна, была замужем за князем Меттернихом. Очень хороша собой была старшая, Ирина, однако по-настоящему прославилась во всем мире младшая дочь княгини Лидии Леонидовны княжна Мария Васильчикова (по-семейному Мисси). В 1932 году (после Франции) семья поселилась в Каунасе, там юная Мисси начинала свою трудовую жизнь – секретаршей в британском посольстве. А летом 1939 года, когда Мисси была на летнем отдыхе в Германии, грянула мировая война. Возвращаться в советскую Литву было нельзя, князья были «классовые враги», а эмигранты были «белые», и Мисси (со своими пятью европейскими языками и секретарским опытом) устроилась на работу в Берлине – сперва на радио, а потом в Отдел информации германского МИД. Там Мисси близко сошлась с группой молодых аристократов, как и она, ненавидевших нацизм и безумного Гитлера, с теми, кто участвовал позднее в «Заговоре 20 июля 1944 года» и неудавшемся покушении на фюрера. Они доверяли ей во всем, их удивляли ясность ее ума, бесстрашие, непостижимая «надмирность» и «наднациональность» в нынешнем одуревшем от политики и националистических комплексов мире. Ее мидовский начальник Адам фон Тротт (позднее повешенный Гитлером) написал как-то жене об этой своей русской сотруднице: «В ней есть что-то от благородной жар-птицы из легенд, что-то такое, что так и не удается до конца связать... что-то свободное, позволяющее ей парить высоко-высоко над всем и вся. Конечно, это отдает трагизмом, чуть ли не зловеще таинственным...».

У Мисси было ощущение уникальности того, что с ней происходит, того, что творится вокруг, а может, дело было в тревоге и беспокойстве – так или иначе, она день за днем писала дневник... Она пережила бомбардировки Берлина и Вены, разгром антигитлеровского заговора, казнь друзей – пережила все и сохранила свой дневник. Она расшифровала его и перепечатала на машинке после войны, а в конце семидесятых годов, ослабев от болезни и чувствуя приближение смерти, она по совету брата и друзей стала готовить его для публикации. Она закончила работу за две недели до смерти. В отличие от своей знаменитой предшественницы Марии Башкирцевой она не питала надежд на посмертную славу. Но ее написанный по-английски дневник о жизни в Берлине и Вене с 1940 по 1945 год потряс читателей. Он был издан на дюжине языков и стал бестселлером... Там была рассказана незаурядная, страшная история: жизнь среди бомб и смертей, Апокалипсис конца войны – в Берлине и в Вене, в двух шагах от германской верхушки... И главное – рассказчица, эта Мисси Васильчикова, она была незаурядной личностью. А для человека из нынешней России и вовсе существом незнакомым. Для нее нет русских, немцев, французов, евреев, шведов – есть хорошие и плохие люди, есть друзья, есть семья и есть жлобы. Нет границ (семья живет везде), а есть пристойная и непристойная жизнь, есть молодость, которая убегает так быстро, под бомбами...

Как и Мария Башкирцева, Мисси ничего не написала, кроме этих дневниковых тетрадок, но уж эта-то книга... Читатели из разных стран, прочитав дневники этой молодой женщины, говорили: такого я не читал...

Мисси ненавидела сатану Гитлера, но политика ее мало занимала. Как ни странно, политические рассуждения попадают в июльской дневниковой записи 1943 года – именно там, где Мисси говорит о своей матери, о княгине Лидии Леонидовне. Приведу отрывок из этой записи, так как он может объяснить кое-что о поколении русских аристократов, упокоившемся под березами Сент-Женевьев-де-Буа...

Один из немецких знакомых княгини Васильчиковой (граф Пюклер) написал донос на нее в гестапо: «Княгиня Васильчикова – подруга детства моей жены – настроена против нашей политики в России и критически отзывается о нашем отношении к военнопленным... Ее не следует выпускать из страны».

Приведя это письмо в своем дневнике, Мисси считает нужным подробно объяснить, что же вдруг произошло с ее мамой:

«Мама всегда была яркой антикоммунисткой, и это неудивительно, если вспомнить, что у нее два брата погибли в самом начале революции. Она придерживалась этой неколебимой позиции двадцать лет, и дело дошло до того, что даже Гитлер виделся ей в благоприятном свете, согласно принципу «враги моего врага – мои друзья»... в сентябре 1941 года она еще надеялась, что немецкое вторжение в Россию приведет к массовому народному восстанию против коммунистической системы: после чего с немцами, в свою очередь, разделается возрожденная Россия. Так как она не жила подолгу в Германии, ее нелегко было убедить, что Гитлер не меньший злодей, чем Сталин. Мы же с Татьяной... были свидетелями гнусного сговора между Гитлером и Сталиным, имевшего целью уничтожить Польшу, и мы из первых рук знали о немецких зверствах в этой стране... Но по мере того, как становилось известно о тупой жестокости германской политики на оккупированных территориях СССР и все больше становилось жертв, и там, и в лагерях русских военнопленных, любовь Мама к своей стране, усугубленная ее скрытой прежней германофобией, восходящей к тем годам, когда она была медсестрой на фронтах Первой мировой войны, – эта любовь взяла верх над ее бескомпромиссными антисоветскими убеждениями, и она решила принять посильное участие в облегчении страданий своих соотечественников, и в первую очередь русских военнопленных.

С помощью друзей она связалась с соответствующими учреждениями германского Верховного командования... В отличие от дореволюционной России Советское правительство отказалось от предложенной помощи Международного Креста. Это означало, что русские пленные, будучи в глазах своего правительства изменниками родины, предоставлялись собственной судьбе – в большинстве случаев голодной смерти.

Мама обратилась к своей тетушке, а моей крестной, графине Софье Владимировне Паниной, которая работала в Толстовском фонде в Нью-Йорке. Кроме того, она втянула в эту деятельность двух всемирно известных американских авиаконструкторов русского происхождения – Сикорского и Северского, а также православные церкви Северной и Южной Америки. Вскоре была создана специальная организация помощи пленным, которой удалось собрать столько продуктов, одеял, одежды, лекарств и т. д., что для их перевозки понадобилось несколько кораблей...».

...Всю жизнь я читал про ту войну, заставшую меня в Москве ребенком... Но что-то ни в одном самом подробном описании не встречал я имен княгини Васильчиковой, графини С. В. Паниной (создательницы Народного дома в Петербурге), Сикорского и Северского...

Кн. ВАСИЛЬЧИКОВА (урожд. княжна МЕЩЕРСКАЯ) СОФЬЯ НИКОЛАЕВНА, 1867 – 29.04.1942

Вот что рассказывает о княгине Софье Николаевне Васильчиковой живший рядом с ней в Русском Доме и отпевавший ее позднее о. Борис Старк: «Княгиня С. Н. Васильчикова была сестрой мужа нашей директрисы в Русском Доме Сент-Женевьев-де-Буа, кн. Петра Николаевича Мещерского. Она была вдовой бывшего члена Государственного совета, бывшего министра земледелия, кн. Б. А. Васильчикова. В свое время, во второй половине войны 1914 – 1917 гг., о ней много говорили... Она была послана под эгидой Международного Красного Креста в Германию, чтобы проверить состояние лагерей для русских военнопленных. По своем возвращении под впечатлением страданий наших солдат в плену и под впечатлением большого авторитета Распутина при дворе, она написала письмо Императрице Александре Федоровне как женщина женщине, умоляя ее услышать голос людей, желающих счастья Родине. В ответ на это письмо ее мужа вызвал к себе министр двора и объявил ему Высочайшее повеление о высылке его жены в Новгородскую губернию. Это был факт, не имевший места со времени императора Павла I. В эмиграции княгиня проживала скромно со своим мужем, а потом, после его смерти, заканчивала свою жизнь в Русском доме, около своего брата и невестки. Мне часто приходилось ее исповедовать, беседовать с ней, и перед своей кончиной она вызвала меня в свою комнату, где после тяжелой ночи и умерла у меня на руках. Рядом сидела ее невестка, очень с ней дружная, княгиня Вера Кирилловна, и ее брат Петр Николаевич. Память о покойной Софье Николаевне осталась как память об очень скромном, умном и тактичном человеке, человеке большой доброты».

ВЕЙДЛЕ (WEIDLE) ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ, 1895 – 1979

Владимир Вейдле был замечательный литературный критик, историк искусства и публицист. Он был известным эмигрантским литератором, великим знатоком европейского искусства, писал и печатался на четырех языках, знаком был европейским критикам и писателям, лично знал Клоделя, Валери, Т. С. Элиота, сотрудничал во всех крупнейших эмигрантских изданиях, издавал книги, читал лекции в университетах и институтах, в том числе и в Богословском институте. И при этом жил в бедности, почти в нищете, и только после войны его, как и Г. Газданова, и А. Бахраха, стало выручать мюнхенское радио, нынешняя «Свобода».

В отличие от множества (как Вы, наверное, отметили по именам на крестах и надгробьях) детей вполне обрусевших немцев на этом кладбище он был не родным, а приемным сыном обрусевшего немца-промышленника Вильгельма Вейдле. Закончив петербургское Реформаторское училище, он поступил в Петербургский университет, где в 1918 году стал приват-доцентом. Потом он преподавал в Перми и Томске, а с 1924 года жил в эмиграции в Париже. Дружил с Ходасевичем (который называл его «Вейдличка»), сотрудничал с К. Мочульским, с Ф. Степуном, И. Фондаминским, увлекался экуменическими идеями, бывал у Бердяева, выступал на русско-французских конференциях, близок был к писателям «незамеченного поколения», из эмигрантов кроме Ходасевича ценил Алданова, Бунина и Набокова, написал о них замечательные статьи, высоко ценил «петербургскую поэтику» Гумилева, Мандельштама и Ахматовой. Историк эмигрантской литературы Г. Струве писал, что Вейдле явился «самым ценным приобретением зарубежной литературной критики после 1925 г.».

Именно в милосердии, вытекающем, как писал о нем критик В. Толмачев, «из христианского понимания греха, из духовного понимания красоты страдания», видел Вейдле истоки своеобразия русской литературы и культуры. Большевики прервали эту греко-христианскую преемственность русской культуры, и теперь Россия должна снова стать «Европой и Россией. Это будет для всех русских, где бы они ни жили, возвращением на родину», тем более что в этом веке, по мнению Вейдле, «не было двух литератур, была одна русская литература двадцатого столетия». Но у Вейдле не было иллюзии, что это могло случиться еще при жизни СССР, ибо для него «Россия не то самое, что зовется СССР. Так зовется лишь мундир, или тюрьма России».

Как большинство интеллигентных русских, Вейдле писал стихи – элегантные, вполне эстетские стихи об Италии, Венеции, о жизни и смерти, о запахе левкоев...

Зачем, рассудок беспокоя,
Гадать, что ближе, свет иль тьма,
Когда от запаха левкоя
Мне так легко сойти с ума.
...Блаженное благоуханье
Сполна единый раз вдохну
И задохнусь в моем вдыханье,
В его дыханье утону —
Как будто машут, веют, тают
Там, где душа моя была,
Где будто в небо прорастают

Ее незримые крыла.

ВЕЛИКАНОВ СИМЕОН ГРИГОРЬЕВИЧ, протоиерей, 5.4.1869 – 15.12.1948

Об этом удивительном эмигрантском пастыре рассказал в своих мемуарах высокопреосвященный митрополит Евлогий, да так рассказал, с такой любовью, с такими подробностями эмигрантской жизни, что, каюсь, жалко мне слово выкинуть, наберитесь терпения. Вот что рассказал высокопреосвященный: «Весной 1924 года как-то раз на собрании Александро-Невского сестричества появился незнакомый мне священник и отрекомендовался о. Семеном Великановым. Первое впечатление он произвел на меня несколько странное. Длинные седые волосы, нервная речь, рваненькая ряса... Я узнал, что он приехал со своей паствой из Польши работать по контракту на огромный металлургический завод в Кнютанже (около Меца), во главе которого стоит директора monsieur Charbon, французский инженер, в свое время работавший на одном из заводов Донецкого бассейна и свободно владеющий русским языком. О. Семен и его паства – остатки русской армии, разоруженной в Польше. Там же, в Польше, архиепископ Владимир рукоположил его в священники и поставил во главе группы соотечественников. По приезде в Кнютанж русская колония расположилась в бараках, выпросив барак и под церковь. Хор (прекрасно спевшийся еще в Польше) русские рабочие привезли с собой. Церковь быстро устроилась, богослужение наладилось, а хор чудным своим пением стал привлекать в храм французов.

Осенью того же 1924 года я посетил Кнютанж.

Маленькая, чистенькая, убогая церковь... Чувствуешь, что все, до мелочей, создано трудами благочестивых бедных людей. О. Семен, ревностный, самоотверженный священник – бессребреник, приятно поразил меня своим горячим, ревностным отношением к пастырскому долгу. Осень... холодно... а он в одной рваненькой ряске (я подарил ему свою, хоть и моя тоже была неновая). Я узнал, что о. Семен живет в мансарде и питается кое-как: сам на спиртовке себе обед варит: один день кашу, другой – компот... «Очень удобно, – рассказывал он мне, – перед обедней поставлю кастрюлю на огонь, а приду из церкви – готово!» Рабочие поселки в окрестностях Кнютанжа, где тоже живут русские, он объезжает на Пасхальной неделе «на собственном автомобиле», т. е. попросту обходит их пешком. Немудрый, простой священник, но преданный пастве всей душой. Благодаря глубокому пониманию пастырского долга и подвижнической жизни, он достиг крепчайшей спайки с приходом. Когда приходу нужны деньги для каких-нибудь неотложных нужд, о. Семен возит хор по ближайшим городкам и зарабатывает деньги. Впоследствии из церковного хора выделился другой, под названием «Гуслар». При церкви возникла школа... Заведовал школой во главе со старостой генералом П. Н. Буровым (теперь по профессии он маляр, и мне довелось его видеть подвешенным в малярной люльке с кистью в руках). Преподавательский персонал подобрался отличный, и дети поступали из школы прямо в иностранные лицеи.

Несмотря на бедность, приход имел своих стипендиатов в нашем Богословском институте (о. Виктор Юрьев, ныне священник Введенской церкви, – воспитанник Кнютанжа), посылал всегда делегатов на съезды «Христианского Движения» и от времени до времени приглашал из Движения к себе докладчиков. Детский вопрос, благотворительный, просветительный... все хорошо поставили...

В первый приезд в Кнютанж я зашел к директору. От него я услышал самые хорошие отзывы о русских рабочих. «Скромные, честные, интеллигентные люди и без претензий, – сказал директор. – И священник прекрасный, заслуживает глубокого уважения. Когда он о чем-нибудь меня просит, я не в силах ему отказать. Для этого достаточно мне просто его

увидеть...» Не отказал директор, между прочим, и в самом важном, – построил «Русский дом», в котором теперь помещается церковь и школа.

Свою ревность о. Семен простирает и за пределы Кнютанжа: в Нанси, где есть русские студенты, в Люксембург (там есть общинка на Эше), в Прирейнскую Германию (есть общинка в Саарбрюке). Всюду разъезжает без виз. «Крест надену – вот и вся моя виза...» – говорит о. Семен. Любящий отец для прихожан, он, однако, умеет, когда нужно, проявить и власть. Для любительского спектакля сестричество выбрало пьесу «Монашенка» – о. Семен усмотрел в ней поношение монашеству и чуть было не закрыл сестричество. «Если так, не надо и сестричества!..» Не без труда я этот конфликт уладил...».

Может, вспоминая эти театральные треволения, улыбается в раю безгрешный о. Семен... Понятно, судьи серьезные, вроде газеты «Монд», поставили б ему в грех такое мракобесие, а только где «Монд», а где заводские бараки 20-х годов, где священник в рваной ряске, где генерал в малярской люльке, член педсовета?..

Впрочем, может, внуками их и нынче довольны на заводах и в НИИ Кнютанжа, Страсбурга, Силиконовой Долины?

ВЕРДЕРЕВСКИЙ Д. Н., контр-адмирал, 4.11.1873 – 22.08.1947

Контр-адмирал Дмитрий Николаевич Вердеревский был в 1917 году командующим Балтийским флотом, а также морским министром военного флота во Временном правительстве России. После Октябрьского переворота он пытался сотрудничать с большевиками, но позднее уехал в эмиграцию и жил в Париже. После победы России над Германией в 1945 году, в пору эмигрантского советско-патриотического подъема, адмирал, вместе с другими русскими собратьями-масонами, пошел на прием к советскому послу, потом принял советское подданство и получил советский паспорт.

Советский посол Богомолов предупредил новых «советских патриотов», что поездку в Советский Союз еще надо заслужить. Адмирал Вердеревский уехал незадолго до смерти в Советскую Россию и даже сумел вернуться.

– Вероятно, заслужил, – сказал мне по поводу этой поездки почтенный эмигрант, герой войны Н. В.

В масонской ложе «Юпитер» и в мастерских русских высших степеней брат Д. Н. Вердеревский занимал высокое положение. В период его командорства в этих мастерских (в 1945 году) были возведены в 33-ю степень Г. Н. Товстолес и И. А. Кривошеин, требовавший во главе своей группы немедленного перевода всей масонской работы в сталинскую Россию, где масонов не могло ждать ничего, кроме нар в лагерях ГУЛАГА (оба названных выше масона вернулись в Россию и извели лагерей). Д. Н. Вердеревский (вместе с П. А. Бобринским) поддерживал просоветские усилия великого командора Русского особого совета 22-й степени брата Н. Л. Голеевского. Вне ложи Голеевский занимал удобное положение сперва русского военного атташе в США, а затем и секретаря американского консульства в Париже. Это он вел в апреле 1945 года переговоры с советским послом Богомоловым. В чисто «провокационных целях» перевода масонства в сталинскую «свободную» Россию еще в начале 30-х годов разобрался брат М. А. Осоргин, а позднее разобрался даже и вполне благожелательно настроенный к тогдашним Советам брат П. А. Бурышкин, который писал:

«Хотя авторы идеи о возвращении масонства на родину и утверждали, что они стоят вне всякой политики и действуют только во имя чисто масонских и чисто посвященных идеалов, но их просоветские симпатии и их деятельность в союзе «советских патриотов» секрета не представляли».

Продолжая свой анализ деятельности братьев-масонов, П. А. Бурышкин дает свое объяснение популярности сталинского режима среди видных деятелей нескольких эмигрантских движений:

«Вместе с тем, почти все они были известны как люди весьма правых убеждений, как монархисты и даже не конституционные монархисты. Один из них, правда, задолго до вступления в масонство, участвовал в монархическом съезде в Рейхенгалле, собравшем немалое число русских черносотенцев, другие – опять-таки задолго до войны – «симпатизировали» авторитарным режимам Гитлера и Муссолини и, во всяком случае, пытались проповедовать «объективное отношение» к оным. Демократические принципы для этих людей значения не имели, что и позволило им с большой легкостью отказаться и от масонской сущности».

Что касается «масонской сущности», то это дело непростое. За год до своей смерти, памятной весной 1946 года великий масон Вердеревский, разглядевший «Высшее Начало» в опутанной колючей проволокой сталинской России, произнес в ложе «Юпитер» свой знаменитый доклад о «посвященном мире» масонской истины:

«В мире же посвятителем, наоборот, все зиждется в конечном итоге на Абсолюте и в нем находит свое оправдание и смысл. Великий Свет, блеснувший при посвящении, призывает масонов искать Высшее Начало во всем. Символ есть знак, при помощи которого вольные каменщики прозревают присутствие Великого Архитектора Вселенной не только в мире духовном, но и в явлениях повседневной, будничной действительности. Поэтому масонство пользуется для своего посвячительного действия символическим методом и на нем строит свои ритуалы и обряды».

А год спустя автор этого сообщения, которое привело в восторг его масонских братьев, покинул наш несовершенный мир и ушел на Восток Вечный. 9 октября 1947 года в Париже состоялось траурное собрание памяти Вердеревского, на котором один из видных лидеров зарубежного русского масонства С. Г. Лианозов объявил, что «русское масонство лишилось признанного вождя», а брат Д. Н. Ермолов напомнил, что «брат Дмитрий Николаевич горячо верил в близость морального и духовного оздоровления человечества...».

Чтобы не приходиться в отчаяние от всего этого красноречия, можно вспомнить один из выводов, к которым приходит современный историк русского масонства А. И. Серков, цитирующий по этому поводу книгу брата М. А. Осоргина о «северных братьях»:

«В подавляющем большинстве случаев масонское посвящение не изменяло людей, т. к. «большинство вступает в ряды Братства по естественному любопытству и по влечению к таинственности». Историк А. И. Серков завершает фразу Осоргина с большой трезвостью: «...не говоря уж о корыстных целях».

**ВИЛЬЧКОВСКИЙ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,
б. директор русского Дома, генерал-
майор, б. офицер л.-гв. Преображенского
полка, 4.09.1871 – 4-17.09.1934**

Как ни заботился о благополучии обитателей находившегося под его командованием старческого дома генерал С. Н. Вильчковский (это ведь он вместе с князем М. С. Путятиным устроил там прекрасную домовую церковь), подопечные его первыми стали заполнять знаменитое ныне здешнее кладбище. В свой черед последовал за ними и сам директор...

ВИЛЬЧКОВСКИЙ (WILCZKOWSKI) КИРИЛЛ СЕРГЕЕВИЧ, 29.04.1904–19.10.1960

Кирилл Сергеевич Вильчковский, сын бывшего директора Русского дома, бывшего генерал-майора и бывшего офицера лейб-гвардии Преображенского полка, Сергея Николаевича Вильчковского, прожил еще более короткую жизнь, чем его отец, но успел вписать свое имя в историю Великой Эмиграции как правая рука знаменитого Главы младоросской партии Александра Казем-Бека. Младороска Нина Кривошеина, вспоминая парижские 30-е годы, пишет, что «главный секретарь и поверенное лицо» Казем-Бека Кирилл Вильчковский «был еще очень молод... имел солидное политическое образование, и вполне очевидно испытывал сильное влияние Шарля Морраса (Charles Maurras), известного идеолога французской монархической партии...». Можно добавить, что кроме расистских писаний Морраса и деятельности ультраправой организации «Аксьон франсез», Вильчковский, как и его Глава Казем-Бек, увлекался писаниями и деятельностью Гитлера и Муссолини, а также национал-большевизмом, который был покруче национал-социализма. Вильчковский выписал из работы активиста-евразийца Льва Карсавина такую лестную для младороссов фразу:

«Там, в России, национал-большевизм уже зарождается: среди нас – это движение младороссов... «Молодая Россия» в качестве верхнего слоя Евразии должна действовать в соответствии с национальным инстинктом, который и является в настоящий момент национал-большевистским... делая его все более благородным и духовным...».

Впрочем, с началом Второй мировой войны Вильчковский не сбежал за границу, в отличие от Главы, и даже не примкнул к гитлеровцам, в отличие от своего кумира Морраса, а примкнул в Пириньях к французскому Сопротивлению. Более того, узнав о добровольном (или вынужденном) бегстве Казем-Бека из США в Советский Союз, а чуть позднее прочитав в «Правде» антиамериканское интервью бывшего друга и Главы, Кирилл Вильчковский написал в журнал «Возрождение» (март 1957 года) вполне рассудительное письмо:

«Поведение Казем-Бека – это поведение труса, и я испытываю по этому поводу стыд и горечь. Даже если его принудили сделать это, ему не может быть оправдания, ибо даже если он уехал туда по собственной воле, то получая советский паспорт, он не мог не знать, в чьи руки он ввергает свою судьбу.

После войны я дважды видел Казем-Бека в Швейцарии, в первый раз в 1954 году, по его инициативе, а вторично, по моей инициативе, в 1956 году, за несколько недель до его отъезда. При первой встрече Казем-Бек упомянул о некой «перемене позиции». И это означало нечто совершенно противоположное тому, что случилось, – он говорил о своем желании посвятить остаток жизни «разработке монархической доктрины второй половины XX века». При втором разговоре, очень коротком, он известил меня о своем желании вернуться в Россию «чтобы трудиться для церкви», если митрополит Крутицкий (с которым он встретился в Соединенных Штатах) добудет для него визу.

В пору обеих этих встреч Казем-Бек действительно проходил курс излечения болезни горла и хронического воспаления радужной оболочки глаза. Как мне, так и всем моим друзьям, он показался (особенно во время нашей первой встречи) человеком, который находится на грани нервного срыва. Я думаю, что решение, которое принял Казем-Бек, объясняется главными четырьмя причинами:

«1. тем, что он путает русский патриотизм с советским империализмом. В отличие от большинства из нас, бывших когда-то младороссами, Казем-Бек не изжил страстей национализма. Напротив, под влиянием своего болезненного отвращения к Америке в нем за последние годы развилась некая националистическая мания преследования, которая мешает

ему вынести здравое суждение как о внутренней ситуации в России, так и о международном положении.

2. иллюзиями, которые он питает в отношении политической независимости московского патриархата.

3. утратой морального равновесия, объясняемой в первую очередь его личной драмой. Казем-Бек так и не смог оправиться от жестокого падения, которое превратило его, главу эмигрантской политической организации, в обыкновенного человека.

4. импульсивностью и специфической психологией игрока, которые всегда были его чертой, но которые обострило его взвинченное состояние. Мне показалось, что он даже не задумывался о моральной недопустимости своего поступка, ни о том риске, которому он подвергает свою семью, бросив ее барахтаться перед лицом событий.

Хотел бы повторить, что это с моей стороны попытка найти объяснение, но никак не оправдание его поступку. Несмотря на сочувствие, испытываемое мной к человеку, которого я знал с детства, которого я любил (несмотря на все его недостатки, которые не были от меня скрыты), к человеку, которому я был многим обязан и с которым я работал вместе на протяжении шестнадцати лет, я сожалею о том, что, попав в эту ловушку, он предпочел нравственную смерть смерти физической».

Я привел это сдержанное и романтическое письмо Кирилла Вильчковского полностью, ибо оно демонстрирует случай (далеко не банальный), когда человек умнеет к старости. О репутации, которую приобрел к тому времени К. Вильчковский в Париже, свидетельствует запись в масонских отчетах «Великой ложи Франции», извлеченная и переведенная на русский язык историком А. И. Серковым:

«Следующее большое заседание, 30 мая, было проведено в порядке закрытого собрания с участием лож Юпитер и La Loi d'Action для заслушания сообщения «профана», писателя и литературного критика, известного в иезуитских кругах как специалиста по проблемам советской действительности. Доклад К. С. Вильчковского на французском языке на тему «Влияние доктринальных вариаций коммунистической партии на организацию политического воспитания советской молодежи» («Миф и реальность. Заметки о некоторых проблемах советской действительности») – привлек большой интерес. Докладчик отметил и объяснил на примерах постоянную оппортунистическую смену приемов и тактики в доктринальных установках, как непогрешимая истина преподносимых молодежи, часто не успевающей за идеологическими расхождениями в партийных верхах».

ВИНОГРАДСКИЙ А. 1935

Александр Николаевич Виноградский родился в 1874 году в Подольской губернии, служил в конной артиллерии, учился в Академии Генерального штаба (1896 – 1899). Стал военным историком. Написал трехтомную «Историю англо-бурской войны» и трехтомную «Историю русско-японской войны». В годы Первой мировой войны командовал 12-й артиллерийской бригадой, был начальником русской миссии при румынской армии. В пору эмиграции преподавал в Париже на Высших военно-исторических курсах.

ВЛАДИМИР (ТИХОНИЦКИЙ ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ), митрополит, 1873 – 1959

Будущий митрополит Владимир был родом из Вятской губернии, но его путь на Запад начался рано: 34 лет от роду он уже был епископом в городе Белостоке, что в Восточной Польше. Как сообщает митрополит Евлогий, владыка епископ «был изгнан из Польши за протест против «временных правил», которые польское правительство ввело для православной Церкви, и которые владыка Владимир считал для нашей Церкви унижительными». Епископ Владимир оказался во Франции, и митрополит направил его во второй по величине во Франции центр русского рассеяния – в Ниццу. «Высокопреосвященный Владимир, – вспоминал позднее митрополит Евлогий, – поднял приход в Ницце экономически и морально. Подобрал хороший клир, организовал сестричество, сумел сплотить паству. Чистый, святой жизни архипастырь-молитвенник привлек сердца прихожан».

После смерти митрополита Евлогия владыка Владимир стал митрополитом Западно-европейских Русских Православных Церквей, Экзархом Патриарха Вселенского.

ВОДОВ СЕРГЕЙ АКИМОВИЧ, 15.07.1898 – 19.05.1968

Журналист С. А. Водов был после Второй мировой войны первым редактором эмигрантской парижской газеты «Русская мысль», мало помалу отобравшей читателей у руководимых Москвой парижских периодических изданий, а еще через четыре десятилетия появившейся в продаже и в московских газетных киосках. В 1947 году московское радио с подачи «Нового русского слова» поспешило назвать газету «фашистской».

Светл. кн. ВОЛКОНСКАЯ (урожд. ВЫРУБОВА) НАТАЛЬЯ, 22.11.1882 – 11.03.1949

Светлейшая княгиня Наталья Васильевна Волконская была родная сестра Василия Васильевича Вырубова. Родителями ее были князь Василий Николаевич Вырубов и княгиня Евдокия Александровна, урожденная Львова. Наталья Васильевна была замужем за князем Волконским, и до Второй мировой войны они жили в своем имении в Эстонии. С приходом советских войск князь отказался уезжать и, конечно, погиб. Княгиня Наталья Васильевна доживала свой вдовый век в Русском доме неподалеку от кладбища.

Светл. кн. ВОЛКОНСКАЯ (урожд. ГАЛАХОВА) ЕВДОКИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, 22.10.1910 – 14.11.1942

Евдокия Александровна Волконская (урожденная Галахова) была супругой светлейшего князя Андрея Григорьевича Волконского, скончавшегося в том же роковом для эмиграции 1942 году, что и его бывшая жена (бывшая, ибо за десять лет, отделявшие его первый брак от смерти, беспокойный князь успел жениться еще дважды). Прадедом Андрея Григорьевича был скончавшийся в 1882 году в Ницце знаменитый Григорий Петрович Волконский. Семья его дяди и матушки дружила с Пушкиным, который и умер в доме Волконских на Мойке. Его мать Софья Григорьевна Волконская построила усадьбу близ Белгорода-Днестровского и участвовала в строительстве тамошней Болгарской церкви. Григорий Петрович был попечителем Петербургского учебного округа, а в 1844 году возглавил Цензурный комитет, однако, по свидетельству А. В. Никитенко, был человек слишком либеральный, чтобы продержаться долго на таком месте. При первом удобном случае он был переведен попечителем Одесского учебного округа. Недавно (благодаря стараниям белгородских краеведов, журналиста В. Мисюка и автора этих строк) князь Кирилл Александрович Волконский, живущий в Париже, посетил только что восстановленные могилы своих предков в Белгороде-Днестровском (бывшем Аккермане), близ Болгарской церкви над Днестровским лиманом.

Кн. ВОЛКОНСКИЙ ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ, 1898 – 1976

Князь Владимир Дмитриевич начинал образование в Пажеском корпусе в Киеве и в эмиграцию попал молодым. Умер он в городе Булонь-сюр-Мер на берегу пролива Ла-Манш. Его отец Дмитрий Владимирович был выпускником Императорского училища правоведения в Петербурге и статским советником, занимал пост симбирского прокурора.

**ВОЛЫНИН АЛЕКСАНДР
ЕМЕЛЬЯНОВИЧ, 17.09.1882 – 3.07.1955**

Ученый балетмейстер Волынин был некогда партнером Анны Павловой, а позднее – учителем Сергея Лифаря.

ВОЛЬСКАЯ НИНА, 1.01.1891 – 15.03.1957

Хотя культурная жизнь в Ницце сильно уступала парижскому кипению, а все же и здесь устраивали литературные «четверги», зачитывали свои литературные опыты, да и чужие произведения тоже. 17 июля 1930 года на очередном четверговом заседании Литературного кружка в Ницце Н. Вольская зачитала главу из своего романа «Дансер».

ВОРОНКО АННА, fondatrice de ce monument, erige en memoire des soldats, 1890 – 1971

Парижский антиквар Анна Феликсовна Воронко уезжала в начале войны по своим делам в Финляндию, а когда вернулась, то узнала, что ее единственный сын Эдик ушел добровольцем на фронт сражаться за Францию, попал в окружение на Сомме и был убит. Безутешная мать перевозит сына на русское кладбище, а потом начинает поиски и чужих мальчиков, чужих солдатиков. Она покупает большой участок на кладбище Сент-Женевьев, заказывает памятник и начинает разыскивать затерянных и забытых русских мальчиков, разбросанных по полям войны. Для этой красивой, энергичной, отнюдь не бедной, самостоятельной и одинокой женщины не существовало препятствий. В жару и в зимнюю непогоду колесила она по дорогам Франции, разрывала ямы на военных кладбищах... Как знать, может, открывшийся ей океан людских несчастий и ее труд сострадания помогли ей пережить свое собственное горе. Она завещала похоронить себя среди ее солдатиков...

Бар. ВРАНГЕЛЬ (ур. ЕЛПАТЬЕВСКАЯ) ЛЮДМИЛА СЕРГЕЕВНА, 1881 – 1969

Баронесса Людмила Сергеевна Врангель, которую многие эмигранты помнят кокетливой и говорливой старушкой-дачницей из приморского Ла Фавьера, прожила удивительную жизнь. Дед ее был священником, а отец Сергей Елпатьевский, врач по профессии (одно время, после революции, даже кремлевский врач), был писатель-народник, автор очерков, рассказов, знаменитых мемуаров, друг Горького, знавший всех на свете: и Чехова, и Бунина, и Станиславского, и Л. Андреева – все они бывали на даче Елпатьевского в Ялте, так что их всех видела и знала с молодости Людмила Сергеевна. Она вышла замуж за барона Николая Врангеля, путейского инженера, строившего железную дорогу в Крыму под началом инженера и писателя Гарина-Михайловского. О том Крыме, об экзотическом, благословенном Крыме конца XIX – начала XX века, как и о более позднем – о Крыме последней катастрофы (о Баты-Лимане, Ялте, Партените, Бакунинской Щели), Людмила Сергеевна рассказывала друзьям и писала в своих воспоминаниях. Во Франции они с мужем построили дачу на «Русском холме» в Ла Фавьере, который и ей, и Билибину, и Милюкову, и Саше Черному напомнил их былой крымский Баты-Лиман. Ла Фавьер стал средиземноморским Баты-Лиманом. В 1935 году в мансарде у Врангелей снимала комнату М. Цветаева (и томилась, бедная, оттого, что молодежь не обращала на нее внимания, а многие уже сторонились – из-за «советчика»-мужа). Впрочем, кто ж там только не жила, в легендарном Ла Фавьере, на даче Врангелей!

Когда родившийся в том же Ла Фавьере князь Алексей Оболенский начинает рассказывать мне о ежедневных своих встречах с пожилой, но все еще кокетливой Людмилой Сергеевной (он был лет на 60 ее моложе), мне остается только вздыхать, что мы не можем с ней побеседовать нынче, обо всем ее расспросить...

Ее спокойный и солидный муж, инженер-путеец барон Николай Врангель, который напрасно пытался привить юному Алеше Оболенскому (ныне он филолог, певец и художник) вкус к математике, покоится рядом с супругой, равно, как и сын их Сергей, и его вдова Марина, надолго пережившая и мужа, и всю мужнину родню.

ВУИЧ (ур. НОВИКОВА) АННА ИВАНОВНА, 24.11.1881 – 24.02.1949

В Париже Анна Ивановна Вуич-Новикова, женщина, обладавшая тонким вкусом, держала небольшой дом моды «Анек» (белье, аксессуары). «Моя мать была очень элегантной женщиной в Петербурге, всегда одевалась в Париже, и у нее был чудесный вкус», – сообщила историку моды А. Васильеву дочь А. И. Вуич леди Абди, с которой Васильев повидался незадолго до ее смерти. На мнение леди Абди, дочери А. И. Вуич от ее первого брака со знаменитым актером Александринского театра Григорием Григорьевичем Ге (художнику Ге он приходился племянником), можно, по мнению А. Васильева, вполне положиться, ибо леди Абди была «эталоном вкуса и красоты в Париже в 20 – 30-х годах» и «одной из самых знаменитых светских красавиц Парижа в 30-е годы» (по свидетельству С. Лифаря, она была в 20-е годы подружкой Дягилева, да иначе и не могло случиться, ибо леди Абди дружила с Мисей Серт и работала на Г. Шанель). А. Васильев цитирует в своей книге «Красота в изгнании» июньский номер журнала «Вог» за 1925 год:

«Леди Абди, одна из красавиц иностранного общества в Париже, одевается всегда по сугубо личному фасону. Ее вкус неоспорим и не подвержен влиянию. Она может пробудить вдохновение у создателя женских туалетов».

В общем, эта знаменитая дочь А. И. Вуич была законодательницей моды в мировой столице моды Париже. Как объясняет А. Васильев, в высшее парижское общество были приняты тогда лишь титулованные русские законодательницы моды вроде великой княгини Марии Павловны, княгини Ирины Юсуповой, княгини Мери Эристовой, Гали Баженовой, леди Детердинг, Нюси Ротванд-Муньес, княжны Натали Палей. К их новой парижской роли подготовил этих русских дам их безупречный вкус, развитый образованием, средой, воспитанием. Дочь выдающегося актера и правнучка французского эмигранта, будущая леди Абди росла в придворном и художественном кругу Вуичей (отчим ее, выйдя в отставку, служил в Дирекции Императорских театров), девочкой воспитывалась в Павловском институте, потом в частной школе, расположенной в замке Монтшуазьен под Лозанной, рисовала, играла на рояле в кинематографе, создавала модели модных сумок в ателье матери Анны Ивановны Вуич (их копировала Г. Шанель), вышла замуж за молодого, богатого аристократа и фанатика антиквариата сэра Роберта Абди, совершила кругосветное путешествие на яхте с директором «Дженерал электрик» Уильямсом и его супругой (Цейлон, Индия, Малайзия, Таиланд, Сингапур, Бирма, Китай, Япония, Джибути...), и еще, и еще... Похоже, что ни экзотическая смесь кровей (Новиковы ббыыли потомками татарского хана, Ге – французского эмигранта), ни воспитание, ни все эти яркие и пестрые впечатления жизни не пропали даром для восприимчивой и талантливой русской красавицы Ии Григорьевны Новиковой-Ге-Уонгеянс-Абди, фотографировать которую почитал за честь сам великий Мэн Рей...

Родственники второго мужа Анны Ивановны Вуич покоятся здесь же – все по большей части военные – гвардейцы, поручики, капитаны...

ВЫРУБОВ ВАСИЛИЙ В., 1879 – 1963

В. В. Вырубов (не имевший близкого родства с известной фрейлиной последней императрицы) происходил из старинного боярского рода. Василий Васильевич Вырубов был известным общественным деятелем, политиком и автором мемуаров. Под влиянием своего знаменитого дяди, будущего российского премьера князя Г. Е. Львова, В. В. Вырубов втянулся еще до мировой войны в деятельность Земского союза. «Земства... – рассказывает сын В. В. Вырубова, мой парижский знакомый и герой Второй мировой войны Николай Васильевич Вырубов, – всегда были либеральны и в большинстве случаев представляли собой оппозицию властям, а власти всячески препятствовали земской деятельности, видя в ней нежелательную противоборствующую силу. Сила была, и в самом деле, значительная. Во время первой мировой войны в России было около 190 тысяч земских служащих. Деятельность Земского союза носила самый широкий характер – от организации помощи армии во время войн – до содействия переселенцам в Сибирь в мирное время». В упомянутое его сыном время войны В. В. Вырубов представлял Земско-городской союз по делам Западного фронта в ставке главнокомандующего, при генерале Алексееве. На фронте земская демократия России (о которой так мало известно нынешним россиянам) показала свою высокую жизнеспособность. Попавший в январе 1917 года на фронт в качестве корреспондента «Русских ведомостей» писатель Алексей Толстой писал о земстве и о Вырубове: «Иностранцы не понимают, сколько ни толкуй, что такое Всероссийский Земский Союз. Думаю, что и многие русские не дали бы по этому поводу точного ответа. Настолько эта организация единственна, своеобразна и пока еще трудно определима. Во многом она еще в потенции, возможности ее неисчерпаемы.

Прежде всего это – свежая организующая сила. Начавшись с десятка санитарных поездов, эвакуирующих раненых из тыла в глубь России, Союз строит сейчас мосты, сооружает больницы, ангары, целые городки для рабочих, солдат, беженцев, имеет свои механические мастерские, колонны автомобилей, prepares палатки, телеги, повозки, сани, кухни, упряжь, одежду, обувь, противогазовые маски и т. д. (Я не считаю тыловых предприятий). Имеет свои заводы – химические, мыловаренные, кожевенные, лесопильные. Раскидывает повсюду питательные и перевозочные пункты, госпитали, бани и прачечные... Наконец, в собственных столовых кормит и обучает грамоте более десяти тысяч беженских детей, по большей части сирот, до которых раньше не было никому дела... Всего учреждений Западного комитета свыше 1500, и ежемесячный оборот их – около 20-ти миллионов...».

Так вот, во главе всей этой деятельности, которая началась «под огнем, в суматохе обозов, при зареве пылающих деревень и складов», стояла поразившая тогда воображение А. Толстого фигура Василия Васильевича Вырубова: «Это человек сгущенной воли. Он всегда напряжен и тревожен. Где бы он ни появлялся, вокруг него, как вихрь, начинается лихорадка работы.

...Это – человек большого роста, с военной выправкой, стремительными движениями, широким шагом. На открытом крепком лице – веселые светлые глаза под черными косматыми, точно усы, бровями, и, как всегда в русском лице, вся энергия в глазах, лбе, в круглом черепе. Помню, он входит, как всегда в военной форме без погон, с портфелем, из-под косматых бровей блестят веселые глаза. Быстро расшаркиваясь, поворачиваясь к одному, к другому, одного схватив за локти, другого загнав в угол к печи, он говорит отрывисто, неожиданно: он только что достал пятнадцать миллионов и новое предприятие обеспечено, пусть оно кажется невыполнимым на первый взгляд, но на то и общественная организация, чтобы невозможное стало возможным.

Позднее Василию Васильевичу Вырубову довелось быть товарищем (то есть помощником) министра внутренних дел Временного правительства, генеральным секретарем русской делегации на Версальской конференции 1919 года, членом правления Земгора в пору эмиграции. Между войнами, в эмиграции, этот известный деятель был настоящим институтом русской эмигрантской колонии. Его сын Николай Васильевич вспоминает, что, уезжая насовсем из Парижа – кто на гибель к большевикам (как князь-коммунист Святополк-Мирский), кто на свою беду в немецкую армию, – русские люди непременно приходили проститься с Вырубовым...

В. В. Вырубов был в эмигрантские годы во Франции одним из самых знаменитых русских масонов, управляющим мастером Совета Объединения русских лож Древнего и Принятого Устава, занимал видные посты в различных масонских организациях, входил, в частности, в правление Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией, и еще, и еще...

В военном 1915 году у В. В. Вырубова и его жены (урожденной Галаховой) родился сын Николай (заниматься которым у деятельного В. В., понятное дело, не нашлось времени). Вторая мировая война застала Николая Вырубова на занятиях в Оксфорде. Услышав по радио призыв генерала де Голля к Сопrotивлению, он отправился в Лондон и одним из первых десяти добровольцев записался в войска «Свободной Франции». Позднее генерал де Голль, еще не имевший в ту пору права распоряжаться орденом Почетного Легиона (привилегия президента), наградил Николая Вырубова своим высочайшим орденом – орденом Освобождения. После войны Николай Вырубов составил «русский список» кавалеров креста Освобождения, из которых он один остался в живых, а также преданный гласности Содружеством резервистов французской армии список русских воинов, павших на войне. В предисловии к подаренной мне Н. Вырубовым памятной брошюре, содержащей этот список, Николай Вырубов считает нужным объяснить мотивы, которые руководили русскими эмигрантами, которые ушли тогда на войну добровольцами, несмотря на неприяние ими большевистского режима. Это очень важный текст, он объясняет и высокие чувства русских эмигрантов, и их заблуждения, и их трагедии, поэтому позволю себе процитировать его полностью:

«Для того чтобы глубже вникнуть в мотивы, двигавшие Сопrotивлением, следует разделить войну на три периода:

1939 – 1940 гг. Некоторые эмигранты, не подлежащие мобилизации, пошли во французскую армию добровольцами и сражались в ее рядах вплоть до перемирия. Ими руководило чувство долга по отношению к Франции, общность судьбы с теми людьми, среди которых они жили.

1940 г. Некоторые русские добровольно вступили в войска генерала де Голля. Им хотелось участвовать в войне, сражаться за «свою вторую Родину», с которой они были связаны культурой, и отделаться от эмигрантского ярлыка. Они не чувствовали себя связанными перемирием 1940 года, ими руководило желание внести свой вклад в достижение победы.

После перемирия кажущаяся безнадежность положения, как бы ненужность личного участия, вопреки логике еще более вдохновляла их.

После 1941 года все резко изменилось: родина подверглась нападению, само ее существование было под угрозой. Для тех, кто был воспитан в русском духе, жил в русской среде, главным мотивом участия в войне безусловно стала Россия. Одни боролись за победу на стороне союзников, других искреннее желание избавить страну от коммунистического ига привело к тяжелому заблуждению – сотрудничеству с немецкими войсками.

По ходу войны, возмечтав о том, что боевое содружество приведет к изменению обстановки в стране, некоторые стали стремиться домой.

Однако не следует считать желание вернуться в Россию во время войны или вскоре после нее советофильством. О возвращении думали многие, вовсе не будучи сторонниками советского строя. Безответственность советских властей помешала осуществить стремление вернуться, а те, кому это удалось, подверглись жестокому преследованию.

Н. Вырубов.

Париж, июнь 1991 г.».

Это поразительный документ. Вы еще вспомните о нем, когда мы дойдем до могилы многострадального И. А. Кривошеина, друга Н. В. Вырубова (последняя строка словно о нем написана). Но конечно, только человек, выросший на Западе, может предположить, что палаческая хитрость Молотова или Берии была чьей бы то ни было «безответственностью». Понятно, что русский интеллигент Николай Вырубов, говоря о «безответственности», имеет в виду ответственность перед народом, страной, а не подчинение всем приказам правящей партии, вменяемое в обязанность «ответственным работникам» в Советской России.

Поразительным документом был и составленный Н. В. Вырубовым «русский список» кавалеров креста Освобождения. Из десяти человек в этом списке только два (Вырубов и Румянцев) – русские по крови, остальные – россияне, русофилы и русские патриоты (в списке одно грузинское имя, два армянских, два французских и три еврейских), однако Вырубов справедливо рассудил, что это русские герои, потому что они были «воспитаны в русском духе, жили в русской среде» и для них «главным мотивом участия в войне безусловно стала Россия». Напомню, что один из этих героев, рожденный в Москве Ромэн Гари (Роман Кацев), стал после войны известным французским писателем...

**Кн. ВЯЗЕМСКАЯ (ур. гр. ЛЕВАШОВА) МАРИЯ
ВЛАДИМИРОВНА, 5/17.03.1859 – 24.09/7.10.1938**

Это была та самая графиня Левашова, на которой женился генерал кавалерии, член Государственного совета князь Леонид Дмитриевич Вяземский (умер еще в 1909 году в Лозанне). Таким образом, она приходится прабабушкой нынешней французской писательнице Анне Вяземской. Ее дочь, княгиня Лидия Леонидовна Васильчикова, погибшая в Париже в 1948 году, похоронена на этом же кладбище.

**Кн. ВЯЗЕМСКАЯ, графиня ЛЕВАШОВА
(урожд. графиня ВОРОНЦОВА-ДАШКОВА)
СОФЬЯ ИВАНОВНА 13.08.1892 – 30.01.1958**

Княгиня Софья Ивановна Вяземская была супругой князя В. Л. Вяземского, матерью Нины Владимировны (была замужем за Алексеем Татищевым, который после их развода женился на княжне Ирине Голицыной) и Ивана Владимировича (женат был на Марии-Терезии Клэр Мориак, дочери писателя-академика). Стало быть, Софья Ивановна приходилась бабушкой Анне Ивановне Вяземской (Анн-Франс-Софи Вяземски – в 1967 году она вышла замуж за знаменитого кинорежиссера Жана-Люка Годара и стала кинозвездой, а ныне она известная писательница, лауреат академической премии) и ее брату Петру Ивановичу Вяземскому (в 1971 году он женился на Фабьен-Клэр Серван Шрайбер, дочери Жан-Клода Серван-Шрайбера).

Кн. ВЯЗЕМСКИЙ, граф ЛЕВАШОВ, ВЛАДИМИР ЛЕОНИДОВИЧ, 1889 – 1960

Князь В. Л. Вяземский родился в 1889 году в Астрахани, умер в 1960 году в Париже. Он был лейтенантом лейб-гвардии гусарского полка и приходился дедом французской писательнице Анне Вяземской. Вторым ее дедом (со стороны матери) был знаменитый писатель Франсуа Мориак.

Князь В. Л. Вяземский был многоопытным масоном, досточтимым мастером ложи «Астрея» и почетным управляющим мастером. На посвященном его памяти траурном собрании Объединения русских лож брат Д. Н. Ермолов сказал:

«Масонская работа брата Владимира Леонидовича есть для нас урок постоянства в вере в оправданность нашего дела и ясного понимания нашего долга как русских людей. Он знал, что будущее России заключено прежде всего в судьбу русской культуры, т. е. в свободу духовного развития и творчества русского народа, и на чужбине неутомимо работал как Вольный Каменщик во славу этой свободы. До самого ухода своего на Восток Вечный брат Владимир Леонидович крепко держал в руках орудия Вольного Каменщика и ими действовал и выпустил из рук только сраженный смертью...».

Выступал на этом собрании и брат В. В. Вырубов:

«Ты слышишь, Дорогой Брат, мои тихие слова любви и чувствуешь мою светлую грусть по тебе. Прими же их как связку полевых цветов со степи твоей родной тамбовской вотчины, которую и ты, и твоя семья так любили...».

Кн. ВЯЗЕМСКИЙ, граф ЛЕВАШОВ, ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ, 1915 – 1964

В эмиграцию Иван Вяземский был увезен ребенком. Во время Второй мировой войны он служил во французской армии, попал в плен и находился в лагере военнопленных близ Дрездена, где летом 1943 года его навестила кузина, княжна Мария Васильчикова, оставившая в своем прославленном дневнике описание этого визита (комментируя эту запись в русском издании дневника, брат княжны Георгий Васильчиков счел своим долгом предварить ее следующим замечанием: «Читателя поразит, очевидно, почти рыцарское отношение немцев к своим западным пленным, по сравнению с ужасами, царившими в лагерях для советских пленных»). Вот этот рассказ княжны Марии (по-семейному Мисси) Васильчиковой о поездке к военнопленному Ивану (по-семейному Джиму): *«Понедельник, 16 августа. На рассвете отправилась в лагерь Джима Вяземского... Сойдя в какой-то деревне, я полчаса шла по полям. Лагерь Джима окружен колючей проволокой. У главного входа я вновь предъявила свой документ... мы вышли из лагеря и пешком отправились на пикник. Мимо проезжали машины с немецкими военными, но никто не обратил внимания на женщину, гуляющую по лесу с французским офицером в форме. Это показалось нам очень странным. Джим с головой ушел в работу, он выполняет обязанности переводчика с английского, русского, немецкого, французского, польского и сербского... Всю жизнь у него некрасиво торчали уши, а теперь он решил воспользоваться вынужденным досугом, чтобы подвергнуться операции и выправить их... Я принесла с собой жареного цыпленка и шампанское от Татьяны, а Джим подарил мне чай и пластинку с записью симфонии Чайковского “Манфред”...».*

Идиллический лагерь под Дрезденом оказался лишь временным, пересыльным лагерем, где комендантом был симпатичный врач-либерал. Позднее Иван Вяземский изведal настоящие лагеря, где познакомился с множеством русских собратьев, которые звали его «товарищ князь» (об этом рассказал мне живущий в Париже сын князя Пьер (Петр Иванович) Вяземский, брат писательницы Анны Вяземской и внук Франсуа Мориака. Позднее в чине лейтенанта «Джим» до самого 1948 года служил во французских оккупационных войсках в Германии. Как и у многих русских эмигрантов, у него было тогда впечатление, что в России «что-то меняется» (вечная эмигрантская надежда). Русские военные предлагали ему вернуться в Россию и даже обещали повышение в чине, как предлагали некогда князю Николаю Вырубову (верно угадавшему, что он может сгодиться в сталинской России лишь средствами пропаганды, да еще «органам» шпионажа). Может, впрочем, простые русские офицеры искренне верили в то, что князь Вяземский выживет в России. На его счастье, он не согласился (поставив условием возвращение всей семьи и сразу получив отказ) и уцелел. Сын Ивана Вяземского Петр вспоминает сегодня, как горд был его отец, узнав, что в космос первым полетел русский...

После войны знание языков сослужило Ивану Владимировичу Вяземскому добрую службу – он работал в международных организациях, был дипломатом, занимался в ООН проблемами европейской эмиграции. Сразу после войны он женился на француженке, дочери знаменитого писателя Франсуа Мориака, и весной 1947 года в Берлине у него родилась дочь, будущая писательница. Впрочем, в ранней молодости эта дочь (Анна Вяземская) была киноактрисой, снималась в знаменитых фильмах французской «новой волны», была даже замужем за ультралевым режиссером-маоистом Годаром. Роман Анны Вяземской «Гимны любви» рассказывает о ее знакомстве (настоящем или придуманном) с бывшей женовской любовницей отца. Об отце она пишет с большой нежностью и симпатией. С годами русское родство занимает французскую писательницу Анну Вяземскую все больше,

и последний ее роман – о дяде, убитом в его русской усадьбе в пору Гражданской войны, – удостоен был премии Французской академии... Что до отца ее, Ивана Владимировича, то он безвременно скончался от рака и упокоился рядом с другими Вяземскими под этими вот, почти русскими, березами...

Видимо, это живущий ныне, как и его сестра-писательница, в Париже князь Петр Иванович Вяземский (Пьер) дал для московского издания дневников Мисси Васильчиковой лагерную фотографию отца, описание которой попало в роман Анны Вяземской «Гимны любви»:

«Это портрет, который нам с братом нравится больше всех его фотографий. Свой экземпляр я заткнула под раму зеркала, висящего над камином в моем маленьком кабинете. Так что мне стоит только поднять голову, чтобы увидеть его оттопыренные уши, его высокий лоб и его испуганный взгляд. В этом исхудавшем лице вся хрупкость молодости и страх пленника. Как после освобождения из плена в 1944 добыл он эту фотографию, сделанную, скорей всего, немцем, остается тайной, в которую даже мой хитроумный брат до сих пор не проник...».

Сестра Мисси Васильчиковой Татьяна де Меттерних виделась с Иваном сразу после войны, в Германии, и рассказала об этом в одной из своих написанных по-французски мемуарных книг:

«Первый, кто пришел к нам, был мой кузен Джим Вяземский, который явился прямо из лагеря военнопленных близ Дрездена, где мы с мамой часто навещали его. Он спас немецкого коменданта лагеря, попросту увезя его на Запад перед приходом русских.

Окруженный друзьями, бодрый и свежий, в своей новенькой форме французского офицера, он теперь имел в своем распоряжении джип и все военные причиндалы, от которых мой Поль только что избавился с чувством облегчения. Еще худенький и бледный, он так и сиял радостью после четырех лет лишений. Через некоторое время он женился на Клэр Мориак, дочери писателя. Он был вскоре назначен французским офицером для связи по особой просьбе высших русских офицеров, находившихся вместе с ним в лагере. Позднее эти офицеры начали исчезать, один за другим, и Джим узнал с ужасом, что эти герои войны стали жертвами сталинских чисток».

Вел. кн. ГАВРИИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ, 16.07.1887 – 28.02.1955

Великий князь Гавриил Константинович был правнуком императора Николая I, внучатым племянником Александра II и сыном великого князя Константина Константиновича, печатавшего стихи под псевдонимом К. Р., явившегося учредителем Высших женских курсов, ратовавшего за открытие народных школ в деревне и владевшего Мраморным дворцом близ Марсова поля в Петербурге. Великий князь Гавриил Константинович – один из немногих Романовых, кто избежал кровавой большевистской расправы. (Позднее он издал в нью-йоркском издательстве им. Чехова книгу воспоминаний «В Мраморном дворце», переизданную в России в 1993 году).

Чуть не 40 лет, до самой середины века, великий князь (получивший этот высокий, и некогда весьма доходный, титул лишь в эмиграции, в 1939 году, а до того считавшийся лишь «князем императорской крови») прожил в трогательной любви (а с апреля 1917 года и в браке) с бывшей балериной Мариинского театра Антониной Нестеровской. Рассказывают, что маленькая балерина спасла его от гибели весной 1917 года, предупредив о готовящемся нападении толпы и даже послав за ним автомобиль. В октябре 1917 года князь, как и все Романовы, был арестован большевиками и отправлен в Петропавловскую крепость. Антонина Нестеровская, настаивая на своем «простом происхождении», сумела добиться освобождения князя, о чем князь Феликс Юсупов так пишет в своих мемуарах: «Благодаря энергии и ловкости своей супруги, добившейся его освобождения, князь Гавриил избежал участи своих родственников. Остальные содержавшиеся в Петропавловской крепости вскоре были расстреляны. Великие князья Георгий и Дмитрий умерли с молитвами, Великий князь Павел, тогда уже тяжело больной, был убит, лежа на носилках, а Великий князь Николай – шутя со своими палачами и держа любимого котенка на руках».

Как сообщают некоторые авторы, выехать за границу помог великому князю М. Горький. В эмиграции, в Париже, Антонина Нестеровская (ставшая княгиней Романовской-Стрельнинской) открыла небольшой дом моды «Бери». По воспоминаниям одной старой эмигрантки, когда изготовление заказа по вине швеи запаздывало, сам великий князь выходил к клиентам, чтобы смягчить горечь ожидания: «Князь развлекал клиенток: долго показывал альбомы с семейными фотографиями, комментируя каждую, чтобы растянуть время и дать возможность закончить заказ».

В эмиграции князь и его супруга дружили с М. Ф. Кшесинской, жившей неподалеку, в «русском» районе Пасси. Свой дом моды княгине Антонине пришлось закрыть в 1936 году. Супруги жили в предместье Парижа, где князь устраивал для заработка партии в бридж, а княгиня давала уроки танца. Через год после смерти жены 64-летний князь Гавриил женился снова – на княжне Ирине Куракиной, которая пережила его чуть не на сорок лет и была похоронена здесь же.

**Кн. ГАГАРИН ВЛАДИМИР
АНАТОЛЬЕВИЧ, 1887 – 1946**
кн. ГАГАРИН ГЕОРГИЙ, aspirant
23e R. I. C. 15.07.1921 – 15.04.1945

16 апреля 1945 года, за три недели до конца войны, погиб у моста Оберкирх в Германии 24-летний командир отделения 23-го полка Колониальной пехоты князь Георгий Владимирович Гагарин. Он был посмертно награжден за храбрость Военной медалью и Военным крестом с двумя пальмами, отмечен двумя приказами по армии, оплакан боевыми друзьями, семьей, родителями. Его 59-летний отец, отставной моряк и герой Первой мировой войны князь Владимир Гагарин не смог пережить этой утраты.

Командир молодого Георгия Гагарина капитан Анри Бертран написал безутешным родителям письмо в Марокко: «Несмотря на свой молодой возраст, Ваш сын сделался одним из моих лучших друзей, наиболее уважаемым среди всех других людей моего отряда. Его подчиненные относились к нему с почтительным восхищением, вызываемым его порывом и храбростью. В первый же день атаки он захватил два орудия и взял в плен расчет. С этого дня его храбрость и дерзновение только увеличивались. 6-го апреля он с одним солдатом отправился в расположение вражеских войск за телом убитого офицера и успешно выполнил эту опасную миссию. В начале боя 16 апреля отряд Гагарина взял больше 20 пленных, но затем князь был ранен. Он отказался от помощи до окончания боя и был ранен вторично, на этот раз смертельно.

Этим доблестным поведением молодой кн. Гагарин еще раз засвидетельствовал славные традиции своей семьи».

Получив это письмо, отец Георгия князь Владимир Гагарин поплыл за море, чтоб увидеть могилу сына. Вот как рассказывает об этом кавалер креста Освобождения князь Николай Вырубов: «...князь Владимир Анатольевич, прослужив два года в русском военном флоте, вышел в отставку в 1909 году. По объявлении войны в 1914 году он добровольно, до призыва пошел в действующую армию и получил ряд боевых отличий вплоть до ордена Св. Победоносца Георгия. Вернувшись снова во флот и там закончив службу, кн. В. А. Гагарин вследствие революции был вынужден покинуть родину и поселиться на юге Франции, где и родился сын Георгий. Затем он был приглашен в Марокко для заведывания большим имением. По получении известия о трагической смерти сына единственным стремлением отца было посетить могилу его. С этой целью он 22.2.1946 отправился из Касабланки в Марсель для дальнейшего пути в Страсбург. На пароходе он уступил свою койку одной больной женщине и все путешествие – восемь суток – провел на палубе. Здесь он заразился тифом и скончался 23.3.1946 в госпитале в Париже. Отцу не удалось помолиться на могиле сына, но покоится он подле него – на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа».

Однажды, лет 20 тому назад, в Риме в гостях у сценариста и друга Феллини Тонино Гуэрры мы ели приготовленные Тонино спагетти с какой-то симпатичной, хотя и левой до ужаса, французской актрисой. Говорили о всякой чепухе – о кино, о макаронах... Откуда мне было знать тогда, что эта Маша Мерил (как выяснилось, очень знаменитая актриса во Франции) была родной дочерью князя Владимира Анатольевича Гагарина (она родилась от его второго брака в 1940 году, в Рабате) и сводной сестрой героического Георгия (Юрия) Гагарина (рожденного от первого брака Владимира Анатольевича – с княжной Шереметьевой).

Кн. ГАГАРИН НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, 1895 – 1986

На этой фотографии двадцатилетний князь (дожил он Божьей милостью до 90) Николай Николаевич Гагарин предстает в мундире Императорского Александровского лицея, из которого он был выпущен в 1915 году. Поскольку на здешнем кладбище (точно в стихах Пушкина, приуроченных к лицейской годовщине – 19 октября) сошлось сразу много бывших однокашников-лицеистов, самое нам время сказать несколько слов об этом знаменитом учебном заведении, одном из трех-четырех (наряду с Пажеским корпусом, Императорским училищем правоведения, Смольным институтом благородных девиц...) привилегированных учебных заведений для отпрысков знатных семей России. Лицей был основан в 1811 году и размещался сперва в Царском Селе. В первом его выпуске наряду с любимцем России Александром Пушкиным были будущий канцлер Горчаков и будущий адмирал Матюшкин. По стопам Горчакова послами России за границей стали еще 23 выпускника Лицея. Среди выпускников Лицея насчитываются также 74 сенатора, 48 губернаторов, 46 членов Государственного совета, 42 генерала и адмирала, 594 тайных и статских советника. В Лицее учились Салтыков-Щедрин, Я. К. Грот, Петрашевский и многие другие знаменитости.

Один из выпускников Лицея, сын виленского губернатора Д. Н. Любимова, после непродолжительного сотрудничества с нацистами ставший советским журналистом и выпустивший одну из первых московских книг об эмиграции, так вспоминал о своем Лицее: «Лицей давал среднее и высшее юридическое образование (с филологическим уклоном). Плата в этом закрытом учебном заведении была очень высокой: тысяча рублей в год, но сюда входили питание и полное обмундирование воспитанника. Особое внимание уделялось иностранным языкам... В Лицей принимались только сыновья потомственных дворян. Формально привилегии сводились к тому, что его бывшие воспитанники при зачислении на службу выгадывали один чин. Но по существу лицейские преимущества были очень велики: в лицее приобретались важные связи на всю жизнь, лицеистам открывались двери таких замкнутых учреждений, как канцелярия Министерства иностранных дел, Совета министров, государственная и кредитная служба, а оттуда, в свою очередь, открывался доступ к самым высоким постам.

Бутылочного цвета мундир, красные обшлага, серебряное шитье на воротнике, а в старших классах – золотое, треуголка, серая николаевская шинель до пят (с пелеринкой и бобровым воротником), да еще шпага в выпускной год! На фоне петербургских дворцов мы казались сами себе видением пушкинской поры. Романтическая дымка не мешала нам, впрочем, принимать как должное знаки почтения от соотечественников, которым не полагалось подавать руку, – капельдинеры, извозчики и швейцары неизменно величали каждого лицеиста “сиятельством”...».

Остается добавить, что среди выпускников Лицея по меньшей мере 15 были выходцами из рода Голицыных, 14 – из Крупенских, 12 – из Корфов, 10 – из Врангелей, 8 – из Шаховских...

Что касается демократического пафоса любимовского описания Лицея, то любой житель демократической Франции и еще более демократических США замечал существование привилегированных школ, колледжей и университетов, позволяющих в первую очередь оказаться в замкнутом кругу «более равных». В стране победившей охлократии – СССР – тоже существовали МГИМО, МГУ, ВПШ, так что Александровский лицей не был исключением из правила...

Гуляя недавно по Петербургу, я забрел в какой-то сад на Каменноостровском и присел на скамейку в тени. Сад был замусорен, изгажен, на скамейках сидели бесцеремонные парочки и шумные компании – пили пиво, курили, матерились, совершали какие-то

делки... Оглядев внимательней изгаженный сквер и драный дворец, я понял, что судьба занесла меня ненароком в садик Александровского лица...

Кн. ГАГАРИНА (урожд. БУРДУКОВА) АННА ВАСИЛЬЕВНА, 12.12.1897 – 1989

Анна Васильевна Бурдукова родилась во Владикавказе, в эмиграцию уехала молодой – работала то ли горничной, то ли официанткой в Болгарии (или в Турции), где ее увидел ротмистр Дмитрий Голицын. Он женился на ней и привез во Францию. Прокормить супругу помогла князю жизнь при русском старческом доме в Сент-Женевьев-де-Буа, где князь Голицын исполнял обязанности регента домово́й церкви, благодаря чему Анна Васильевна попала в самое что ни на есть высшее общество, в котором получила прозвище «Просто княгиня». О происхождении прозвища рассказывает в своих похоронных мемуарах о. Борис Старк:

«Начало этого прозвища таково. К ним пришла новая работница, не то уборщица, не то сестра милосердия, и, желая познакомиться, спросила: «Как Вас зовут?», на что Анна Васильевна ответила: «Милочка, зовите меня просто княгиней». Так она «просто княгиней» и осталась в Русском Доме, где природным княжеством было не удивить».

Надо сказать, что о. Борис рассказывает о новоиспеченной княгине не без сарказма. Единственным ее достоинством он признает ее «очень красивый голос»: «Колоратурное сопрано, очень чистое и сильное... Они жили... в одном из флигелей, и, проходя мимо, можно было часто слышать, как княгиня Анна Васильевна занимается вокализациями».

Все прочее в княгине вызывает меньше энтузиазма у о. Бориса Старка: «Лицо Анны Васильевны было трудно разглядеть, так как под крашеными волосами была сплошная маска из косметики. Ко мне они оба относились хорошо из-за моего происхождения и из-за моих сиятельных родственников...» (Любопытно, что «возвращенец» о. Борис Старк называет себя в своих записках «советским человеком», но происхождение и родственников поминает на каждом шагу, а рассказ о князе Голицыне и его «Просто княгине» начинает так: «Он был женат на особе с не слишком благозвучной фамилией. Кажется, он встретил ее в Константинополе, где она работала горничной в ресторане...»).

Можно отметить, что представители древнейших родов России не разделяли этих предубеждений и мужских вкусов о. Бориса, ибо через 4 года после смерти князя Голицына Анна Васильевна Бурдукова (т. е. вдовья княгиня Голицына, которая уже приближалась к 60-летию) вышла замуж за 68-летнего князя Глеба Григорьевича Гагарина, бывшего полковника кавалергардского полка (его первая жена, урожденная графиня М. Д. Граббе, княгиня Львова по матери, умерла в Биаррице в 1942 году). Нельзя сказать, что, выйдя за князя Гагарина, княгиня Анна Васильевна «пошла по понижению». Род Гагариных идет от Рюрика через второго сына киевского князя Владимира II Мономаха князя Суздальского и Ростовского Юрия (умер в 1157 году). А птичье прозвище «Гагара» первым получил в этом роду последний князь Стародубский Михаил Иванович... Вот тебе и «особа с не слишком благозвучной фамилией»...

Кн. ГАГАРИНА (урожд. баронесса ПОММЕР-ЭШЕЕ) ЕЛИЗАВЕТА НИКОЛАЕВНА, 1893 – 1969

Как и многие в этом подлунном мире, княгиня Е. Н. Гагарина считала, что нет выше звания, чем звание артистка, и благороднее занятия, чем служение сообществу ближних. Окончив театральную школу в Петербурге, она поступила в петербургский Малый театр, и вскоре успех актрисы Валенской (это был ее сценический псевдоним) стал так велик, что ее пригласили в престижную Александринку. А потом грянула война. Как многие русские женщины (в том числе многие аристократки), она окончила курсы Общества Святого Георгия, чтобы уйти на фронт медсестрой. Увы, война не скоро кончилась. Началась Гражданская война – против захвативших власть насильников-большевиков. Рядом со своим мужем – полковником, командиром 20-го драгунского полка князем Владимиром Николаевичем Гагариным бесстрашная медсестра, в недавнем прошлом знаменитая петербургская актриса, прошла тяжкий путь боев и отступления – до самого Кавказа. Была ранена, награждена боевой медалью. А дальше – дороги изгнания: Константинополь, Польша, Париж. Еще в Константинополе княгиня Гагарина организовала театральную труппу, один из первых эмигрантских театров русского рассеяния (их потом было много). В межвоенные годы имя актрисы, героини и подвижницы то и дело мелькает в хронике эмигрантской жизни Парижа. Но мирная передышка была недолгой: снова война, и 46-летняя княгиня – медсестра (старшая санитарная сестра) перевязывает на фронте раненых французских солдат. Она, впрочем, еще и после войны была сестрой милосердия в парижском Красном Кресте...

ГАЗДАНОВ ГАЙТО (GEORGES), 1903 – 1971

О писателе Гайто Газданове я часто слышал от своей приятельницы Татьяны Осоргиной-Бакуниной, что это был человек прекрасный. Зная о взыскательной строгости Татьяны Алексеевны и слыша от нее такой отзыв о ком-нибудь, я должен был понимать, что речь идет о благородном человеке, о джентльмене, вдобавок о друге покойного мужа Татьяны – Михаила Осоргина, а может, даже и о франк-масоне. Гайто Газданов, кажется, соединял все эти высокие качества. Вдобавок он был большой писатель. Он был одним из двух крупнейших писателей, порожденных русской эмиграцией и начавших писать за границей. Первым обычно называют Набокова, вторым Газданова. Ревнивый Набоков и сам высоко ценил Газданова, ценил его прозу, упоминал его как бы ненароком в своих произведениях... При этом Газданов не был таким «счастливчиком», каким был Набоков. За спиной у него не стояли преданные отцовские друзья и отцовская репутация, как у Набокова, ему пришлось воевать, а когда он покинул Россию, он был моложе, беднее и необразованнее Набокова. Позднее у него была добрая милая жена-гречанка, но такие беззаветные и бестрепетные служительницы мужниного таланта и русской музыки, какой была Вера Слоним-Набокова, встречаются и в России нечасто... Так что Газданову пришлось пережить все невзгоды эмигрантской судьбы – и работать в порту грузчиком, и мыть паровозы, и ночевать под мостом. В течение почти четверти века знаменитый эмигрантский писатель Гайто Газданов был ночным таксистом. А еще он воевал в отличие от Набокова – сперва в армии Врангеля, потом в Соппротивлении, в подполье, когда немцы были в Париже...

Он учился урывками, на медные деньги, потому что на войну с большевиками он ушел после седьмого класса гимназии... Однако природа наделила этого русскоязычного осетина недюжинным талантом, а судьба изредка посылала ему удачи, чтоб не окончательно упал духом. Так после Галлиполи девятнадцатилетний белогвардеец Газданов случайно встретил в Константинополе кузину Аврору Газданову, балерину, которая помогла ему поступить в русскую гимназию. Гимназия переехала в Болгарию, но Газданов сумел ее закончить, а в Сорбонну поступил только в начале тридцатых, когда был уже знаменитым и нищим эмигрантским писателем, автором нашумевшего романа «Вечер у Клэр».

Четыре года он изучал историю литературы, философию, экономику в Сорбонне, но пережил настоящее отчаяние в середине 30-х годов. До него дошли слухи о болезни матушки, которая осталась во Владикавказе, у него больше не было сил. Именно тогда он напечатал в «Современных записках» свой отчаянный очерк про обреченность молодой эмигрантской литературы. Именно тогда стал просить Горького (высоко оценившего его знаменитый роман) похлопотать о его возвращении, хотя многое понимал про тогдашнюю подневольную Россию. Он никуда не уехал (да и Горького вскоре убрали с пути хозяева). Может, его морально поддержал Осоргин, который привел его к масонам для «строительства внутреннего храма», ибо душевный кризис было даже труднее пережить, чем скудость и полуголодную жизнь. В конце 30-х годов Газданов принес присягу Франции и воевал снова.

Во время немецкой оккупации Газданов вместе с женой Фаиной Ламзаки примкнул к Соппротивлению. Он выпускал подпольный листок, что было, конечно, смертельно опасным. Под влиянием послевоенного подъема русского патриотизма, советских побед и долгого, неуклонного полевения русских масонских лож Газданов садится сразу после войны за новый роман («На французской земле»). На рабочем столе у него были не «Севастопольские рассказы» или «Последний из удеге», а Пруст и «Вечер у Клэр», но и его «Молодая гвардия» была достаточно далека от военной реальности, ибо робкое полупроцентное французской Соппротивление вырастает в ней до размеров всенародной волны, а советские профессиональные разведчики предстают как некие мстители, упрямо бредущие на Запад сквозь

европейскую ночь. Военный роман Газданова затрагивает малоизвестную тему существования советских отрядов на французской территории, но вряд ли может служить подспорьем для историка. Роман очень скоро вышел по-французски, почти не был замечен и лишь полвека спустя появился в оригинале в России. Похоже, что взгляды самого Газданова на «эволюцию большевизма» и на собственный роман претерпели изменение уже вскоре после выхода в свет этой книги. Возможно, именно поэтому в послевоенном своем докладе «Писатель и коллектив», прочитанном в масонской ложе «Северная звезда» (где ж и поговорить с грамотными людьми о литературе, как не в ложе?), Газданов уже в 1946 году, как сообщает А. Серков, «выступил с позиций индивидуализма», а в следующем своем литературном докладе в ложе заявил, что художественное произведение должно выдержать дистанцию с описываемым историческим событием. То-есть, не надо назавтра после Бородинской битвы садиться за «Войну и мир». Ну, а выдержав дистанцию и оглядевшись, вчерашний певец таинственных комиссаров досточтимый брат Газданов и вовсе сообщил своим медленнее, чем он, созревающим братьям по ложе удивительные вещи. К тому времени, как его вернувшихся на родину русских друзей из бригады Соппротивления советские органы уже великодушно разместили в лагерных бараках ГУЛАГа (то есть, к весне 1948 года), оратор масонской ложи «Северная звезда» Г. Газданов выступил с докладом «Советская проблема (новый правящий класс)», в котором он, проанализировав сообщения о ситуации в СССР, пришел к выводу, что в ближайшее время никаких положительных изменений в Стране Советов, похоже, не предвидится и оттого стремление части русских эмигрантов вернуться на родину является результатом утопических мечтаний. Еще через пять лет, окончательно утвердившись в этом мнении, Газданов уехал в Мюнхен, где он до конца жизни работал на радио-станции «Свобода» (и даже руководил ее русской редакцией). Конечно, работа на радио отнимала много времени, но вечная нужда отступила, да и на прозу Газданов все же находил время. Вышел его новый роман «Призрак Александра Вольфа», который был переведен на четыре языка.

В 60-е годы Газданов прочел в масонской ложе интересные доклады о Гоголе и Чехове. Умер он в 1971 году, не дописав свой последний роман. Прозу его, вполне сложную и современную, многие критики считают менее «сделанной», чем набоковская проза, находят в ней меньше блеска. Но есть критики, которые видят в ней больше доброты, морального трепета, лиризма...

Подобно Бунину, Газданов постоянно ощущал «необыкновенную хрупкость жизни», «ледяное дыхание и постоянное присутствие смерти». Оставалось лишь, как всякому писателю, уповать на милость Божию и бессмертие родного слова, которому он посвятил жизнь...

Недавно на могиле Гайто Газданова был установлен новый памятник. Имя писателя известно теперь и в России, и в Осетии, и в далеких заокеанских университетах...

**ГАКЕН НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
general, 11.04.1865 – 5.04.1944
ГАКЕН (урожд. СТАРИКОВА) ОЛЬГА
НИКОЛАЕВНА, 2.05.1870 – 19.04.1944**

В своем мемуарном «Синодике» священник Русского дома о. Борис Старк рассказывает о трогательной любви и смерти супругов Гакенов, живших на втором этаже (или «во втором этаже») старческого дома: «Она уж давно лежала больной, а муж неизменно приходил в церковь с клетчатым пледом на плечах, как английский лорд. Они были чрезвычайно дружны, и, видя, как жена постепенно угасает, генерал заранее страдал, как он останется без жены. Их трогательная взаимная любовь напоминала старосветских помещиков...

Как-то, когда больной старушке было особенно плохо, после моего посещения муж вышел в коридор и со слезами стал говорить мне, что вот она уже без сознания, скоро умрет, и он не видит, как может быть без нее. Я подбодрил его, как мог. На другое утро, приехав в Русский дом, я увидел свет в покойнице и спросил, кто умер. Мне ответили: «Гакен». Ну, этого можно было ждать, еще вчера она была так плоха... «Да нет! Умерла не она, а внезапно умер сам генерал...» Это было совершенно невероятно. Ничего, кроме подавленного состояния, не предвещало скорую смерть. Комната Гакенов находилась почти над самой домовою церковью, но старушка была без сознания и не слышала ни отпевания мужа, ни то, как его выносили из храма почти из-под ее окон. Так Господь пожалел этих достойных супругов и не дал фактически ни одному пережить другого. Лежат они в одной могиле».

(Вы, наверное, отметили, что Ольга Николаевна пережила мужа на две недели.)

**ГАЛАХОВ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ,
губернатор Витебска, 1855 – 1936
ГАЛАХОВА (ур. ШЕНШИНА)
ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА, 1862 – 1947
ГАЛАХОВА (ур. ВЫРУБОВА) МАРИЯ, 1885 – 1941
ГАЛАХОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ, 1884 – 1928
ГАЛАХОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, 1911 – 1965
ГАЛАХОВА КИРА НИКОЛАЕВНА, 1886 – 1967**

Со своими родственниками, которые покоятся в этой могиле, знакомил меня мой старый парижский знакомый Николай Васильевич Вырубов. Мы сидели в его элегантном, просторном, увешанном картинами кабинете на авеню Иены и говорили о тех, кто давно уже довольствуется тесным коммунальным прибежищем на русском кладбище. Галаховы были родней Вырубову со стороны его матушки, урожденной Галаховой.

– Вы, наверное, заметили, – сказал Вырубов, – как мало воображения было у девушек из нашей семьи: девицы Галаховы выходили замуж за Вырубовых, а девицы Вырубовы – за Галаховых...

– Но это происходило только в двух-трех последних поколениях, вот ведь Ваш дедушка...

Николай Васильевич признал, что мое глубокомысленное наблюдение было верным. Его дедушка с материнской стороны Николай Павлович Галахов (который был не только витебским, но и орловским губернатором, а также камергером Высочайшего двора) женился на девице Ольге Васильевне Шеншиной, которая приходилась племянницей поэту Шеншину-Фету, а также племянницей писателю Ивану Тургеневу. Таким образом, тургеневское имение Спасское-Лутовиново досталось сестрам Галаховым (Марии и Кире), и Николай Васильевич Вырубов провел там детство.

– Сейчас там музей, – сказал мне Николай Васильевич, вполне признающий справедливость такого устройства...

Сын Николая Павловича и Ольги Васильевны (то есть дядя Николая Васильевича по матери) Александр Николаевич Галахов был ротмистром конного Кабардинского полка Дикой дивизии.

Здесь же похоронен его сын Николай Александрович, чей век был не слишком долг...

ГАЛИЧ (ГИНЗБУРГ) АЛЕКСАНДР АРКАДЬЕВИЧ, 19.10.1919 – 28.07.1977

Я знал этого милого, обаятельного, красивого и талантливое человека в Москве в «звездный час» его судьбы – в конце 60-х – начале 70-х, незадолго до его эмиграции. Но уверен, что это мое короткое знакомство с ним ничего не прибавило к тому, что я знал о нем раньше, заочно. Ибо хотя я и успел за этот год оценить его доброту и терпимость, его обаяние, его блестящую речь, его пение в узком, интимном кругу, это «реальное» общение дало мне все же меньше эмоций, чем сотни часов, проведенных у магнитофона, бесконечно певшего его голосом, чем это мое общение один на один с «настоящим» Галичем, или даже встречи на улице с «его» героями (и особенно – его героинями: они были все очень трогательными), чем обнаружение в своей собственной речи «его» неотвязной лексики.

Мне кажется, в жизни его тогда произошло чудо. Конечно, еще и раньше 60-х он был московский писатель, известный драматург, процветающий кинодраматург, лауреат и так далее, и даже в 30-е годы (как рассказывал мне один друг, его одноклассник) он уже был красивый, артистичный московский мальчик Саша Гинзбург, но он еще не был тогда Галичем. Конечно, он что-то декламировал, что-то писал (пьеса «Вас вызывает Таймыр», написанная вместе с К. Ф. Исаевым, и еще десяток пьес, сценарий «Верные друзья» и еще две дюжины сценариев), что-то ставил где-то, даже пел что-то, но все это было ненастоящее, вернее, такое, как у всех, или почти как у всех, может, чуть лучше или чуть честнее – и пьесы, и сценарии, и стихи... Но в конце 60-х годов он вдруг запел свое, совсем свое (он говорил мне, что это другое началось с «Милиционерши Леночки»), и Москва словно сошла с ума. Через несколько лет после блистательного Окуджавы появился в России новый прекрасный «бард», другой, конечно, но тоже замечательный – остроумный, злой, добрый, трогательный, лиричный... «Облака плывут, облака...»

И вот помню, как у нас в сценарной студии при московском Доме кино объявили, что со следующей недели курс у нас будет вести не А. Гребнев, а Галич, тот самый Галич... Пришла наконец следующая, долгожданная неделя, и он вошел в класс... Я испытал шок... Я даже не знаю, чего я ждал. Что войдет обглоданный тундрой (той, что он «кайлом ковырял») зек с железными зубами? Не знаю: я его никогда не видел. Вошел красивый усатый человек в замше, с трубкой, пахнувший дорогим табаком, дорогим коньяком и одеколоном... И я понял, что он был еще какой-нибудь год тому назад просто преуспевающий драматург, просто богатый сценарист (сколько их!) – но вот Господь избрал именно его, чтобы он все это нам рассказал, напел то, что он поет, Господь дал ему талант, послал его к нам, а нас к нему, чтоб мы слушали, открыв рот, боясь проронить слово... Это был его звездный час – он больше не повторился. В тот год мы летали вместе с ним в Ленинград, во Фрунзе, мы много общались – его нельзя было не любить, несмотря на его киношные замашки, на смешное и симпатичное (оно ему шло) пижонство... Он слетал тогда в Новосибирский научный городок, где ему присудили премию (не нобелевскую, но свою, молодежно-интеллигентскую) – слава его была в зените.

И вдруг какой-то высокий цековский чин услышал у себя дома его песни (младшее поколение новой партийной знати тоже под них «балдело») – и поднялся скандал. Галича исключили из Союза кинематографистов. Коммунистический тиран и его органы зашевелились: было страшно. Робкий от природы, я все же позвонил ему в тот вечер. Какая-то женщина сказала, что учитель не подходит, но спросила, что я хочу ему передать. Я сказал, что мы его любим и чтоб он наплевал на «их кино» и на «их союз». Позднее я прочитал у Раисы Орловой, что это она отвечала на звонки в тот вечер и записывала имена звонивших... Галич

уехал в эмиграцию, в Париж. Он любил этот город, его улицы и кафе. Он выступал здесь по радио, он ездил на гастроли, он ни в чем не нуждался, кроме обмирающих от восторга залов и кухонь – в Москве, в Новосибирске... Он даже выпустил сборник стихов... Но его «звездный час» больше не повторился... Вернее, новая слава пришла к нему, но это было уже в конце восьмидесятых, в «перестройку». Его тогда уже не было в живых. Он погиб нелепо и случайно. А может, и не случайно... И то, что мир наш пустеет с годами, с возрастом поколения, это тоже не случайно. Галич ведь и сам давно жаловался под перебор гитары: «Уходят друзья и уходят друзья... в осенние дни и в весенние дни...». Он ушел в неурочный декабрьский день 1977 года. В Париже, где и декабря-то настоящего не бывает. Как на десятках эмигрантских могил, на его надгробье евангельский текст: «Блаженны изгнанные за правду...». Господи, прости и гонителям тоже, бо не ведали, что творят...

Супруга его прожила еще десяток лет в Париже. Я встречал ее в русской библиотеке – одинокую, потерянную...

ГАРИНА (урожд. ВОНКОВСКАЯ) СОФЬЯ ДМИТРИЕВНА, 1897 – 1991

Софья Дмитриевна работала главной закройщицей в доме моды «Лор Белен» под началом балерины Тамары Гамзакурдиа. Она могла бы обшивать и россиянок в России, но так красивая одежда была тогда объявлена буржуазным предрассудком. Да и не на что стало русским одеваться. Помню, у моей бедной, красивой мамочки не было за всю жизнь ни одного красивого платья...

Работящая эмигрантка Софья Дмитриевна Гарина прожила 94 года. Из них 90 пришлось на страшный XX век...

ГЕОРГИЙ, архиепископ, 27.04.1893 – 22.03.1981

Архиепископ Георгий (Тарасов) был по образованию инженер-химик. В годы Первой мировой войны он окончил курсы авиаторов и в 1916 году послан был во Францию для изучения военной авиации. Здесь он поступил добровольцем во французскую авиацию, а демобилизовавшись, остался в Бельгии, где в 1940 году был рукоположен в священники. Был вначале в Брюсселе помощником о. Александра, и митрополит Евлогий так рассказывал об этом: «Другим помощником был священник Георгий Тарасов, прекрасный, кроткий, высоко нравственный пастырь; он имел такую же прекрасную жену-христианку, которая всецело отдала себя служению Христу и церкви; к сожалению, она скоро умерла».

В 1953 году о. Георгий был уже епископом, а после смерти митрополита Владимира в 1959 году стал архиепископом Франции и Западной Европы.

ГЕОРГИЙ (ВАГНЕР), архиепископ, 1930 – 1993

Отец Георгий (Вагнер) родился в протестантской семье в Берлине. Позднее мать его перешла в православие, а о. Георгий, закончив Богословский институт в Париже, остался преподавать в нем. В 50-е годы он был священником в православной берлинской церкви и учился на философском факультете университета в Западном Берлине. После смерти архиепископа Георгия (Тарасова) стал его преемником – архиепископом Франции и Западной Европы.

ГЕФТЕР АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ, писатель и художник, 1885 – 1956

В 1932 году Военно-морским союзом в Париже была издана книга стихов А. А. Гефтера «В море корабли». За ней последовали изданный в Брюсселе роман Гефтера «Игорь и Марина», сборник рассказов «Мояна», вышедший в Риге, а также напечатанный в Париже роман «Секретный курьер» и другие книги. Коллеги по русскому рассеянию (не только почтенный П. Пильский, но и молодые парижане Ю. Мандельштам и Б. Сосинский) неизменно откликнулись в печати на новые книги А. Гефтера.

После войны А. Гефтер (как и многие другие масоны – Н. Рошин, М. Струве, Н. Муравьев, А. Ладинский, Л. Зуров) сотрудничал в просоветских газетах «Русский патриот» и «Советский патриот», а в 1945 году даже сделал в ложе «Юпитер» доклад на модную тему – о вождах народа. Однако позднее он вернулся к своему любимому предмету и рассказывал в ложе о символах. Вот как сообщает об одном из его докладов историк масонства А. И. Серков:

«18 марта 1948 г. на заседании лож Юпитер, Гермес, Гамаюн и Лотос с энтузиазмом поэта и художника А. А. Гефтер в докладе «Поэзия символов» развил идею о связи красоты и гармонии с тайнами мироздания. Он считал, что великие символы, например, крест, всегда устремлены в вечность и призывают человека к высшим духовным ценностям, требуя от него предельной искренности и согласия с совестью».

ГИППИУС-МЕРЕЖКОВСКАЯ ЗИНАИДА НИКОЛАЕВНА, 20.11.1869 – 9.09.1945

10 сентября 1945 года, преодолев свой страх перед покойниками и похоронами, 75-летний Бунин пришел на панихиду по З. Н. Гиппиус, а потом рассказал жене:

«50 лет тому назад я в первый раз выступал в Петербурге и в первый раз видел ее. Она была вся в белом, с рукавами до полу и когда поднимала руки – было похоже на крылья. Это было, когда она читала: «Я люблю себя, как Бога!» и зал разделился – свистки и гром аплодисментов. – И вот, красивая, молодая, а сейчас худенькая старушка...».

В том самом 1895-м, о котором вспоминал Бунин, к 26-летней Зинаиде Гиппиус, начавшей печататься девятнадцати лет от роду, пришла громкая слава поэта, и она заняла почетное место среди русских символистов, среди самых столпов «декадентства». В 1889 году двадцатилетняя Зинаида Николаевна Гиппиус (отец ее был из давно обрусевших немцев) вышла замуж за 24-летнего, едва закончившего университет Дмитрия Сергеевича Мережковского, с которым и прожила всю долгую жизнь. После его смерти она вспоминала: «Мы прожили с Д. С. Мережковским 52 года, не разлучаясь со дня нашей свадьбы в Тифлисе ни разу, ни на один день». Вряд ли это был традиционный брак, из тех, от которых рождаются дети, но они ведь и люди были необычные. (Письма Гиппиус к Берберовой, выпущенные в свет последней, показались мне любовными письмами. Любовным треугольником часто называли и тройственный союз четы Мережковских с Д. Философовым или с В. Злобиным.) И все же этот брак, этот духовный, идейный, литературный союз, оказался на редкость прочным, надежным и долговечным.

В 1899 – 1901 годах Гиппиус печатает в «Мире искусства» статьи о литературе, чуть позже вместе с мужем и В. В. Розановым организует Религиозно-философские собрания, издает с мужем и Д. Философовым журнал «Новый путь». До 1910 года она успела издать двухтомник своих весьма популярных стихов, но еще более популярными были ее книги, изданные в последующие годы. Зинаида Гиппиус становится яркой и очень знаменитой звездой русского литературного небосклона. Сохранилось множество ее литературных и живописных портретов. Вот один из них, набросанный поклонницей (Бр. Погореловой):

«Соблазнительная, нарядная, особенная. Она казалась высокой из-за чрезмерной худобы. Но загадочно-красивое лицо не носило никаких следов болезни. Пышные темно-золотистые волосы спускались на нежно-белый лоб и оттеняли глубину удлинённых глаз, в которых светился внимательный ум. Умело-яркий грим. Головокружительный аромат сильных, очень приятных духов. При всей целомудренности фигуры, напоминавшей, скорее, юношу, переодетого дамой, лицо З. Н. дышало каким-то грешным всепониманием. Держалась она как признанная красавица, к тому же – поэтесса...».

А вот и еще один портрет, набросанный писательницей и общественной деятельницей (А. Тырковой-Вильямс), которая «массовому увлечению не поддавалась»:

«Она была очень красивая. Высокая, тонкая, как юноша, гибкая. Золотые косы дважды обвивались вокруг маленькой, хорошо посаженной головы. Глаза большие, зеленые, русалочьи, беспокойные и скользкие. Улыбка почти не сходила с ее лица, но это ее не красило. Казалось, вот-вот с этих ярко накрашенных губ сорвется колючее, недоброе слово. Ей очень хотелось поражать, притягивать, очаровывать, покорять... Зинаида румянилась и белилась, густо, откровенно, как делают это актрисы для сцены. Это придавало ее лицу вид маски, подчеркивало ее выверты, ее искусственность. И движения у нее были странные, под углом... ее длинные руки и ноги вычерчивали геометрические фигуры, не связанные с тем, что она говорила. Высоко откинув острый локоть, она поминутно подносила к близоруким глазам

золотой лорнет и, прищурясь, через него рассматривала людей, как букашек, не заботясь о том, приятно ли им это или неприятно. Одевалась она живописно, но тоже с вывертом... пришла в белой шелковой, перехваченной золотым шнурком тунике. Широкие, откинутае назад рукава шевелились за ее спиной, точно крылья».

Как многие русские интеллигенты, Зинаида Гиппиус призывала и приветствовала революцию, но зато сразу разглядела пришествие «власти тьмы» в октябре 1917-го: «О, какие противные, черные, страшные и стыдные дни!». Дневники последующих бурных трех лет («Синяя книга», «Черная книжка», «Коричневая тетрадь») представляют особый интерес среди всего написанного Зинаидой Гиппиус – для тех, кто хочет погрузиться в «окаянные дни». Зинаида Гиппиус до конца жизни оставалась непримиримым врагом коммунистического насилия, поборником свободы и веры... В 1919 году З. Гиппиус с мужем покинула Петроград. Она писала незадолго до бегства:

И мы не погибнем, – верьте!
Но что нам наше спасенье?
Россия спасется – знайте!
И близко ее воскресенье.

Но спасенье России было не близко. И в привычном Париже Зинаида Гиппиус томилась по оставленной земле:

Как Симеону увидеть
Дал ты, Господь, Мессию,
Дай мне, дай увидеть
Родную мою Россию.

Супругам Мережковским повезло – в один из прежних дореволюционных приездов в Париж они купили квартиру близ Сены, в 16-м округе. Здесь они и доживали эмигрантские годы, стараясь продолжать (на своих «воскресеньях») петербургские традиции литературных салонов и даже пушкинской «Зеленой лампы». У них дома по-прежнему спорили о литературе, религии, политике, и чета эрудитов задавала тон... Супруги по-прежнему много писали, много печатались, учили молодых литераторов... Квартира на рю Колонель Боне в Пасси долгое время спасала их от бездомности и одиночества. Но нужда, новая война, старость и болезни настигли их в свой черед...

ГЛЕБОВА-СУДЕЙКИНА ОЛЬГА АФАНАСЬЕВНА, 1890 – 1945

В этой могиле – подруга Анны Ахматовой и героиня ее знаменитой «Поэмы без героя», прославленная «Коломбина 10-х годов» (по выражению той же Ахматовой), королева питерской богемы и кабаре «Бродячая собака», вдохновительница поэтов, художников, актеров, да и сама – талантливая актриса, танцовщица, скульптор, швея, поэт-переводчик...

В эту пленительную Олечку влюблены были В. Хлебников, Ф. Сологуб, И. Северянин, С. Судейкин, А. Лурье, молодой гусар и поэт Всеволод Князев, покончивший из-за нее самоубийством.

Красавица, как полотно Брюллова,
Такие женщины живут в романах,
Встречаются они и на экране...
За них свершают кражи, преступления,
Подкарауливают их кареты
И отравляются на чердаках...

Так писал об Олечке Судейкиной поэт Михаил Кузмин, дважды бывший ее соперником в любви. Ее называли «Весной Ботичелли», русалкой, Эвридикой...

Снегурка с темным сердцем серны,
Газель оснеженная – ты...

– сказал о ней Игорь Северянин.

Ольга играла на сцене, танцевала в «Бродячей собаке», лепила фигурки для фарфорового завода, шила кукол. «Ольга Афанасьевна была одной из самых талантливых натур, когда-либо встреченных мною», – вспоминал сорок лет спустя композитор Артур Лурье.

А на дворе сменялись война, революция, Октябрьский переворот, новая война, голод... Жизнь становилась все трудней и безнадежней. В 1924 году Ольга уехала в эмиграцию. Незадолго до ее отъезда Ахматова посвятила ей еще одно стихотворение:

Пророчишь, горькая, и руки уронила,
Прилипла прядь волос к бескровному челу,
И улыбаешься – о, не одну пчелу
Румяная улыбка соблазнила
И бабочку смутила не одну.

Перед последней войной Ольга Афанасьевна жила в крошечной квартирке дешевого дома у парижской заставы Сен-Клу. У нее появилась новая страсть: комната ее была заставлена клетками, в которых распевали птицы. Навестивший эту «могилку на восьмом этаже» Игорь Северянин назвал ее «голосистой могилкой». И вот в войну во время одного из налетов авиации случилось несчастье, возможно ускорившее Ольгину раннюю смерть. Соседи уговорили Ольгу Афанасьевну уйти в бомбоубежище, а тем временем бомба угодила в ее комнату, в ее птиц...

В январе 1945 года одинокая Ольга Глебова-Судейкина умерла в парижской больнице. В тот же год давно ничего о ней не слышавшая Ахматова вернулась из Ташкента в Ленинград

и начала писать «Второе вступление» к поэме, которое она посвятила подруге. Может, она все же чувствовала, что произошло с Ольгой:

Хочешь мне сказать по секрету,
Что уже миновала Лету
И иною дышишь весной...

Из стихов, посвященных Ольге Глебовой-Судейкиной, можно было бы составить солидную антологию. Да и какое упоминание о Серебряном веке обходится без ее имени!

Январский день. На берегах Невы
Несется ветер, разрушеньем вея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.